

A romantic couple is featured in the foreground, with a woman on the left and a man on the right. They are both looking towards the camera with soft, pleasant expressions. The background is a lush, scenic landscape featuring a green field, a wooden cabin, a dense forest of tall trees, and distant mountains under a bright, cloudy sky. The overall atmosphere is peaceful and idyllic.

Джанет Оак

ВЕЧНОЕ НАСЛЕДСТВО ЛЮБВИ

СВЕТ НА ВОСТОКЕ

СЕРИЯ • ЕЕ ЛЮБИМЫЙ РОМАН •
У ЛЮБВИ ЛЕГКАЯ ПОСТУПЬ

Janette Oke

LOVE'S
UNENDING LEGACY

Originally published
in English under the title
«Love's Unending Legacy»

*Published by Bethany House Publishers,
a division of Baker Book House, P. O. Box 6287,
Grand Rapids, MI 49516-6287, USA. All rights reserved.*

Джанет Оак

Книга пятая

ВЕЧНОЕ НАСЛЕДСТВО ЛЮБВИ

Роман

*Марти была вне себя от счастья,
снова оказавшись дома.*

*Неужели что-то может
разрушить ее радость?*

СВЕТ НА
ВОСТОКЕ

УДК 821.111(71)-312.2

ББК 84(7Кан)6-44

О12

Серия «Ее любимый роман: у любви легкая поступь»

Оак Д.

О12 **Вечное наследство любви** / Пер. с англ. Е. Корневой. — Роман. — Свет на Востоке, 2011. — 320 с.: ил. (Серия «Ее любимый роман: у любви легкая поступь»).

ISBN 978-966-2089-39-4 (Укр.)

ISBN 978-3-939887-72-0 (Герм.)

Пятый роман американской писательницы Джанет Оак из серии книг, повествующих об истории семьи Дэвис. Действие романа разворачивается на западных землях Северной Америки, осваиваемых переселенцами в начале XIX века.

Марти и Кларк Дэвис возвращаются домой после путешествия на Запад, где живет их дочь Мисси, которую они навещали. Они знают, что встретятся с переменами. Готовы ли они к тому, что произошло после их отъезда из дому?

Кэрр и Кейт с нетерпением ожидают рождения ребенка, но будущие события испытают их веру на прочность. Люк хочет стать врачом, и учеба оторвет его от родного дома. Элли превратилась в привлекательную молодую женщину. Есть ли поблизости достойный ее мужчина? А Нандри винит Бога в том, что случилось с Кларком.

Какой секрет Марти скрывает от семьи?

УДК 821.111(71)-312.2

ББК 84(7Кан)6-44

Переводчик — Е. Корнева

Художник — Л. Бунина

Компьютерная верстка — Т. Крук

Корректоры — Н. Назарова, Н. Боярин

Изд. № 01.507

ISBN 978-966-2089-39-4 (Укр.)

ISBN 978-3-939887-72-0 (Герм.)

ISBN 978-0-7642-2852-0 (Амер.)

© Русский перевод: «Свет на Востоке», 2011.

© Janette Oke, 2004.

С любовью посвящаю эту книгу
моей третьей сестре *Эмми Джун Уилсон*.

Она — единственная сестра,
с которой я не дралась в детстве,
а все потому, что у нее очень мягкий характер.
У нас много общих радостных воспоминаний.

А также посвящаю книгу талантливому шурина
Джону Ф. Уилсону.

ДЖАНЕТ ОАК родилась в городе Чемпион в провинции Альберта, что в глубине канадских прерий. Ее отец был фермером. Джанет росла в большой дружной семье. Она окончила колледж Маунтин-Вью-Байбл (Альберта), где познакомилась с будущим мужем Эдвардом. В мае 1957 года они поженились. Ее муж служил пастором в нескольких церквях в штате Индиана, а также в Канаде. Затем супружеская пара провела несколько лет в Дидсбери и Калгари: Эдвард занимал различные посты в администрации колледжей, а Джанет писала. Она является автором более шестидесяти романов и повестей для взрослых и детей. Общий тираж ее книг превысил двадцать два миллиона экземпляров.

У Эдварда и Джанет три сына и дочь. Все они обрели свои половинки и подарили родителям двенадцать внуков. Семья Оак активно участвует в жизни церкви в городе Дидсбери (провинция Альберта).

Посетите персональный веб-сайт Джанет Оак:

www.janetteoke.com

Глава первая

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Марти, еще раз выглянув в окно, дрожащей рукой откинула со вспотевшего лба прядь выбившихся волос. Почему она так дрожит? Может, дело в том, что она много часов подряд просидела в повозке, которая как будто совершенно не двигалась? Или же она разволновалась из-за того, что вскоре вновь окажется дома? Марти с трудом расслабила руки и уняла душевное беспокойство.

Кларк, наверное, заметил, что она тихонько ерзает на месте. Он увлеченно разговаривал с другим пассажиром о том, как сильно они нуждаются в дожде, но взял Марти за руку, и она, ощутив силу его пальцев, поняла невысказанные слова, убеждавшие ее в том, что он понимает, как она устала и как ей не терпится очутиться дома. Марти в ответ пожала его руку, чтобы убедить

мужа: она прекрасно себя чувствует, несмотря на всепоглощающее желание закончить путешествие. Кларк спокойно улыбнулся ей и опять повернулся к соседу. Марти в сотый раз нагнулась к крошечному окошку дилижанса, чтобы лучше видеть то, что за ним открывалось.

Она узнавала окрестности, видела межи, но это зрелище лишь расстраивало ее, потому что они двигались очень медленно. Ах, как она мечтала быстрее оказаться дома и посмотреть на любимых детей, которых не видела долгие месяцы! Она сильно устала, но от жгучего нетерпения сидела на самом краешке скамьи, и каждый ее нерв и мускул вибрировал от концентрированной энергии. Домой! Я хочу приехать домой! Она цеплялась за ручку кресла, когда кучер направлял повозку по ухабистой дороге.

Кларк оторвался от разговора с джентльменом в черном костюме и еще раз понимающе ей улыбнулся.

— Уже недолго осталось, — ободрил он, выглядывая в окно через ее плечо, — участок Андерсона прямо перед нами.

Марти знала, что он прав. И все-таки, сказала она себе, пройдет еще целая вечность, прежде чем дилижанс остановится. Сумеет ли она держать себя в руках последние бесконечные мили? Сияясь справиться с волнением, она постаралась сосредоточиться на том, что ждало ее впереди. Кто будет их встречать? Может, первенец Клэр поведет за собой семью? А Кейт придет? Или их поджидает Арни? А Люк, младший сын, на месте?

Марти задумалась о доме. Наверное, он покажется ей незнакомым, когда она войдет в дверь. Возможно, у нее

возникнет чувство, будто она вторглась в чужое пристанище, и все-таки она будет сознавать, что является здесь полноправной хозяйкой. Элли, скорее всего, приготовила ужин и, беспokoясь о том, что еда слишком долго простоит на большой удобной плите, у задней стенки которой выстроились тарелки, нетерпеливо ждет дилижанс. Они опаздывают уже на целый час.

Марти вспоминала о ферме, саде, цыплятах, жмущихся к наседке, роднике, лесе. Ей хотелось снова их увидеть: *«Ну вот, я, взрослая женщина, а веду себя, как малыш Люки, ожидавший, когда из яйца вылупится птенец».*

Она вытянула ноги, надеясь прогнать усталость от долгой поездки. Взглянув на ногу Кларка в ботинке, которая твердо упиралась в пол, Марти подумала, что его длинную конечность стиснуло еще больше, чем ее коротенькие ножки. Она не хотела смотреть на другой бок, где находилась пустая штанина, прикрепленная булавкой: *«Во всяком случае, этой ноге много места не нужно...»* Кларк пытался показать ей, что не стоит горевать о его увечье. *«Но, наверное, после того, как она долгое время была обездвижена, ее тоже саднит»*, — рассудила Марти и задумалась о том, страдает ли Кларк от боли в отрезанной конечности.

Видимо, Кларк заметил ее взгляд и прочитал немой вопрос. Он поменял позу и заговорил с ней.

— Она довольно хорошо переносит ухабы, — сказал он, похлопывая себя по ляжке. — Хотя ей так же, как всему телу, было бы приятнее, если бы они быстрее закончились. Кажется, мы просидели здесь целую вечность.

Марти кивнула и попыталась улыбнуться, несмотря на то что в дилижансе было жарко и пыльно и она мечтала вдохнуть свежий чистый воздух. Она бы предпочла проехать последние несколько миль в старой фермерской повозке.

Она опять наклонилась, чтобы взглянуть в окно, и увидела, что они проделали большой путь. Прямо перед ними лежал последний поворот дороги перед въездом в местечко, которое они называли *наш городок*. Ее пронизала дрожь волнения — о, она опять дома! Во время долгого путешествия в поезде и в дилижансе она поняла, как сильно скучала по дому и по своим домашним!

Марти вновь задумалась о Мисси и Вилли, Натане и Джосайе. Как здорово они проводили время вместе! Она узнала и полюбила Запад благодаря ранчо Вилли и людям, которые там работали.

Интересно, как поживает Куки? Придерживается ли он новоприобретенной веры? Она вспоминала Вана и испеченный им пирог — он подарил его в последнюю минуту, когда они собирались в путь. А еще Скотти, добрый, терпеливый человек, который нуждался в том, чтобы принять в свою жизнь Бога. Она думала о ершистом Смите и надеялась, что ее уверенность в том, что он немного смягчился, вовсе не пустые мечты. Возможно, в один прекрасный день он решится прийти на службу в новой церкви.

Эти мысли вызвали множество воспоминаний о людях, с которыми она молилась и которых полюбила как своих соседей и друзей. Удастся ли Генри вести за собой паству, изучая с прихожанами Библию? По-прежнему ли приезжают

в церковь Крофты? Сумели ли они примириться с потерей, чего отчаянно желала миссис Крофт? А Хуан и Мария?

Вдруг кучер прикрикнул на лошадей, и карета, подняв облачко пыли, мягко остановилась. От радостного ожидания у нее все внутри перевернулось. Голова закружилась. Кларк поддержал ее, когда она поднималась на ноги. *«Кто из домашних на месте? Сколько времени пройдет, прежде чем мы увидим всех остальных? А что если они не получили известия о приезде и никто не придет нас встречать? Как я выдержу еще несколько часов, прежде чем мы найдем способ добраться домой?»* — ей не терпелось найти ответы на свои вопросы. Осмелится ли она выглянуть за дверь кареты?

Марти на секунду закрыла глаза и подкрепила себя короткой молитвой. Нежное прикосновение Кларка успокаивало ее. Она глубоко вдохнула и подождала, пока муж спустится вниз, чтобы помочь ей выбраться из кареты, которая наконец-то остановилась. Ей казалось: она все еще движется и тихонько покачивается в такт колесам. Марти оперлась на протянутую руку Кларка и спустилась вниз, стараясь двигаться изящно и спокойно.

И тут же воздух вокруг нее наполнился криками. Суетливые и радостные домашние их окружили. Марти, плача и смеясь, обнимала то одного, то другого. Пришли все: Клэр с Кейт, Арни, Элли и Люк, Джош и Нандри с детьми. Только Джо и Клэ не было — они по-прежнему жили на Востоке, так же как маленькая Эстер Сью. Джо заканчивал учебу в тамошней семинарии.

Марти стала обнимать родных и повернулась, чтобы проделать это еще раз. Утирая слезы радости, она отступила назад, поражаясь тому, как выросли внуки, какой хорошенькой и взрослой выглядит Элли. Люк больше не похож на мальчика, а старшие сыновья кажутся такими высокими и мужественными! Они изменились, ее дети. Прошел всего один год — правда, такой длинный! — а они так сильно изменились. Джош пожимал руку Кларку и говорил о том, как его не хватало. Марти видела, как дети беспокойно взглядывают на пустую штанину Кларка, и понимала, что это сложный, драматичный момент для ее семьи. Кларк успокоил всех, когда, уверенно маневрируя костылем, поднял чемодан:

— Помните, как мы отсюда уезжали? Вещей была такая огромная куча, что я сомневался, смогут ли бедные лошадки все дотащить. Что ж, мы привезли обратно намного меньше, чем увозили.

Он усмехнулся и похлопал по ампутированной ноге:

— Даже я стал немного легче, собираясь в обратный путь, — пошутил он.

Родные немного посмеялись, и напряжение спало. Мужчины стали перетаскивать вещи, и вскоре все они оказались в повозке.

Марти опять повернулась к девочкам:

— Ох, как *хорошо* быть дома! Мы так долго путешествовали, и мне так много нужно вам рассказать. Я просто лопаюсь от нетерпения! — Она обратилась к Элли: — Я думала, ты дома и беспокоишься о том, что дилижанс опаздывает. Ведь ужин будет испорчен.

— Мы собрались вместе и решили, что сегодня особенный день, — с улыбкой сказала Элли (Марти глядела на милое личико дочери, и ее сердце переполнялось радостью). — Мы знали, что вы устанете после долгой дороги, и подумали, что вам не помешает небольшой перерыв, прежде чем опять залезть в повозку и отправиться домой. Кроме того, нам ужасно хочется вас послушать, и потому мы решили, что встретим вас в городе и поужинаем в гостинице.

Марти удивилась, но, по здравому размышлению, одобрила их идею. Будет здорово вытянуть ноги и насладиться ужином в семейном кругу! Это лишь ненадолго отсрочит встречу с домом и знакомой обстановкой.

Марти повернулась, чтобы поговорить с Нандри, но молодая женщина стояла, словно громом пораженная, и глядела на то, как мужчины подходят к повозке. Взрослые сыновья соревновались в том, чтобы занять место поближе к отцу; все говорили и смеялись одновременно. Было ясно, что они радуются его возвращению. Муж Нандри, Джош, шел рядом с ними и нес на руках младшую дочь Джейн. Эндрю болтал вместе с другими мужчинами, высоко поднимая в воздух дорожную сумку Марти шляпную коробку. Но Нандри смотрела только на Кларка, и Марти видела на ее лице глубокую боль. Она хотела убедить Нандри, что все в порядке, что культя больше не вызывает у Кларка никакого неудобства, что он по-прежнему делает все то, что делал раньше... ну, почти все. Он легко приноровился и даже возблагодарил Бога за перемену в их жизни, ведь благодаря трагедии произошло много хорошего. Но не успела Марти подойти к старшей дочери,

которую любила, словно родную, как Нандри отошла в сторону с выражением глубокой печали на обеспокоенном лице.

«Это шок, — подумала Марти, — страшный шок. Ей нужно время, чтобы привыкнуть и приспособиться к перемене. Мне самой сначала было тяжело».

— Мам, а как па себя чувствует? — раздался голосок Элли. — Я понимаю, он кажется... ну, таким же, как раньше. Но так ли это на самом деле? Не... не беспокоит ли его нога?

— Твой папа чувствует себя прекрасно... просто прекрасно. — Марти надеялась, что Нандри, которая стояла молча, повернувшись к ним спиной, слышит ее. — Всем было сложно. И тебе тоже... Я знаю. Особенно сначала. Но твой отец редко сокрушается о том, что недостижимо. Он здоровый мужчина. Он не станет расстраиваться из-за такого пустяка, как отрезанная нога. Вот увидишь...

И вдруг Элли заплакала. Хрупкая фигурка сотрясалась от тихих всхлипываний, а большие слезы без остановки текли по ее лицу.

Марти быстро подошла к ней и прижала к себе, поглаживая по спине и тихонько покачиваясь, пока Элли не успокоилась.

— Все хорошо, — шептала Марти. — Я сама много плакала. А теперь все в порядке.

Элли вытерла глаза носовым платком:

— Ох, мама, — извиняющимся тоном произнесла она, — я думала, с этим покончено. Я пообещала себе... но когда я его увидела... когда поняла, что это правда, я...

Марти притянула ее к себе:

— Все хорошо, — снова успокоила она. — Хотя мне сложно подсчитать, сколько раз мы с Мисси рыдали вместе.

Элли высморкалась, Кейт последовала ее примеру. Марти и не заметила, что молодая жена Клэра тоже плакала. Она подошла к невестке и обняла ее. Кейт прижалась к ней, несомненно ощущая любовь и силу, которой стремилась поделиться с ней свекровь.

Затем Марти повернулась к Нандри. Обнимая молодую женщину, она почувствовала, что та напряглась всем телом. Она не плакала. Нандри обняла ее в ответ, но Марти показалось, что внутренне она отстранилась от нее. Ей хотелось сказать: «Ну же, поплачь! Так будет легче, и никто тебя за это не осудит». Но Нандри высвободилась из объятий. Ее глаза были сухими. Она молчала.

Вернулись мужчины. Элли и Кейт еще раз вытерли глаза и повернулись к ним.

По пути в обеденный зал гостиницы они весело болтали. Марти вспоминала то далекое утро, когда они собрались вместе, чтобы попрощаться. Тогда тоже было шумно. Более того, чтобы приструнить родных, Кларку пришлось попросить их замолчать. Стоило Марти подумать об этом, как Кларк повернулся к оживленной толпе и поднял руку.

— Постойте! — громко сказал он. — По-моему, пора навести порядок.

Тина, которая, казалось, за время их отсутствия выросла на несколько дюймов, ответила так же, как и год назад:

— Ох, дедушка...

Кларк закончил за нее:

— Я знаю... знаю. Как можно навести порядок в этой неразберихе?

Он дернул ее за тонкий хвостик, и они оба рассмеялись. Тина потянулась к нему, чтобы ее заключили в объятия, которые, как она знала, не заставят себя ждать. Марти тоже рассмеялась; этот короткий сдавленный смешок выражал и боль, и радость. *«Вот видите, — безмолвно обращалась она к родным, — ничего не изменилось, ну, почти ничего, во всяком случае, из того, что по-настоящему важно».* Но, наверное, они все без слов поняли, что она хочет сказать, поскольку Марти заметила, как изменились выражения их лиц — горе, затем смирение и наконец облегчение.

Отец такой же, как раньше. Большой мужчина, которого они знали и любили, был все тем же. Несчастный случай не изменил его характера. Он по-прежнему хозяин в доме. Возможно, он не в состоянии предугадать несчастный случай, но он умеет держать себя в руках. Он не позволит, чтобы ампутированная нога изменила его личность, изменила человека, которым он стал. К счастью, он по-прежнему управляет своей жизнью. Впрочем, это неверно. Кларк никогда не утверждал этого. Это его секрет.

Человек, который стоял перед ними, человек, которого они имели счастье называть отцом, любили, уважали и которому еще в детстве научились повиноваться, всегда говорил, что главный секрет и истинный смысл жизни состоит в том, чтобы не стараться управлять ею. Обрести покой можно только в том случае, если вручить себя в руки всемогущего Отца.

И никто из членов маленького кружка не сомневался в том, что Он по-прежнему полновластно и мудро правит миром.

Только Нандри, которая стояла чуть поодаль, отводя взгляд от пустой штанины, казалось, не имела вовсе никаких сомнений. Марти видела выражение ее лица и понимала, что Нандри не в состоянии примириться с ситуацией. Она мысленно помолилась о дочери, которая всегда была замкнутой и склонной к одиночеству. Нандри привыкнет к новому положению вещей, но, наверное, она не может сделать это прямо сейчас.

Глава вторая

НОВОСТИ

Когда они подошли к гостинице, Марти и Кларка со всех сторон окружили внуки — они хотели сидеть к ним как можно ближе. Только Джейн, которой было всего несколько месяцев, когда Марти и Кларк уезжали на Запад, не помнила их и жалась к отцу, внимательно наблюдая большими голубыми глазами за двумя незнакомцами. Марти очень хотелось прижать ее к себе, но она сдерживалась, чтобы у малышки было время освоиться. Впереди много дней, в которые она будет обнимать и ласкать ее.

Тина, старшая внучка, взволнованно рассказывала о школе и показывала дневник. Эндрю похвастался, что теперь он тоже ходит в школу, и настоял на том, чтобы в доказательство досчитать до десяти. Мэри приблизилась к Марти и застенчиво прошептала, что все еще сидит дома и помогает мамочке

ухаживать за Джейни. Марти обвила ее рукой и притянула к себе.

— Что ж, — заявил Арни, когда разговор на мгновение стих, — давайте послушаем о Западе. Правда ли, что там все так, как об этом твердят?

Марти улыбнулась, а Кларк ответил на вопрос Арни:

— Должен признать, что предпочитаю жить здесь, но и на Западе неплохо, это уж точно. Я понимаю, почему Вилли так носится со своим ранчо. Люди, которые там живут, помогают друг другу, а земли много, и она никому не принадлежит. Возникает чувство свободы.

— Там по-прежнему мила земля, которые до сих пор никто не объявил своими? — поинтересовался Клэр.

— Уже не так много. Когда проложили железнодорожные пути, землю стали быстро разбирать. Западные ранчо не чета нашим фермам — земли там навалом. Там, где живет Вилли, осталось не так много свободных акров. Конечно, соседей у него до сих пор немного, но теперь в округе живут люди. Просто до них нужно ехать, вот и все. И город быстро растет. А еще у них появилась маленькая церковь, и осенью они построят школу. Мелинда будет преподавать в свободное время. Кроме того, и врач нашелся, так что дела идут неплохо.

Элли прикрыла глаза.

— Доктор де ла Роза, — произнесла она, словно пробуя незнакомое имя на вкус. — Кажется, мы многим ему обязаны, верно?

Кларк с серьезным видом кивнул.

— Да, — ответил он. — Похоже на то. И я снова рассчитываю на него. Надеюсь, что он поможет еще одному моему внуку благополучно появиться на свет.

— Ух ты! — воскликнула Кейт. — А как поживает Мисси?

— Прекрасно. Она настаивала на том, чтобы мы отложили наш отъезд до рождения ее малютки.

— Хорошо, — сказал Клэр, взяв жену за руку, — может, и мы чем пособим... насчет малютки, я имею в виду. Мы подумали, что, кажись...

— О чем ты?

Кейт залилась румянцем:

— Клэр, перестань...

Но он, ни капли не смутившись, продолжил:

— Пока еще нет, — сказал он взволнованным родным, — но мы подумали, что это отличная идея, вот и все. Жду не дождусь, когда у меня появится сын.

Марти выпрямилась в кресле, на мгновение почувствовав разочарование. Вот если бы внук рос прямо у них в доме! Она обрадовалась, что Клэр и впрямь хочет сказать...

Потом одернула себя: куда спешить? Марти улыбнулась красной от смущения Кейт. Ей не терпелось ближе познакомиться с невесткой.

— Не обращай внимания, вечно он дразнится, — ободрила она ее. — Клэр всегда был шутником. Мы его хорошо знаем, так что не обижаемся.

Она увидела, что Кейт успокоилась, и решила перевести разговор на другую тему.

— А как твои дела, Арни? — спросила она, понимающе улыбаясь сыну, который сидел напротив нее, прикидываясь, будто затронутая тема его совершенно не интересует.

— Какие дела? — повторил Арни, словно не поняв вопроса Марти. Но она видела, как по его лицу медленно разлилась краска, и догадалась, что он все прекрасно понял.

Элли захихикала:

— Ну же, Арни. Рассказывай.

Арни напустил на себя безразличие и внимательно уставился на узор скатерти.

Защищая брата, Люк медленно проговорил:

— Она хорошая. Я его не виню.

— И я так считаю, — снова захихикала Элли.

Марти увидела, как ее сын поморщился, и решила, что сейчас неподходящий момент, чтобы обсуждать эту тему.

— Мне бы хотелось послушать о ней, — сказала она, — но когда у нас будет для этого время. А сейчас, пожалуй, мы должны решить, что закажем на ужин.

После того как она отвлекла внимание родных от Арни, Марти повернулась к Люку:

— Мне не терпится узнать о твоих планах, сынок, и о занятиях с доктором Уоткинсом.

— Все отлично! — просто, но с воодушевлением ответил Люк.

Марти поняла, что он не отказался от желания стать врачом. Кларк повернулся к Нандри:

— Когда ты в последний раз получила весточку от Клэ? — спросил он.

Нандри озабоченно вытирала совершенно чистую грудку Джейн.

— Наверное, неделю назад, — ответила она, даже не взглянув на отца.

— Все в порядке?

— Кажется, да. Джо скоро вернется домой.

— А мы в последний раз получили письмо за неделю до того, как уехали от Мисси, — заметила Марти. — Я так рада, что у них родился сын, ведь они так о нем мечтали! Хорошо, что он родился до того, как они собрались переехать. Клэ писала, что Джо получил место в церкви на Востоке. Мне это не нравится. Я мечтала о том, что они вернутся домой, но я понимаю чувства Джо. Он наберется опыта и в то же время сможет продолжить обучение. Хотя это и нелегко, конечно, — заключила она.

Нандри только кивнула.

Официантка в белом переднике подошла, чтобы принять заказ. Когда все родственники наконец определились с тем, что они будут есть, девушка удалилась, окончательно запутавшись, и они заговорили на другие темы.

Марти выглянула в окно и увидела, что солнце больше не освещает благодатными лучами землю. Оно ушло далеко на запад и вскоре опустится на ночное ложе. Ей хотелось вернуться домой до наступления темноты, чтобы увидеть дорогу сердцу фермы, но она понимала, что это вряд ли удастся. Последняя часть путешествия пройдет в лунном свете, а затем мужчины, освещая себе путь фонарем, займутся неотложными делами, хотя, конечно, они торопились все успеть до

отъезда в город. Марти втайне надеялась, что ужин не затянется. Она, сделав усилие, стала вновь прислушиваться к разговору: мужчины обсуждали урожай, долго ожидаемый дождь, планы на будущий год. Марти прижала к себе Мэри и улыбнулась Тине и Эндрю, которые тихо сидели по бокам у дедушки. Она по очереди рассматривала лица родных, сидящих за большим столом, и про себя поблагодарила Бога за то, что Он позволил им благополучно вернуться в родные места и помогал домочадцам в их отсутствие.

Она взглянула на Кларка — он сидел напротив нее, положив руку на плечо Эндрю, — и увидела того же человека, с которым уехала из дому год назад. Марти видела, что он силен и весел, как раньше, и по-прежнему ведет за собой домашних. Его сильный характер и любовь к семье также не изменились. А ведь только это по-настоящему важно, а вовсе не культя отрезанной ноги, которую не было видно под столом. Марти надеялась, что дети и внуки ценят в нем те же качества.

Как и подозревала Марти, когда они прибыли домой, было уже совсем темно. Она сожалела о том, что не сможет немедленно оглядеть любимую ферму, но промолчала. Ночь была лунной и ясной, и звезды ярко горели над головой, но она понимала, что нелепо бродить по ферме, спотыкаясь в сумерках. Поэтому, сидя на скамье повозки, она любовно разглядывала очертания строений, которые виднелись в ночной темноте на дворе. Она узнала амбар, курятник, первую бревенчатую избушку, в которой когда-то жила с Кларком и детьми, — теперь там поместились Клэр с Кейт. Вздохнув, она

позволила мужу опустить ее вниз и последовала за ним к дому, напряженно вглядываясь в сад. Ей было интересно, что посадили Элли и Кейт и в каком количестве, но темнота скрывает от нее этот секрет.

Элли зажгла яркую лампу и внимательно наблюдала за тем, как мать разглядывает кухню. Вот любимая плита, шкафы с аккуратно расставленной утварью, большой семейный стол, за которым они собирались много лет подряд. Занавески и картины на стенах именно такие, какими она их помнила. Даже полка с кухонными полотенцами выглядела так же, как раньше, а рядом с плитой свисали знакомые крюки для горшков. Только календарь у стены изменился — ведь с тех пор, как Марти уехала из дому, прошел целый год! Она вздохнула и с удовольствием улыбнулась Элли.

Какое облегчение — обнаружить, что все осталось по-прежнему! Спокойствие окутало ее, словно теплое одеяло. Она положила вещи, которые несла в руках, и стала быстро переходить из комнаты в комнату. Да, Элли сохранила все в целости и сохранности. Дом такой же, как прежде. Наконец-то она вернулась! Марти рассматривала мебель, отмечая про себя, что необходимо сделать в ближайшее время: наклеить новые обои в гостиной, покрасить деревянную отделку в кухне.

Она еще раз удовлетворенно вздохнула: дом все еще нуждается в ней. Она должна немедленно о нем позаботиться, но только не сегодня вечером. Вдруг ей ужасно захотелось очутиться в своей постели. Как она устала! От волнения, связанного с возвращением в родные края, она даже не заметила, что совсем вымоталась. Ну, теперь-то она это чувствует.

Марти даже засомневалась, хватит ли у нее сил вскарабкаться по лестнице в спальню.

Кларк заметил это. Он с неммым вопросом посмотрел ей в глаза.

— Все хорошо, — тихо уверила его Марти. — Просто я только сейчас поняла, что дорога меня сильно утомила, вот и все. Думаю, прямо сейчас лечь в постель, а ферму осмотрю завтра утром. Торопиться некуда.

Кларк кивнул, взял чемодан под мышку, а костыль в руку, и уверенно пошел вверх по лестнице. Марти медленно карабкалась за ним. Возбуждение от шумного вечера куда-то испарилось. Она стояла у двери спальни, которую делила с Кларком. Давненько же они спали здесь в последний раз! Она любовно оглядывала каждый дюйм комнаты.

Изящный рисунок розовых обоев, глубокий, насыщенный цвет натертого до блеска паркета, толстые самодельные коврики, белоснежные занавески на окнах, уютная кровать с теплым одеялом. Ей очень нравилась эта спальня. Она бы не отдала ее ни за какие деньги, не променяла бы даже на роскошный гостиничный номер, в котором они останавливались по пути на Запад.

Марти вспомнила, что забыла рассказать девочкам про гостиницу, о том, как она думала, что воры украли часы Кларка, как они спали на кровати с блохами и как увидели настоящих индейцев, торгующих мехами. Им еще столько нужно обсудить! Но разговоры подождут.

Кларк поставил чемоданы в угол и вернулся к собравшимся внизу родным.

Марти почувствовала за спиной какое-то движение и, обернувшись, увидела Люка, который нес большой таз.

— Я подумал, что ты, наверное, захочешь смыть дорожную пыль, прежде чем лечь спать, — просто сказал он и поставил таз на один из ковриков посередине комнаты. — Сейчас принесу пару ведер теплой воды.

Марти с любовью посмотрела на младшего сына. Это на него похоже: Люк сразу понял, что перед сном она мечтала спокойно полежать в теплой ванне.

Люк, как и обещал, быстро вернулся. Марти поблагодарила его и вылила ведра в огромный таз.

— Когда закончишь, оставь все на месте, — попросил Люк. — А завтра утром я все уберу.

Марти кивнула, и Люк собрался уходить. У двери он остановился и повернулся к ней.

— Я очень рад, что ты дома, мама, — нежно произнес он. — Без тебя мне было ужасно одиноко. Я по тебе скучал.

— А я скучала *по тебе*, — с чувством произнесла Марти. — Я так боялась, что ты уедешь на учебу, а меня не будет, чтобы собрать тебя в дорогу! Я довольна, что ты решил повременить. Надеюсь, это не вызовет проблем.

Люк улыбнулся:

— Наоборот, только поможет, я думаю. Доктор — отличный наставник. Невероятно, сколько я узнал от него за последний год! Теперь я не сомневаюсь, что буду врачом. Некоторым парням трудно определиться, говорит доктор, и они только попусту тратят время и деньги.

— А ты не сомневаешься?

— Нет, ни капельки.

— Тогда мы с отцом благословляем тебя, хотя мне больно думать, что ты уедешь так далеко.

Люк улыбнулся:

— Спасибо, мама, — сказал он. — Теперь я готов ехать. А в прошлом году было еще рано.

Он ушел, и Марти повернулась к импровизированной ванне.

«Ох, как приятно!» — подумала она, погружившись в теплую воду. Она смыла дорожную грязь и сняла усталость занемевших мускулов. Чистая, теплая ночная сорочка, несколько взмахов щеткой для волос — и она готова ко сну.

Не успела она лечь, как в дверь тихо постучали.

— Не заперто, — откликнулась Марти, и вошла Элли.

— Просто хотела пожелать спокойной ночи и сказать, как я рада, что вы снова дома! — прошептала она и наклонилась, чтобы поцеловать Марти в щеку. — Хорошо, что ты приехала, мама. Я по тебе скучала.

— А я скучала по тебе, Элли. Я горжусь тем, как хорошо ты справлялась в мое отсутствие. Все выглядит отлично, видно, что ты обо всем позаботилась. Я очень горда... и немного напугана.

— Напугана?

— Именно так. Должна признать, пусть мне неохота это говорить, что ты станешь чудесной женой какому-нибудь счастливчику. Не хочу даже думать об этом, Элли. Боюсь с тобой расставаться.

Элли тихо рассмеялась.

— Мам, ну что ты беспокоишься? — сказала она, поправляя прядь волос на лбу Марти. — Не нужно переживать из-за пустяков. Я пока не собираюсь заводить собственное хозяйство.

— Тебе не хочется иметь собственный дом и?..

— Ну, я этого не говорила. Конечно, я хочу, чтобы у меня был дом... и семья. Но я не нашла того, с кем готова разделить свою жизнь, вот и все.

Она наклонилась и поцеловала Марти в лоб:

— Ну, а теперь ложись спать. И не нужно вскакивать ни свет ни заря — я приготовлю завтрак.

Марти уже дремала, как вдруг дверь в спальню опять скрипнула, и Арни на цыпочках подошел к кровати. Марти с трудом открыла глаза.

— Я боялся, что ты уже спишь, — мягко произнес Арни. — Не хотел будить. Клэр и Кейт попросили пожелать тебе спокойной ночи. Они хотели лично сказать это, но узнали, что ты уже в постели.

— Надо было мне подождать...

— У тебя был длинный, трудный день, — перебил ее Арни. — Па говорит: ты ужасно устала. Он бы быстренько вышвырнул меня отсюда, если бы узнал, что я тебя беспокою.

Марти улыбнулась.

— Я, пожалуй, пойду, — добавил Арни и наклонился, чтобы поцеловать ее в лоб, а потом тихо прошептал: — Она удивительная девушка, ма. Уверен, ты ее полюбишь. Завтра я расскажу тебе о ней.

И Арни вышел из комнаты так же тихо, как вошел. Уставшие глаза Марти закрылись сами собой. Последней была мысль о Кларке. Где же он? Он тоже должен лечь в постель. Он устал ничуть не меньше, чем она. В конце концов мысли стали путаться, и Марти погрузилась в глубокий, спокойный сон.

Глава третья

ОСМОТР

Когда Марти открыла глаза на следующее утро, та сторона кровати, где спал Кларк, была уже пустой, но все еще теплой. Она проснулась не так уж поздно. Отдохнув в собственной постели, она была готова к осмотру родной фермы. С аппетитом съев то, что Элли приготовила на завтрак, и вымыв посуду, Марти вышла в сад. Элли и Кейт посадили все правильно, и даже немного больше, чем может понадобится. Марти улыбалась, глядя на количество и разнообразие овощей и фруктов. Она одобряла то, какие сорта выбрали девушки. Что касается излишков, то они пригодятся соседям. Овощи на огороде уже зрели; выглядели они очень привлекательно. Сезон еще только начался, но Марти видела, что их ожидает хороший урожай. Она то поправляла стебель, то окапывала

растение или хвалила его за то, что оно вымахало таким здоровым.

От огорода она направилась к палисаднику. Ранние цветы уже покачивали на утреннем ветру раскрывающимися бутонами, поблескивая росой в солнечном свете. Марти глубоко вдыхала сладкий запах, переходя от одного растения к другому. Пчелы деловито жужжали, собирая нектар из раскрытых цветков.

После этого Марти направилась к фруктовым деревьям. Весна стояла теплая, все они зацвели, и она увидела, что, если не начнется засуха, их ожидает изобилие. Направляясь к источнику, она помолилась об этом.

Зеленые деревья дарили тень, и, когда Марти почувствовала свежий запах деревьев и полевых цветов, от радости ее сердце забило быстрее. Как сильно она скучала по прохладе душистого леса! На Западе, где живет Мисси, они и не видели настоящих лесов. Марти остановилась, глядя на дрозда, который с червяком в клюве пролетел к ветке. Среди листвы виднелись крошечные головки, хорм попискивали открытые клювики, которые ожидали, когда их накормят. Марти улыбнулась, сочувствуя озабоченной матери.

Она шла по тропинке, пока не услышала тихое журчание ручейка. Он немного уменьшился в размерах, потому что давно не было дождя, но вода была чистой и искристой. Марти наклонилась, чтобы коснуться блестящей поверхности ручья, тихо бежавшего по гладким камешкам, лежащим на дне. Ей так хотелось войти в него!

Она приблизилась к берегу, опустилась на землю и протянула руку к воде. Вода была холодной — у Марти даже пальцы свело. Как и раньше, маленькое чудо поразило ее. Почему вода, которая вытекает из небольшого холма в лесу, такая холодная? Откуда она пришла и как сохраняет прохладу, прокладывая путь под землей? Ей казалось: она чувствует на языке сладковатый привкус сливок и масла, которые они хранили в ручье, ледяном даже в середине лета.

Марти спрятала руку в передник, чтобы ее согреть. Она сидела неподвижно, любуясь быстро бегущей водой. На соседнем дереве заработал клювом дятел. Трава всколыхнулась: в ней пробежала мышка. Марти наблюдала за стрекозой, которая то опускалась, то поднималась над ручьем. В лесу бурлила жизнь, и она знала, что многое ей никогда не увидит и не услышит. Она продолжала молчаливо рассматривать то, что ее окружало, прислушиваясь и ловя каждое движение.

Марти любила лес. Прогулки освежали ее. А она нуждалась в этом, потому что до сих пор чувствовала усталость после длинной дороги домой. Кроме того, ее утомило волнение от воссоединения с семьей и осмотра любимой фермы и дома. Ей нужно сделать кое-какие изменения по сравнению с прошлым годом; она знала, что жизнь состоит из изменений; жить — значит меняться. Но Марти всем сердцем благодарил Господа за те вещи, которые остаются постоянными в непостоянном мире: даже за такие простые вещи, как спокойный ручей и журчащий родник.

И Кларк. Она улыбнулась и помахала рукой, когда знакомая фигура показалась на холмике. Когда он приблизился,

Марти поняла, что муж беспокоился о ней: он внимательно взглядывался в ее лицо, ища следы страшной усталости, которую она испытывала вчера вечером.

— Доброе утро! — приветствовал ее Кларк и, опираясь на костыль, опустился на землю рядом с ней. — Ты спала не так уж долго. Как ты сегодня?

— Я хорошо отдохнула и так рада, что мы снова дома! — Марти скользнула рукой под его руку. — Через несколько дней я буду как новенькая, особенно если время от времени смогу сидеть возле ручья.

— Значит, ты хочешь, чтобы жизнь была полна удовольствий! — поддразнил он.

Но нежное прикосновение к ее руке опровергало шуточный упрек.

— Можешь сидеть здесь, сколько вздумается, — уверил Кларк. — Элли отлично справляется. Она работы не боится.

— Спасибо, Кларк, — сказала Марти и поцеловала его, когда он собрался вставать.

— Я пойду в конюшню, — предупредил он, потирая щеку. — Гуляй хоть до ужина, если хочешь.

«Да, Кларк — та часть моей жизни, которая никогда не меняется, — подумала Марти, когда высокая фигура растворилась вдали. — Спасибо Тебе, Господи!» — прошептала она.

Наконец Марти встала с поросшего травой берега и направилась к солнечному свету и дому. По пути она оглядывалась; теперь ей были понятны замечания членов семьи, которые она слышала после возвращения домой. Земля нуждалась в дожде. Посадки нуждались в дожде. Реки нуждались в дожде. Марти

посмотрела на соседнее пастбище. Трава была низкой и начинала выгорать. Правда, после засушливого Запада даже скудные луга казались зелеными. Но Марти помнила, что обычно в середине июня они выглядели куда более свежими и сочными. Она взглянула вверх: солнце ярко светило на безоблачном небе. Она перевела глаза на горизонт: над далекими холмами ни облачка. Видимо, в ближайшем будущем дождя ожидать не стоит.

Марти подошла к амбару и потянулась рукой к забору, чтобы потрепать по шее большую гнедую кобылу. К ней в ожидании ласки приковыляла также ее подруга. Марти погладила и ее. Та фыркнула в протянутую руку, раздраженная, что в ладони нет ни кусочка яблока, ни сахара, и отошла назад, в тень, скрываясь от безжалостного солнца.

Марти прошла вперед, миновала курятник. Наседки кудахтали, топтались по земле и ссорились за места у поилки. Большой петух важно расхаживал у сарая, бросая вызов самцам меньшего размера. Марти заметила несколько наседок с подрощенными цыплятами. Эли хорошо заботилась о них. Осенью и зимой цыплят будет достаточно.

Марти замедлила шаг, подходя к маленькой избушке, которую много лет называла домом. Она почувствовала приступ ностальгии, взглянув на воздушные занавески, которые развевались в открытом окне кухни. Кейт развешивала белье на веревке. Марти пожелала ей доброго утра, и та помахала в ответ.

— Я почти закончила. Хочешь кофе? — предложила невестка.

Марти с удовольствием согласилась. Ей было очень интересно увидеть, как устроились Клэр и Кейт. Она последовала за невесткой в прихожую и вошла в чистенькую кухню. Кейт кое-что в ней изменила — изменила к лучшему, отметила про себя Марти, — но в основном уютная комнатка оставалась такой, какой она ее помнила.

Кейт налила воды в кофейник и отмерила кофе:

— Я надеялась, что ты зайдешь к нам сегодня. Мне не терпелось показать дом. Он чудесный, правда?

Марти улыбнулась в знак согласия. Именно так она всегда о нем думала.

Кейт поставила воду кипятить и предложила Марти пройти по дому. Та с готовностью согласилась. Они вошли в гостиную, и Марти осмотрела знакомый камин и книжные полки, а также новый диван, два кресла, маленький столик и дедовские часы. Коврики на полу и занавески на окне она раньше не видела.

Они прошли через дверь в комнату, которая некогда была спальней Марти. Она делила ее с Мисси, затем с малышом Клэром и наконец с мужем Кларком. Марти задумалась о первом годе замужества, о том, как Кларк был терпелив с ней, сколько заботы проявлял, — и ему удалось разрушить стены, которые она построила вокруг разбитого сердца.

Она посмотрела на теплое толстое одеяло, которым Кейт накрыла кровать. У комода, стоящего у стены, больше ящиков, чем у комода Марти. Рядом с окном стояло удобное кресло с милой подушечкой, украшенной вышитыми бабочками.

В углу стоял обитый сосной шкаф. Марти искренне похвалила комнату. Кейт просияла.

Они перешли в просторную комнату для гостей с простой мебелью. В ней была только кровать, стул и столик с лампой. Комната казалась чистой и наполненной воздухом; Марти была уверена, что в ней гость будет чувствовать себя удобно и покойно.

Слегка покраснев, Кейт провела ее в следующую комнату. В ней были небольшой верстак, станок и инструменты. В углу Марти заметила несколько аккуратно сложенных кусков дерева:

— Клэр что-то мастерит? — спросила она, и Кейт покраснела еще больше.

— Колыбельку, — ответила она. — Мы не уверены, что она скоро нам понадобится, но надеемся на это. Я побранила Клэра за болтовню: ведь мы сами ничего не знаем, но он так радуется... И потом, если это правда, — мы, конечно, хотим, чтобы матери узнали об этом первыми. Клэр пообещал, что завтра я смогу съездить повидать маму.

Марти обвила Кейт руками и крепко обняла ее:

— Я так рада за вас обоих! Всем сердцем надеюсь, что это так.

— Я тоже, — вздохнула Кейт. — Клэр был бы счастлив! Он долго этого ждал.

— Но вы женаты меньше года! — напомнила ей Марти.

— Год — это очень долго, если ждешь того, к чему стремишься всей душой, — расстроено протянула Кейт и сама над собой засмеялась.

Марти засмеялась вместе с ней.

— Да, я понимаю, времени прошло немного, — сказала Кейт, — но нам с Клэром так вовсе не кажется.

Они вернулись в кухню, где их ждал кофе. Марти слушала, как Кейт рассказывает о планах, связанных с появлением долгожданного ребенка, если он вскоре появится на свет. Выйдя из кухни Кейт, Марти помолилась о том, чтобы невестка была права и ее мечта сбылась.

Когда она вернулась домой, Элли, месившая тесто для хлеба, подняла голову. Марти застыдилась, когда увидела, что делает дочь:

— Ах, Элли! — воскликнула она. — Мне следовало бы заняться этим вместо того, чтобы разгуливать по округе, словно беззаботная школьница.

— Слушай, мам, я уже много раз пекла хлеб.

— Я знаю. И теперь тебе пора устроить перерыв. Я вернулась, а значит, ты больше не должна тащить на себе весь дом.

Элли улыбнулась:

— Мне это вовсе не трудно. Тебе стало легче, когда ты увидела, что все находится на своих местах, как и положено?

— По-моему, да. То есть я, конечно, не сомневалась, что так и будет... Просто хотела проверить, не обманывает ли меня память. Что если я придумала какую-то сказочную мечту?

— Ну и?

— Все выглядит именно так, как мне помнилось.

— Хорошо, — заметила Элли, продолжая месить тесто.

— Я пила кофе у Кейт, — сказала Марти.

— Я видела, как ты к ней вошла.

— Она устроила уютный маленький домик. Кажется, они с Клэром счастливы.

— Она идеальная жена. Даже если не согласна с чем-то, что делает Клэр, никогда не ссорится из-за этого. Кейт такая милая.

Марти улыбнулась:

— Для матери нет ничего приятнее, чем услышать, что дети счастливо женаты на людях, которые любят их такими, какие они есть.

Элли кивнула и продолжала энергично месить тесто:

— Девушка Арни тебе тоже понравится, — сказала она. — Ему повезло.

— Вчера Арни приходил ко мне, чтобы пожелать спокойной ночи. Он пообещал рассказать о ней, как только выдастся свободная минутка.

— Тогда я не буду раскрывать его секреты, — заявила Элли и ловко положила тесто, что оставалось в кастрюле, на смазанную жиром сковороду. Она накрыла его белым полотенцем и поставила рядом с плитой на высокий столик.

— Я, пожалуй, поднимусь наверх и выложу вещи из чемоданов, — сказала Марти. — Вчера вечером я слишком устала, чтобы этим заниматься.

— Ты и сейчас кажешься уставшей, — заметила Элли. — Думаю, путешествие далось тебе куда тяжелее, чем ты готова признать.

— Все хорошо, — возразила Марти. — Через день-другой, когда я выплюсь как следует, буду свежей, как огурчик.

Элли выглянула в окно, где сиял солнечный свет:

— А что касается дождя, — проговорила она, нахмурившись, — то мы его уже заждались. Только я наносила воды для огорода, как она опять понадобилась. Мы столько всего посадили, что поливать огород из ведра тяжело.

— Сейчас все выглядит просто великолепно! — подбодрила ее Марти. — Но ты права: дождь не помешал бы.

Как будто прочитав мысли матери, Элли взглянула на часы и сказала:

— Ну, ты же хотела распаковать чемоданы. А я позабочусь об ужине.

Марти поблагодарила ее и пошла в спальню. Поднимаясь по лестнице, она признала, что и правда *устала*. Ну что ж, после ужина она займется чем-нибудь, а потом ляжет спать. Ее поражала энергия Кларка. «*Наверняка он устал не меньше, чем я, но виду не подает*», — упрекнула она себя. Марти мысленно пообещала, что через пару дней, когда силы к ней вернуться, она снова станет такой же, как прежде.

Глава четвертая

СОБЫТИЯ

Наконец Арни нашел время поговорить с Марти. На следующий день Марти по-прежнему чувствовала себя несколько уставшей, и Элли убедила ее посидеть на крыльце с рукоделием, пока она стряпает на кухне. Арни, заметив, что мать занимается штопкой, сел рядом, чтобы поговорить об Анне.

В семье, в которой девушка родилась, четыре человека. Ее отец — пастор Норвиль, он возглавляет маленькую церковь в соседнем городке. Мать Анны умерла, когда ей было всего одиннадцать лет. Она — единственная девочка в семье, и потому уже в раннем возрасте ей приходилось вести хозяйство. Арни нежно рассказывал о ней, и Марти еще больше захотелось поскорее увидеть эту девушку.

— Может, приведешь ее на ужин в воскресенье? — спросила Марти.

— Конечно. У нас свидание завтра вечером. Тогда и приглашу.

— Она знакома с другими родными?

— Со всеми, кроме тебя и отца.

Они немного помолчали.

— Какие у тебя намерения? — спокойно спросила Марти.

Арни слегка покраснел:

— Намерения серьезные, но я о них еще не говорил. Я хочу, чтобы сначала вы с па с ней познакомились.

— Понимаю, — улыбнулась Марти. — Значит, в воскресенье.

Арни, посвистывая, направился к амбару. Марти смотрела ему вслед с гордостью и легким сожалением. Скоро у всех детей появятся собственные семьи. Как она будет жить в пустом, тихом доме?

Вечером их навестил Зик Ла Хэй. Он хотел узнать, как поживают его сын Вилли, Мисси и внуки, а также послушать о Западе, который они так любят. Марти и Кларк тепло приняли Зика. Марти поставила греться кофейник, а Зик с Кларком придвинули стулья к кухонному столу и начали длинный разговор.

Кларк с заметным энтузиазмом рассказывал о ранчо Вилли. Он подробно описал участок, стадо, строения, ковбоев, соседей, маленький, но быстро растущий город, благосостояние, которое стало результатом упорных стараний Вилли. Когда Марти присоединилась к ним за столом, разговор перешел на домашних. Смеясь, они рассказывали Зику о проделках

внуков. Зик тоже смеялся, но чем дольше он слушал, тем нетерпеливее становилось выражение его глаз.

— Думаю, я сам съезжу к ним ненадолго, — наконец объявил он.

— Отличная идея! — поддержал Кларк. — Они только об этом и мечтают. Последнее, о чем попросил нас Вилли, — уговорить тебя отправиться в путь.

Зик с трудом сглотнул.

— Пожалуй, завтра же поскачу в город и куплю билет, — сказал он, задумчиво качая головой. — Я и так ждал слишком долго.

Марти предвкушала наступление воскресенья: ведь на утреннем богослужении она увидит всех своих друзей. Она думала о Ма и Бене, Ванде и Кэмероне. Элли поведала ей местные новости, но это совсем не то, что всласть поболтать с соседями.

После службы семья соберется вместе за обедом. С того вечера, как она приехала домой, Марти не видела Нандри, Джоша и их детей. Ей хотелось, чтобы они поскорее вновь навестили их и она могла лучше узнать внуков.

Кроме того, она мечтала познакомиться с Анной — девушкой Арни. Что она за человек? Марти доверяла мнению Арни, но, может, он смотрит на нее сквозь розовые очки? Элли и Люк тоже хорошо отзывались об Анне. Марти надеялась, что она такова, какой ее считали домашние, и что Бог проявил любовь и доброту, когда свел ее с Арни. Марти не терпелось благословить их обоих.

Воскресенье выдалось теплым и солнечным. Элли долго, старательно готовила обед. Марти пыталась ей помочь, но она до сих пор слишком быстро уставала. Неужели она все еще *не отошла* от путешествия на Запад? Наверное, ей нужно заново привыкнуть к климату. Хотя, кажется, на Кларка он вовсе не влияет. Он работал каждый день, и легко, без особых усилий, несмотря на то, что опирался на костыль, поспевал за энергичными сыновьями.

Марти часто чувствовала на себе его взгляд, но Кларк ничего не говорил, только упрасивал посидеть немного или даже поспать. Внутренне Марти негодовала, но не смела протестовать. Более того, приходилось признать, что ей не хватает энергии для того, чтобы спорить. Ей хотелось как можно скорее вновь заботиться о семье. Теперь большую часть обязанностей взвалила на себя Элли, хотя она никогда не жаловалась и часто спрашивала Марти: «Ну, что приготовим на ужин?», «Что будем делать?» или «Как бы ты хотела?», так что она по-прежнему чувствовала себя хозяйкой в доме.

Благодаря умелым рукам Элли они были готовы отпраздновать воскресенье и насладиться семейным обедом после службы. Марти, стыдясь, спрашивала себя, чего она ждет больше: возвращения в церковь и встречи с друзьями или собственно богослужения? Она надеялась, что Бог понимает ее чувства и не возражает против того, что сегодня она столько внимания уделяет друзьям. Когда Марти и Кларк пришли на церковный двор, знакомые тепло приветствовали их радостными улыбками и крепкими объятиями. Ванда подбежала к Марти и прижала ее к себе. Слезы струились по щекам обеих женщин:

— О, я так сильно по тебе скучала... так сильно! — снова и снова шептала она Марти. — Надеюсь, скоро ты придешь к нам в гости. Я хочу, чтобы ты все-все рассказала мне о Мисси и ее семье!

Марти пообещала ей это. Ма Грэхам тоже долго сжимала Марти в объятиях. Чувствуя комок в горле, она поведала о глубоком огорчении, которое они испытали, узнав о несчастном случае с Кларком. Она призналась, что прихожане три раза собирались, чтобы помолиться за него. Марти искренне поблагодарила ее и заверила в том, что Господь услышал их молитвы. Ма взглянула на Кларка, быстро пожала руки соседям-мужчинам и медленно кивнула головой.

— Да, — признала она, — я вижу, что Он их услышал. На лице Кларка нет ни капли горечи.

Церковный колокольчик призвал их к молитве. Марти, Кларк и их домочадцы заняли привычные места. Было странно, что пастор Джо больше не ведет службу. Но новый молодой священник, которого назначила церковь, прекрасно справлялся со своими обязанностями. Марти посмотрела в сторону Джоша и его домашних и увидела, что Нандри с ними нет. Она забеспокоилась. Может, Нандри чем-то занята? Она спросила об этом после службы, и Джош сказал, что жене нездоровится и она решила остаться дома. Марти встревожилась еще больше, но Джош уверил ее, что все в порядке, просто сегодня Нандри чувствует легкое недомогание. Марти пообещала себе, что зайдет к ней через пару дней, чтобы убедиться, что все в порядке. Сегодня ее будет не хватать домашним за обеденным столом. Марти

рассчитывала, что там будут присутствовать все живущие по соседству родные.

Анна была именно такой, как описывал Арни, и даже лучше. Марти и Кларк сразу полюбили девушку. Она была спокойной и серьезной, но также доброй и мягкой. Когда она улыбалась, ее личико озарял свет, и было невозможно не улыбнуться в ответ. Она любила Арни — Марти видела это в ее глазах и слышала в голосе. Когда Арни встал, чтобы проводить Анну в город, Марти ответила на безмолвный вопрос, отразившийся на его лице, быстро улыбнувшись и едва заметно кивнув. Арни увидел это и радостно просиял. Она почувствовала, что, когда сын вернется, у него будет что рассказать домашним. Так оно и случилось. Он сделал торжественное объявление, которое было встречено похлопываниями по спине и поздравительными объятиями. Арни еще не мог назвать точную дату свадьбы, но, улыбаясь, заверил всех, что это случится очень скоро.

Марти отправилась в гости к Ванде. Она просидела у нее довольно долго, потому что они обсуждали все события, которые произошли с момента разлуки. Марти не увидела в ее сыне Ретте никаких изменений. У него тело мужчины, но он так и не вышел из детства. Он по-прежнему прекрасно управлялся с животными, и это умение с годами только росло. Марти поражалась, как Ванда, которая до сих пор не рассталась с привычками жительницы города на Востоке, мирится с тем, что вместе с ней в доме живет удивительный набор животных.

«*Всему виной материнская любовь*», — сказала она себе, с улыбкой глядя на мать с сыном.

Ма Грэхам не заставила себя ждать. Она пришла одна. Все ее дети обзавелись семьями и жили отдельно. Впрочем, Лу и его жена поселились в домике во дворе и вместе с Беном работали на ферме. Марти выслушала новости обо всех членах ее семьи и рассказала Ма о том, что происходило в последнее время с Мисси и ее домашними.

Марти начала говорить об этом неохотно, но вскоре подробно описала все, что случилось после несчастного случая с Кларком. Ма — единственный человек, с которым она совершенно откровенна. Они говорили, вместе плакали, и Марти подумала, что, возможно, Элли права. Может, печальное происшествие отразилось на ней тяжелее, чем она готова признать. Наверное, после того, как она рассказала обо всем, что пережила, к ней вернется прежняя энергия.

Наступил июль. Дождя так и не было, за исключением нескольких коротких ливней, которые мало что значили для иссушенной земли. Они каждый день всей семьей молились о дожде. Элли то и дело таскала ведра, стараясь уберечь растения. Братья помогали ей поливать высохший сад. На полях также стали видны последствия длительной засухи. Но оросить водой поля без помощи Властителя ветров и дождей им не удастся.

Получив телеграмму от Мисси, родные расшумелись. Вот что в ней говорилось: «*Прибыл папаша Ла Хэй Тчк*

И Мелисса Джой Тчк 7 фунтов 10 унций Тчк Слава Богу Тчк Все хорошо Тчк».

Семья обсуждала новость, но ярче всего горели глаза Клэра.

— Ты им уже сообщила? — спросил он, пожимая плечо Кейт.

Она покачала головой и радостно, хоть и смущенно, улыбнулась:

— Да, вчера доктор Уоткинс сказал, что скоро мы станем родителями. Это точно.

У них появился еще один повод для радости! Домашние с любовью поздравили Клэра, который, сияя счастливой улыбкой, встречал каждое обращенное к нему слово, и обняли Кейт. От застенчивости она залилась краской. Марти смотрела в сияющие фиалковые глаза девушки и думала, что та никогда не выглядела такой хорошенькой.

Глава пятая

ПРИЗНАНИЕ

С запада пришла буря: облака низко повисли над землей, подул сильный ветер. Марти забеспокоилась, что он отнесет облака в сторону, прежде чем земля успеет насладиться дождем, которого жаждала так давно. Но, когда она встала у окна, наблюдая за тем, как успокаивается ветер, а низкие тучи скапливаются над фермой, ее опасения рассеялись. А потом сильный дождь три дня поил иссохшую землю. Когда вернулось солнце, растения подняли поникшие головки и расцвели с новой силой. Марти хотелось громко кричать от радости. И вся семья в знак благодарности Богу собралась на торжественный ужин.

Кейт тошнило по утрам. Марти жалела ее, но молодая женщина только улыбалась.

— Это долго не продлится, — убеждала она, — и оно того стоит.

Клэр сердился на нее и настаивал на том, чтобы она отдыхала и берегла «мальчика».

Они оба были заняты приготовлениями к появлению на свет ребенка, хотя это должно было состояться не раньше, чем через семь месяцев. Марти испытывала такую же радость и энтузиазм. Ей не терпелось подержать на руках малютку. Она посоветовала Кейт попробовать кое-какие средства, которые должны помочь ей пережить сложные первые месяцы беременности.

Марти по-прежнему быстро уставала, что было совсем на нее не похоже. Она старалась не показывать этого, но чем больше она стремилась поспеть за Эли, тем очевиднее становилось, что сделать это она не в состоянии.

Кларк предложил заехать к доктору Уоткинсу, но Марти покачала головой. Она подозревала, что начинает сказываться ее возраст, и это ее немного расстраивало. Она еще слишком молода для периода угасания. Марти ни с кем не делилась, но чувствовала, как члены семьи с нежной заботой останавливают на ней взгляды.

— Все будет хорошо, просто прекрасно! — продолжала уверять Марти.

И изо всех сил она старалась ходить быстрее, поднимать ноги выше, распрямлять плечи. Но чаще всего это у нее плохо получалось. Уже в начале дня она изнывала от усталости.

Однажды утром она почувствовала боль в животе. Сначала Марти решила, что это симптом гриппа. Через пару часов

боль пропала, но на следующее утро возвратилась вновь. В тот раз она также постаралась не обращать на нее внимания, но, когда приступ повторился на третье утро, она забеспокоилась, хоть и не показала виду.

— Я чувствую себя ничем не лучше Кейт, — заметила она Элли, постаравшись рассмеяться.

— Знаешь, мне это не нравится, — серьезно ответила дочь. — Ведь у Кейт есть на то причина.

Вдруг в уме Марти пронеслась сумасшедшая мысль, и она не осмелилась высказать ее вслух: *«Не думаешь ли ты?.. Нет, это невозможно. Немыслимо»*. Но эта мысль целый день не оставляла ее. Каждый раз, когда Марти об этом думала, она пыталась ее отбросить. *«Мне уже исполнилось сорок три года»*, — повторяла она себе. Но в глубине души она понимала, что не может исключить эту удивительную возможность.

«Это так глупо... так по-дурацки!» — твердила она. — *Ведь у меня уже несколько внуков! Какой стыд...»* И щеки Марти краснели, когда она представляла, как это выглядит со стороны.

Тошнота все не проходила. Она пыталась скрывать свое состояние от домашних. Марти еще больше старалась вести себя энергично и выполнять свою долю обязанностей. Но в душе она понимала, что поступает очень глупо.

«Да, так оно и есть, — наконец сказала она себе и вошла в комнату, чтобы отдохнуть и немного поплакать. — Что подумает Кларк? Я, в моем возрасте... и на тебе! — Она вспомнила о родных: — Что подумает Элли? И Кейт? Она сама ждет ребенка, и свекровь, которая давно должна

была позабыть о таких вещах, поспешает за ней, чтобы лишит минуты торжества! А Арни? Он собирается жениться, а его мать появится на свадьбе беременной! Ему будет ужасно стыдно!»

Марти боялась поделиться беспокойством с кем-нибудь из родных. Впервые за долгие годы замужества она скрывала что-то от Кларка. *«Может, я ошибаюсь?»* — уговаривала она себя. — *Не исключено, что дело в другом. А если даже и так, то я могу и потерять ребенка. Подобное часто случается с женщинами моего возраста».*

Но в глубине души Марти понимала, что не ошибается, и вскоре настанет день, когда ей придется рассказать обо всем Кларку. Она страшилась этого момента и его реакции. Наверное, он рассмеется. Или пожалеет ее. Марти не давала покоя эта мысль. *«Если он посмотрит на меня и скажет: „Ах ты, бедняжка!“, мне этого не вынести. Но он может так сделать, — думала Марти. — Вполне. Учитывая, как я себя чувствую».*

Марти решила, что пока не будет ни о чем рассказывать Кларку. Еще не время. Она подождет до времени, когда будет полностью уверена.

Теперь Кейт чувствовала себя немного лучше. Каждый раз, когда Марти навещала Кейт и Клэра, они говорили о долгожданном ребенке. Она никогда не видела пару, которая с таким нетерпением предвкушала рождение первенца. Она даже немного завидовала им: *«Да, было бы приятно радоваться мысли о...»*

Марти спохватилась. Разве раньше она не радовалась мысли о том, что скоро родится один из ее детей? Один из них, но... Она не позволила себе закончить эту мысль. Ей было стыдно оттого, что она испытывает такие чувства. В конце концов ребенок не просил, чтобы его рожали.

Интересно, что подумают Кейт и Клэр, если она вдруг объявит: *«Разве не чудесно? Я тоже жду ребенка, и, думаю, оба малыша появятся на свет в одно и то же время!»*

Наверное, у них просто глаза на лоб полезут! Но, конечно, она не может просто так взять и сказать.

Джош и Нандри вновь стали приходить к ним на обед в воскресенье. Марти радовалась, опять принимая их, но Нандри беспокоила ее. Казалось, ее гнетет какая-то мысль. Она была спокойной, даже отчужденной, и никогда не смотрела прямо на Кларка, если только он не сидел за столом, да и тогда лишь скользила по нему взглядом. Хорошо ли она себя чувствует? Может, Марти зря поднимает переполох? Неужели ее беспокоят изменения во внешности Кларка? Марти старалась не переживать из-за пустяков. Во всяком случае, Нандри и ее семья рядом, и она благодарна за это. Наверное, вскоре все пойдет так же, как раньше.

— Я договорился с доктором Уоткинсом.

Кларк спокойно объявил об этом вечером, когда они с Марти готовились к отходу ко сну. Она резко повернула голову. Ее захлестнуло беспокойство:

— С тобой все в порядке? Нога не болит?

— Дело не во мне, — перебил ее Кларк, — а в тебе.

— Во мне? — спросила Марти. — А что такое?

— Я за тебя переживаю, вот и все. Конечно, нужно время, чтобы прийти в себя после путешествия, но тебе, Марти, это так и не удалось. Ты выбиваешься из сил...

— Зря ты это сделал, — гневно отрезала она. — Со мной все в порядке, — нахмурившись, заверила Марти. И нет никакой нужды беспокоить доктора из-за пустяков: я хорошо себя чувствую, и тебе вовсе не стоило договариваться с ним о встрече, даже не обсудив...

Кларк подошел к ней и притянул к себе. Марти редко сердилась, и теперь, после этой вспышки, она понимала, что он только укрепился в подозрении, что случилось что-то непредвиденное.

Кларк пытался прижать ее к себе, но она напряглась всем телом. Он ничего не говорил, только гладил ее волосы. Она не могла долго ему сопротивляться и вскоре обмякла. Он продолжал сжимать ее в объятиях и нежно целовать макушку. Вдруг, к его удивлению, она вцепилась в него и заплакала.

Кларк сжал ее сильнее. Марти поняла, что теперь он искренне переживает то, что произошло.

— Господи, молю Тебя! — услышала она его шепот.

Марти плакала недолго. Как только она успокоилась, Кларк нежно спросил:

— Что-то случилось, верно?

Марти кивнула в знак согласия. Да, она так думает.

— Ты уже была у доктора?

Она отрицательно покачала головой.

— Значит, это только твои догадки?

— Я... я... так не думаю, — всхлипнула она.

Несколько минут они молчали.

— Так чего же ты ждешь?

Не успел Кларк закончить вопрос, как Марти, вновь зарыдав, тотчас ответила:

— Ре... ре... ребенка!

Кларк отстранился от нее, чтобы посмотреть в глаза. Он явно был поражен.

— Что?

— Ребенка, — повторила она, и ее лицо сморщилось от рыданий.

— Ребенка?

Она кивнула. Ей захотелось опять уткнуться мужу в плечо, чтобы не смотреть на него.

— Ребенка... — протянул Кларк чуть менее удивленным голосом.

По щекам Марти бежали слезы. Она закрыла глаза, опасаясь увидеть упрек или жалость, и стояла молча и неподвижно.

— Ох, Марти! — воскликнул Кларк, легонько ее встряхнув.

Она заглянула в самую глубину его глаз. Там не было беспокойства. Или жалости. Только любовь. Много любви. Марти ответила на его взгляд, томно обвила руками его шею и опять заплакала, уже от облегчения. Кларк долго сжимал ее в объятиях, а затем нежно оторвал от себя. На его губах играла улыбка:

— Словно маленькое чудо, верно?

— Чудо? — повторила сбитая с толку Марти.

— Ну да. Я так беспокоился! Арни собирается жениться и скоро уедет из нашего дома. Люк станет врачом. И мы оба знаем, что Элли дома не засидится. Я с тоской раздумывал о том, что нам придется расстаться с младшей дочерью, а Бог послал нам еще одного ребенка!

Марти не очень радовалась тому, что Бог так все устроил. Ее и сейчас смущала мысль о том, что ждет ее в будущем. Она старовата для того, чтобы рожать. И что, скажите на милость, подумают родные и соседи?

— И все-таки я бы хотел, чтобы тебя осмотрел врач, — заявил Кларк. — Мы должны быть уверены, что все в порядке.

— Ну, если ты настаиваешь, — согласилась Марти.

Но ей было страшно представить, с каким выражением посмотрит на нее добрый доктор. Она надеялась, что есть какой-нибудь способ сохранить новость в тайне.

— Все домашние будут рады это услышать, — говорил Кларк. — Мы так переживали, что ты чем-то заболела! Какое облегчение...

— Какой стыд, ты, наверное, хочешь сказать, — заметила Марти.

— Почему — стыд? Ты — женщина. Такой тебя создал Господь. В этом нет ничего плохого или постыдного.

Марти больше не спорила. Она была уверена, что в объявлении не будет ничего хорошего. И еще она ужасно устала. И, когда Кларк нежно попросил ее лечь и отдохнуть, она быстро согласилась.

Глава шестая

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Кларк подвел лошадей к дому и помог Марти забраться в повозку. Они поехали в город более медленным шагом, чем обычно. Марти поняла, что он делает это потому, что беспокоится о ней и о будущем ребенке. Она слегка покраснела, подумав, как негодовал бы Кларк, узнав о ее тайной надежде, что у нее будет выкидыш. Она была уверена, что у него-то и в помине нет таких мыслей.

Стоял прекрасный летний день. На рассвете дождь освежил окрестности, и пахло зеленью и цветами. Марти сдвинула чепчик, чтобы рассматривать знакомые места. Давненько она не ездила в город! Они проехали мимо участка Грэхамов, и Марти помахала Ма, которая работала с мотыгой в руке, и задумалась о том, как редко она заходила в огород в этом году. Бедная Элли! Сколько ей пришлось на себя взвалить! Когда они

прибыли к доктору, Кларк помог Марти спуститься с повозки и поставил ее на землю:

— Я только привяжу лошадей и сразу вернусь, — пообещал он.

Марти кивнула и направилась к маленькому домику. У двери ждали три человека, и она обрадовалась, что разговор с врачом откладывается.

Вскоре Кларк к ней присоединился. Время пролетело быстро, и не успела она внутренне подготовиться, как пришла ее очередь входить в кабинет. Сначала врач задал несколько общих вопросов. Когда Марти рассказывала ему о своих подозрениях, она готовилась увидеть выражение шока на его лице, но оно так и не появилось. Как будто нет ничего удивительного в том, что сорокатрехлетняя женщина, у которой несколько внуков, сидит в кабинете и спокойно объявляет о том, что скоро у нее будет еще один ребенок.

После осмотра врач с уверенностью объявил Марти, что она права и что беременность протекает нормально. Он дал ей несколько советов о том, как вести себя, чтобы не навредить ребенку и не слишком уставать. Марти серьезно пообещала правильно питаться и чаще отдыхать.

Затем доктор Уоткинс позвал в кабинет Кларка и поздравил будущего отца. Мужчины, кажется, были счастливы оттого, что скоро на свет появится еще один ребенок, и на секунду это вызвало у Марти раздражение. Она постаралась о нем забыть. Они правы, а она ошибается. Нужно радоваться тому, что скоро в мире появится новый человек! Ей следует смотреть на это по-другому.

Покинув кабинет врача, Дэвисы отправились за покупками — впрочем, им нужно было не так уж много. Надо сказать, что список необходимых покупок для Кларка подготовила Эли.

Когда они вышли из универсального магазина, Кларк не позволил Марти нести даже самый маленький пакет. Вместо этого он сам дважды сходил за покупками, выбивая костылем ритм на деревянной мостовой. Марти нетерпеливо ждала в тени, пока он все упакует:

— Давай выпьем чаю, — предложил Кларк, и Марти согласилась, что это ее немного подбодрит.

Они медленно направились к гостинице:

— Я тут подумал, — сказал по пути Кларк, — может, раз уж мы здесь, ты хочешь купить что-нибудь для маленького? По-моему, старых вещей осталось не так уж много.

Марти в ужасе взглянула на него. Она и не задумывалась о том, что пора шить для малыша новые одежды и готовить подгузники! Кейт только этим и занимается, а ведь они должны родить в одно время. А у Марти еще ничего нет! Но она глубоко вздохнула и замолчала. Просто ей нужно все осмыслить.

— Торопиться некуда, — вот и все, что она сказала.

Кларк кивнул и придержал для нее дверь.

По дороге домой у Марти кружилась голова. Родные знали, что она была у доктора, и беспокоились, что он обнаружит что-то серьезное. Они захотят знать, в чем дело, и она не может пренебречь их чувствами, ведь с ней на самом деле все в порядке.

Это неправильно. Нужно сказать им правду. Она собиралась уйти в свою комнату и прилечь. Пусть Кларк объявит домашним нелепую новость. Да, это несправедливо, понимала она, и трусливо с ее стороны. Ох, как ей страшно! Как об этом сказать? Как объяснить взрослым детям? Раньше это было так просто. Она собирала малышей и радостно восклицала: «Скоро у нас появится новый ребенок! Только Бог знает, будет это братик или сестричка». И все радовались, обменивались мнениями о том, кого они хотели бы увидеть. Они даже устраивали нечто вроде голосования. В день рождения ребенка были победители и проигравшие, но вскоре все забывали об этом, волнуясь из-за такого значительного события. После первого объявления и знакомства с малюточкой все понимали, что Бог прислал им именно того маленького человечка, которого им так не хватало.

«Но в этот раз, — думала Марти, — не все из нас хотят этого. Скорее всего, никто. Ах, я знаю, Кларк был рад услышать эту новость, но так ли ему нужен этот малыш? Зачем он нашей семье? Мне-то он точно ни к чему».

Марти стыдилась того, какое направление приняли ее мысли. Но это правда. Она не собиралась беременеть. Ей нравилось воспитывать детей, но вовсе не улыбалась мысль об очередных ночных кормлениях, подгузниках и неусыпной заботе о младенце. Этого бы не произошло, если бы решать предоставили ей.

Она постаралась заглушить эти мысли и стала рассматривать облака, которые лениво ползли у нее над головой. Казалось, скоро опять начнется дождь. Что ж, он бы не помешал. Похоже, дождя слишком много не бывает.

Они опять проехали рядом с домом Грэхамов. Марти была рада, что Ма скрылась со двора. Как будто соседка раскрывает ее секрет, если она проедет мимо и помашет ей рукой. «Ох, что подумает Ма?» — и вдруг Марти вспомнила, что та сама родила последнего ребенка в том же возрасте, что она сейчас.

«Но это совсем другое дело, — заспорила она сама с собой, — разница в возрасте ее детей не такая уж большая, и к тому времени у нее не было целого выводка внучат».

«Но, с другой стороны, — сказал ей внутренний голос, — у тебя до сих пор нет внуков от родных детей. Нандри и Клэ — дети Тины, а Мисси — дочь Эллен. Впрочем, ты и правда словно соревнуешься с первым сыном».

Забыв о собственных размышлениях, Марти улыбнулась. Разве не смешно? А что, они с Кейт вполне могут разрешиться от бремени в одно и то же время. Представить только: ребенок рождается в один день со своим дядей или тетей! Несомненно, обоих малышей в будущем станут часто поддразнивать, упоминая об этом.

Вскоре Кларк остановил упряжку у дома и спрыгнул, чтобы помочь Марти. Ей было страшно. Наверное, родные накинутся на нее с вопросами, стоит ей войти в кухню. Она повернулась, чтобы идти одной, но Кларк встал сбоку.

Элли встретила их у двери. В ее глазах застыл немой вопрос. Она быстро оглядела Марти и взглянула в глаза отцу.

— С мамой все в порядке, — ответил он, и выражение страха покинуло лицо Элли, хотя Марти чувствовала, что недоумение осталось.

Марти удивило, что муж не стал распространяться дальше. Она поднялась в комнату и переделалась в домашнее платье. Ужин был почти готов.

Кларк заговорил о волнующей всех теме только на следующее утро, когда семья собралась на молитву. Он прочитал отрывок о щедрых обещаниях Бога и благодарности, которую должны чувствовать Его дети в ответ на любовь и доброту. Все члены семьи поделились размышлениями о том, что рождает в них горячую благодарность. Кларк сказал, что признателен Богу за каждого человека, которого Он в своей доброте и мудрости прислал в семью, и попросил домашних помолиться. После этого он взмахнул рукой, показывая, чтобы они оставались на своих местах.

— Когда вы были маленькими и мы готовились сделать важное объявление, мы точно так же созывали вас вместе. А вот Люк никогда не бывал на подобных собраниях. Что ж, Люки, мы это исправим, — сказал Кларк, назвав его детским именем, которое не использовал уже долгие годы, — мы с мамой хотим вам кое-что сообщить. Всем вам.

Он замолчал и оглядел домочадцев.

— Конечно, кое-кого не хватает, но мы хотим, чтобы те, кто сегодня здесь присутствует, знали, что у нас с мамой скоро родится еще один ребеночек. Нам неизвестно, мальчик или девочка, но...

Три пары глаз вместе вопросительно воззрились на Марти, и она сжалась под их испытующими взглядами. Арни первым пришел в себя. Он радостно вскрикнул и подпрыгнул в кресле. Следующим был Люк.

— Наконец-то! — вскричал он. — Вот пришла и моя очередь!

Марти не верила своим ушам. Она повернулась от взрослых сыновей к Элли, но та плакала. Ох, неужели это ее так расстроило?

Марти в беспокойстве двинулась к ней, но дочь метнулась ей навстречу.

— Ах, мама! — всхлипывала она. — А я так боялась, так боялась! — И она рассмеялась сквозь слезы: — А это всего лишь ребенок! Нет, вы только подумайте! Ребенок.

Она повернулась к братьям.

— Надеюсь, девочка, — с чувством произнесла она.

— Мальчик! — в один голос закричали они.

— Девочка, — настаивала Элли. — У нас мальчиков и так больше, чем девочек.

— Неважно, — заметил Люк. — Ведь у меня нет маленького брата!

Кларк поднял руку, чтобы домашние замолчали.

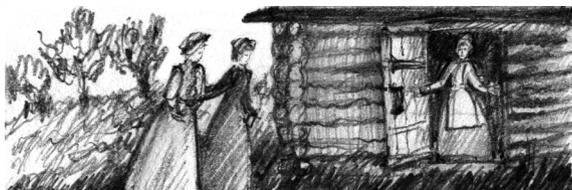
— Подождите, — сказал он радостно галдящей семье, — подождите. Мальчик это или девочка, уже predetermined, ваше желание ничего не изменит. Предлагаю просто подождать и посмотреть.

Марти оглядела своих поразительных родных. Кажется, никого эта новость не обеспокоила. Они вовсе не возражали против ребенка. Конечно, Арни всегда любил детей, и Элли, должно быть, станет прекрасной матерью. А Люк считал несправедливым, что *никто* не называл его старшим братом.

Марти покачала головой. Что ж, надо было купить ткани, чтобы сшить одежды для малыша. С такими родными, как у нее, никто не успокоится, пока все не будет готово для младенца, который должен стать благословением дома.

Глава седьмая

НАДЕЖДА

Кейт пригласила Марти и Элли выпить утром кофе. Марти была рада тому, что невестка снова чувствовала себя достаточно хорошо, чтобы устроить для них полуденный перерыв. Марти до сих пор ничего не ела до самого обеда. Она ничего не сказала Кейт, но, когда та сварила кофе и стала разрезать пирог, Марти попросила налить ей лишь половину чашки и щедро плеснула в нее сливок, чтобы смягчить горьковатый вкус. Впрочем, и тогда ей едва хватило выдержки, чтобы пригубить напиток. Десерт она также пропустила и была рада тому, что девушки не стали настаивать.

Кейт пришла в восторг от того, что Марти тоже ждет ребенка. Кажется, она ожидала, что свекровь будет приятно взволнована предстоящим появлением ребенка на свет. Марти пыталась продемонстрировать энтузиазм

и надеялась, что это выходит искренне. Она с такой же радостью, как Кейт, любовалась маленькими одежками, которые сшила невестка.

— Клэр уверен, что родится мальчик, — смеялась Кейт. — А я говорю ему, что с такой же вероятностью может родиться девочка.

— Ох уж эти мужчины! — вздохнула Элли. — Они могут до смерти напугать своими прозрениями о будущем! Я знаю, что дети, мальчик это или девочка, радуются одинаково.

Марти тут же задумалась о том, откуда у Элли такие познания. Что ж, она живет в городе и в семье, в которой множество маленьких ребятишек.

Кейт показала им детскую со светло-зелеными обоями на стенах. Воздушные занавески, как и окна, и отделка комнаты, были белыми. Клэр уже смастерил колыбельку — он тратил на это каждую свободную минуту. А Кейт шила детское одеяльце. В тон обоям она использовала бледно-зеленую набивную ткань.

— Клэр уговаривал меня купить голубой ткани, — засмеялась она, — но я сказала, что мы должны предусмотреть все возможности.

У стены стоял небольшой шкаф. Кейт открыла ящики, и Марти увидела множество готовых детских принадлежностей. *«Надо же, — подумала Марти, — а ведь впереди еще столько времени! Что же она собирается делать в оставшиеся месяцы?»*

Кажется, Кейт прочитала ее мысли:

— Я знаю, что мы опережаем события, но если я сразу заготовлю все необходимое, то у меня будет время, чтобы

сшить нарядные одежды. Кроме того, я хочу связать несколько свитеров, а я делаю это ужасно медленно.

— Мама, — сказала Элли, когда они пошли к большому дому, — не хотела бы ты съездить в город?

— Почему бы и нет... А зачем?

— По-моему, пора и нам позаботиться о нашем ребеночке. Я не хочу, чтобы он родился до того, как у нас все будет готово.

— Нашем ребеночке? — беззвучно повторила Марти.

Да, именно так Элли на него и смотрела. Он будет принадлежать всей семье.

— Времени еще полно... — начала Марти, но Элли перебила ее:

— Конечно, времени полно, но нам понадобится много вещей. Я хочу, чтобы он был одет красивее всех детей в мире!

— Подожди, не торопись, — рассмеялась Марти. — Мы о нем позаботимся, это наверняка, но не нужно сходить с ума. Кроме того, трудно найти ребенка, у которого больше вещей, чем у будущего малыша Кейт.

— Они так счастливы! Никогда не видела, чтобы люди так мечтали о ребенке! Ты знаешь, Кейт была единственной дочерью. Она еще в день свадьбы думала о том, когда у нее появится ребенок. Она тоже будет хорошей матерью — я уверена.

Марти согласилась. Кейт рождена для материнства. Она радовалась вместе со всеми, кто ждал ребенка. Услышав объявление о том, что свекровь скоро родит, она обезумела от радости. Марти была довольна. Она боялась, что ее беременность

приведет к тому, что Кейт будет меньше радоваться своей собственной. Этого не случилось. Невестка счастлива за них обоих.

— Ну что ж, — повторила Элли, — поедем за покупками?

Марти все еще колебалась. Она не хотела ехать в город за подходящей тканью для детских вещей. Все сразу поймут и начнут перешептываться... Да, она подождет, пока не станет глупо скрывать очевидное.

— Если хочешь, я могу сама все купить, — предложила Элли.

— Ты? — потрясенно переспросила Марти. — Неужели ты думаешь, что я хочу, чтобы люди судачили о том, с чего тебе понадобились все эти вещи?

— Подумаешь, — ответила Элли. — Может, я покупаю их для Кейт. И вообще, кому какое дело? Они решат, что мы будем шить для Мисси или Клэ — у них тоже недавно родились малыши. Наконец и Нандри может...

— Ты знаешь о Нандри что-то такое, чего не знаю я? — спросила Марти. В глубине души она надеялась, что дело обстоит именно так. Она всем сердцем желала, чтобы отчужденность Нандри объяснялась простой причиной, например, ожиданием ребенка. Хотя раньше беременность ее вовсе не беспокоила.

— Не-а, — ответила Элли, — но с ней творится что-то странное, тебе не кажется?

— Да, — с глубоким вздохом протянула Марти, — я тоже это заметила. Но надеялась, что мне показалось.

— Нет, не показалось, — уверила ее Элли. — Так оно и есть. Не могу понять, в чем дело. Даже если это из-за ребенка...

Мысль повисла в воздухе. Они приблизились к дому, и Элли прошла во двор, чтобы проверить, высохло ли белье на веревке. Марти вошла в кухню и взяла корочку хлеба в надежде избавиться от тошноты. Но это не помогло, и она поднялась в спальню, чтобы ненадолго прилечь. Хоть бы эта ужасная тошнота наконец прекратилась! Почему ребенок вызывает у нее такие мучения, ведь раньше она легко переносила беременность? Да и Кейт уже чувствует себя отлично. Нужно набраться терпения и подождать, и вскоре она снова будет в полном порядке.

Осень принесла новые радости и беды. Здоровье Марти наконец поправилось. Как приятно снова с аппетитом есть! Это придавало ей сил. Теперь Марти помогала по дому, не чувствуя себя смертельно уставшей. Элли с Кларком упрасивали ее побереечь себя и не пытаться переделать все дела в один день.

Осенью Люк собрался в дорогу. Марти страшилась этого момента и старалась заглушить мысль о надвигающейся разлуке, но она не давала ей покоя.

Марти снова и снова повторяла, что Люк больше не мальчик. Он молодой мужчина, способный позаботиться о себе. Но это было непросто, и, когда она шила ему новые рубашки и вязала носки, на рукоделие часто падали слезы.

Люк нетерпеливо предвкушал будущие события. Марти казалось, что он куда больше времени корпит с доктором Уоткинсом над медицинскими книгами, чем проводит дома с семьей. Доктор был уверен в том, что Люк станет лучшим

студентом, и без стеснения заявлял об этом коллегам с Востока. К Люку относились с особым вниманием — ведь он протеже старого доктора. Марти радовалась тому, что есть люди, которые присмотрят за ним, но ей было трудно отпустить его от себя.

Она часто напоминала себе, что на Рождество Люк снова придет домой, и они не только отметят вместе праздник, но и повеселятся на свадьбе Арни, на которой Люк будет шафером. Кларк согласился оплатить ему железнодорожный билет. Марти была довольна. Она сможет оценить, как Люк преодолевает трудности, связанные с обучением медицине; если это будет у него плохо получаться, она наверняка найдет способ удержать его дома.

Она успокаивала себя этими мыслями, когда вязала носок. Ей пришлось смириться с тем, что всего через несколько дней Люк с пожитками сядет в поезд, который умчится на Восток. Она утешалась тем, что на другом конце пути его будут ждать Джо и Клэ. К сожалению, у них нет свободной комнаты, и они не могут приютить Люка, но, повторяла она себе, если ему станет одиноко, он сможет навещать их время от времени. А Люк ничего не боялся. Что касается Кларка, то, если он и боялся чего-то, он молчал. Впрочем, Кларк понимал чувства Марти, потому что мягко и спокойно напоминал о том, что до Рождества осталось не так много времени.

Арни думал только об Анне и ферме, на которую они переедут вскоре после свадьбы. Дом требовал ремонта, и Арни с молотком в руках потратил много времени, чтобы все подготовить. В свободные часы сыну помогал Кларк, а иногда,

освободившись от забот, и Клэр присоединился к Арни. Дом быстро привели в порядок, и нетерпение Арни усилилось.

Наступила пора убирать урожай, и мужчины отложили молотки и пилы. Год выдался урожайным. Кларк справедливо разделил работу. Он вооружился хитроумными приспособлениями, которые, несмотря на отсутствие ноги, позволяли ему управляться со всеми фермерскими инструментами. Сыновья только удивлялись, глядя на него. Он мог посоревноваться со всеми, кого они знали.

Но вот настал день отъезда Люка. Казалось, это случилось слишком скоро. Родные проводили его в город, чтобы посадить в дилижанс. Пришли также доктор с женой. Люка просто распирало от радостного ожидания, а старшие братья подшучивали над ним. Добрый доктор давал последние напутствия. Марти даже засомневалась, что ей удастся попрощаться с сыном. Он подошел к ней перед самым отъездом и прижал к себе. Марти пришлось смотреть снизу вверх, потому что ее младшенький был намного выше ее.

— Береги себя, — прошептал Люк, чтобы никто не услышал. — Я не хочу, чтобы с моим братиком что-то случилось.

В горле Марти застрял комок. *«Я бы с радостью отдала этого ребенка, чтобы удержать тебя»*, — хотелось сказать ей. Но она этого не сделала. Люку бы такие разговоры не понравились. Вместо этого она крепко обняла его и, как полагается матери, попросила заботиться о своем здоровье и чаще отдыхать. Кроме того, она уверила сына, что станет считать дни до Рождества, и он пообещал, что будет делать то же самое.

Багаж уложили в дилижанс. Беспокойные лошади переминались с ноги на ногу и закусывали удила. Кучер окликнул Люка, и Марти пришлось его отпустить. Она отступила в сторону и сквозь выступившие слезы улыбнулась ему. Он коснулся ее щеки, а затем повернулся и запрыгнул в дилижанс. Кучер прикрикнул на лошадей, и дилижанс, подняв облачко пыли, двинулся в путь. Лошади пустились галопом, прежде чем кучер успел удобно усестся. Комок в горле Марти так и не прошел, но она удержалась от слез. Для них будет еще достаточно времени.

Почему в ее жизни столько расставаний? Она взглянула на Арни. Он следующий. И он еще больше радовался этому, чем Люк. Почему они так спешат покинуть отчий дом? Но Марти не удалось поразмыслить об этом, потому что Элли взяла ее за руку и повела вдоль по улице.

— Теперь мы с тобой отправимся за покупками, — объявила она, — больше я не хочу слышать никаких отговорок.

Марти машинально кивнула. Пора. Люк уехал, и ей нужно отвлечься. Кроме того, у нее появился живот, правда, пока еще не очень заметный. Она подумала, что если люди будут шушукаться, то они уже этим занимаются. Почему бы не развеять их сомнения?

Она позволила Элли провести себя в универсальный магазин, к отделу тканей.

«Малыш, — извинилась она перед ребенком, которого вынашивала, — если ты меня слышишь, — а мне все еще трудно свыкнуться с этой мыслью, — ты должен меня простить. Я не очень рада твоему появлению — я не собиралась

тебя рожать и...» Но Марти замолчала, потому что случилось нечто неожиданное. К ее удивлению, ребенок в ее животе внезапно зашевелился, отвечая на ее слова. В этом не было никакого сомнения, и его движение показало Марти, что она носит в себе новую жизнь. В это самое мгновение любовь к будущему ребенку наполнила все ее существо. Кем бы он ни был, он особенный, ни на кого не похожий, ее малыш, ее и Кларка. И хотя она не планировала его появления, она приняла как непреложный факт то, что младенец в теплоте и сохранности растет в ее теле и однажды будет лежать у нее на руках.

— Надеюсь, что ты девочка, — тихо прошептала она, и на ее глазах выступили слезы.

— Что ты сказала? — переспросила Элли, перебирая мягкую фланель и хлопок.

— Ничего, — ответила Марти, вытирая предательские слезы. — Ничего особенного. Просто я на твоей стороне, вот и все. Тоже надеюсь, что это девочка.

Глава восьмая

ВИЗИТ К МА

Марти решила навестить Ма Грэхам. Она хотела сама сказать ей о том, что скоро станет матерью, прежде чем новость разнесется по городку. Она попросила Кларка дать ей лошадей и тихо потрусилась вперед, наслаждаясь свежим осенним ветерком.

Не успела она привязать лошадей к жерди, как Ма, радушно раскинув руки, бросилась к ней.

— Как ты узнала, что я мечтала увидеть дорогую гостью? — воскликнула она. — Вы не приезжали к нам с тех пор, как вернулись домой.

— Точно, — поддакнула Марти. — И я больше не могла ждать.

— Как ваши дела? — спросила Ма, обняв Марти за талию и подводя к дому.

— Прекрасно, просто прекрасно.

Ма, повесив пальто на крючок у двери, словно не обратила внимания на ответ и пригласила ее в кухню.

— Садись, — сказала она. — А я поставлю воду. Ты будешь пить кофе или чай?

— Чай, пожалуйста.

Ма положила в печку еще одно полено и потянулась за чайником. Затем села за стол рядом с Марти.

— Теперь ты лучше выглядишь, а то я уже заволновалась. Каждый раз, когда видела тебя в церкви, говорила Бену: «Марти, по-моему, нездоровится».

— Ты так говорила?

Ма кивнула.

— Ох, — вздохнула Марти, — я и не знала, сколько людей за меня беспокоятся. Мои домашние тоже места себе не находили.

— Но теперь у тебя цветущий вид!

— Я и чувствую себя намного лучше, — улыбнулась Марти.

— Ты была у врача?

— В общем, да.

— Он выяснил, что с тобой случилось?

Марти утвердительно кивнула.

— И дал тебе лекарство, благодаря которому ты выздоровела?

— Не совсем, — протянула Марти.

На лице Ма отразилась тревога.

— Но ты же сказала, что лучше себя чувствуешь!

— Так оно и есть, — быстро завершила ее Марти.

У Ма был озадаченный вид.

— Видишь ли, — начала Марти, — все это... понимаешь, единственная причина, почему я казалась уставшей, это... ну... семейные обстоятельства.

Ма удивленно округлила глаза, а потом на ее лице расцвела широкая улыбка.

— Вот оно что! — воскликнула она. — Как же я не догадалась?

Она хихикнула и потянулась через стол, чтобы взять Марти за руку.

— Для меня это тоже неожиданность. Сказать по правде, я долго этому не верила.

— Да, я бы тоже никогда не поверила! — поддержала Ма, со смехом качая головой.

— Вот, смотри! — сказала Марти и поднялась со стула, чтобы Ма оглядела ее.

— Да, должна признать, — протянула Ма, — это действительно так!

Марти рассмеялась, и Ма присоединилась к ней.

— Разве не странно? — спросила Марти. — Женщина моего возраста, у которой уже внуки!

— Ну, ты вовсе не старая! У меня родился ребенок, когда я была старше тебя.

Марти быстро кивнула.

Чайник закипел, и Ма поднялась со стула, чтобы приготовить чай.

— А что сказали домашние? — спросила она, оглянувшись через плечо.

Марти покачала головой:

— Можешь себе представить, все считают, что это прекрасная новость!

— А Кларк? — поинтересовалась Ма, сев за стол рядом с гостьей.

— Мне кажется, он с трудом скрывает гордость. Старается держать себя в руках ради меня.

Ма улыбнулась, налила чаю и подала Марти чашку.

— Ну, это гораздо лучше, чем если бы он расстроился.

Марти знала, что Ма права.

— А ты? — спросила соседка, передавая имбирный пряник.

Марти ответила не сразу.

— Ну, что касается меня, — начала она, — это совсем другая история. Сначала я была вовсе не в восторге.

— Ты смутилась?

— Смутилась? Мне было ужасно стыдно! И я беспокоилась.

— Боялась, что заболела?

— Не совсем. Я долго не понимала, что со мной происходит. А когда догадалась, в чем дело, испугалась и стала тревожиться о том, что подумают люди, а не о том, как все пройдет.

— Мне это знакомо, — сказала Ма. — Я чувствовала то же самое, когда забеременела в последний раз. Но я просто занималась своими делами и сказала себе, что это никого не касается.

Марти рассмеялась.

— Люди так не считают, — заметила она.

Однако, как ни странно, она осознала, что ее это больше не беспокоит.

— А теперь тебе легче?

Марти смотрела на чашку, наблюдая за тем, как от нее поднимается пар.

— Да, — наконец сказала она, подняв глаза на Ма. — Теперь я об этом не думаю. Люк уехал, и в доме так пусто, и потом... ну, после того, как мы его проводили, Элли настояла на том, чтобы мы отправились за покупками, раз уж мы оказались в городе. Она донимала меня, упрашивая, чтобы мы начали шить приданое для маленького, и вдруг случилось нечто удивительное! Я впервые почувствовала его движение. Вдруг... вдруг я ощутила любовь к нему, крохотному незнакомцу. Она пронизала все мое существо. Я хочу этого ребенка, Ма. Не могу объяснить, но знаю, что люблю и хочу его.

Ма понимающе кивнула.

— Я знаю, о чем ты говоришь, — сказала она. — Сложно бороться с этим чувством, когда понимаешь, что ребенок и правда живет внутри тебя.

Несколько мгновений женщины сидели молча, глубоко погрузившись в свои мысли.

Наконец Ма прервала молчание:

— Наверное, тебе было очень тяжело отпустить Люка.

— Верно. Верно. А он был так счастлив, что уезжает, что едва сдерживался... Пожалуй, мне было бы проще, если бы он хоть немного цеплялся за меня, — тихо закончила Марти.

Ма улыбнулась:

— Возможно, несколько минут тебе было бы легче, но в дальнейшем это обернулось бы тяжелыми переживаниями.

— Видимо, так. Если бы я почувствовала, что Люк сильно расстроился, то, наверное, проплакала бы всю ночь.

— Как они быстро взростеют! Прилипаешь к ним сердцем, а они покидают отчий дом.

— И Элли меня пугает.

— В смысле?

— Не знаю, как я выдержу, когда она соберется уйти от нас. Она такая хорошая девочка, Ма! Взвалила на себя все домашние заботы, а меня все время упрашивает отдохнуть. Даже не представляю, как бы я без нее справилась.

— А у Элли есть жених?

— Пока нет. Но скоро появится.

— Я тебя понимаю. У таких девушек, как Элли, отбоя не бывает от кавалеров.

— Она никогда особо не интересовалась молодыми людьми, которые проживают по соседству, но в один прекрасный день...

— Должна признаться, — сказала Ма, — иногда в церкви я смотрю по сторонам, пытаюсь угадать, кто из соседских парней подошел бы Элли...

Марти кивнула, показывая, что сама занималась этим.

— И? — подбодрила она Ма.

— Пока я не нашла достойного, — откровенно ответила Ма. — По-моему, Элли заслуживает особенного жениха.

— Думаю, она будет считать его особенным, когда наступит время.

Ма потянулась, чтобы наполнить чашку Марти:

— Честно говоря, я немного побаивалась, когда мои дети искали себе пару. Я рада, что эта пора миновала, и все они определились. Они выбрали достойных спутников жизни. Приятно сознавать, что о них заботятся. У них все прекрасно получилось. Теперь я могу сесть, расслабиться и играть с вну-чатами.

— Внуки живут рядом с тобой. А мои разбросаны между Западом и Востоком. Мне кажется, я просто не выдержу, если еще один уедет так далеко из дому.

— Да, это тяжело. Я бы сильно скучала по детям, если бы их не было поблизости.

— Натан и Джосайя такие милашки! А теперь на свет появилась маленькая Мелисса. Кто знает, когда я ее увижу? И у Клэ двое детей, но мы еще не видели младшенького. Ах, как бы я хотела, чтобы они приехали нас навестить, хотя бы ненадолго! Да, это тяжело, Ма. Мне тяжело оттого, что они разбросаны по свету. Я так по ним скучаю!

Ма испытующе взглянула в лицо Марти и быстро поменяла тему, что было очень мудро с ее стороны:

— Ну, а когда состоится свадьба Арни?

В оставшееся время они обсуждали членов семьи, которые жили поблизости, и Марти воспряла духом, подумав о предстоящих счастливых событиях. Они принесут радость ей и Кларку.

Пришла зима, и Марти, наблюдая за вихрями снега и порывами ледяного ветра, чувствовала облегчение оттого, что ей не нужно выходить на улицу. Элли каждый день напоминала

ей, что нужно шить одежды для малыша, и вскоре Марти стала относиться к этому с таким же энтузиазмом.

Кейт часто заходила к ним. Очевидно, ей доставляло большое удовольствие строить планы и готовиться к появлению двух малышек. Клэр разделял нетерпение Кейт и длинными зимними вечерами мастерил кроватку для ребенка, который превратит их в настоящую семью.

Кларку было трудно работать столько же, сколько летом и осенью. Костыль часто скользил на обледеневшей земле, и после одного падения и несколько случаев, когда он чуть не упал, Кларк с удовольствием переложил большую часть обязанностей на взрослых сыновей. Он всегда отличался веселым нравом, и Марти радовалась, что теперь они много времени проводят вместе.

Ее любовь к будущему ребенку росла с каждым днем. Она удивлялась, как она могла *не хотеть* его. Вся семья ожидала его появления с еще большим интересом, чем в прошлом.

Арни большую часть времени и забот посвящал предстоящей свадьбе. Строительство маленького домика подошло к концу. Анна даже повесила на окна занавески и положила на пол несколько ковриков. У нее не было матери, которая помогла бы ей с приготовлениями, и Марти с удовольствием шила из кусочков одеяла, подрубала кухонные полотенца и помогала ей всем, чем могла. Она уже привязалась к будущей невестке и верила в то, что Арни и Анна будут очень счастливы.

Зима медленно набирала силу. В доме не кончалась дружеская болтовня, гости приходили и уходили, и семья постоянно

чем-то занималась. Марти считала, что это самая счастливая пора в их жизни, несмотря на то, что некоторые члены семьи были далеко.

Люк прислал письмо. Марти нетерпеливо вскрыла конверт и прочитала его. Он уверял домашних, что чувствует себя прекрасно и учится с удовольствием. По его словам, благодаря урокам доктора Уоткинса он намного превзошел в знаниях других студентов и знал то, о чем они не имели ни малейшего представления. Он жил у доброй пожилой пары, которая полюбила и баловала его. У них не было детей, и, как писал Люк, женщина пыталась втиснуть в несколько месяцев его проживания все годы нерастроченной материнской нежности.

Он говорил, что скучает по семье, хоть у него остается мало времени, чтобы думать об этом. Он ходил в местную церковь и никогда не видел, чтобы в одном месте собиралось столько молодых людей. Большинство из них были добрыми и дружелюбными. С Клэ и ее семьей он встречается не очень часто. Ему не хватает досуга, чтобы наносить визиты, но День Благодарения он праздновал вместе с ними, — Клэ настояла на этом. У них все хорошо. Мальчик очень милый, и Эстер Сью так сильно выросла, что они просто не поверили бы! Сначала она стеснялась Люка, но быстро преодолела свой страх. Джо нравится учеба в семинарии. Он, учитывая пробелы в своих знаниях, удивлялся, как он мог служить в маленькой церкви дома. Ему не верится, что нужно еще столько всего выучить.

В конце письма Люк уделил пару предложений каждому родственнику. Он увещевал Марти беречь себя и ребенка.

Скоро он придет, чтобы отпраздновать Рождество и свадьбу Арни, и хочет, чтобы все выглядело так, как он запомнил.

Постскрипtum был адресован матери. «Я был бы рад, если бы родилась девочка», — написал он. Марти смахнула непрошенные слезы, сложила письмо и положила в конверт. «Милый, дорогой Люк, — подумала она. — Он совсем один, весь в делах, но ему это нравится».

Люк прав. Рождество наступит куда быстрее, чем им кажется.

Глава девятая

БЕН

Марти показалось, что только она свернулась калачиком и закрыла глаза, как вдруг в дверь тяжело постучали. Кларк спрыгнул с кровати и стал одеваться, а Марти с трудом привсталала.

— Что такое? — удивилась она.

— Не знаю. Но кто-то в нас сильно нуждается.

Кларк вышел из комнаты и поспешил к лестнице, выбивая ритм костылем.

— Зажги лампу, — крикнула ему вслед Марти. — А не то упадешь в темноте.

Но Кларк уже шел вперед, очевидно, на ощупь прокладывая себе путь в коридоре и на лестнице.

Марти встала с кровати и потянулась за шалью. Она увидела за дверью Арни. Он зажег лампу.

Элли окликнула его из комнаты.

— Что случилось? — спросила она.

— Не знаю, — ответил Арни. — Па пошел посмотреть.

Он спустился по лестнице, а Марти надела носки и быстро последовала за ним.

Арни повернулся, услышав ее шаги:

— Ма, лучше бы ты оставалась в постели, — сказал он.

— Все в порядке, — успокоила она.

— Смотри, осторожнее! — попросил Арни, протягивая ей руку.

Когда они вошли в кухню, то увидели Лу Грэхам, который разговаривал с Кларком. Кларк взглянул на них, приблизился к Марти и обнял ее за плечи.

— Бен, — мягко сказал он.

У Марти было много вопросов, но ей не хватало слов. Она разглядывала лица, чувствуя, как сильно бьется сердце. Несомненно, случилось нечто серьезное, раз Лу прискакал посреди ночи. С обеспокоенным видом к ним присоединилась Элли.

Кларк подвинул Марти стул, и она села.

— Что произошло? — наконец решился Арни.

— Сердце, — ответил Кларк.

Секунду все помолчали. Затем Арни осторожно спросил:

— И как он себя чувствует?

— Он... его больше нет.

— Нет? — переспросила Марти.

«Должно быть, это какая-то ошибка!» — в смятении подумала она. Ведь она видела Бена совсем недавно, и он выглядел вполне здоровым. Она приехала навестить Ма, и он принял

лошадей и даже весело поддразнивал ее. — *Нет, это ошибка! Бен не мог умереть. Только не Бен Грэхам».*

— Это случилось, когда он ложился спать, — заговорила Кларк. — Мне нужно идти, Марти.

В каком-то оцепенении она пыталась справиться с чувствами и осознать, что было сказано и что произошло: «*Бен, Бен Грэхам, их дорогой старый сосед, умер. Ма опять овдовела. Кларк едет к ней».*

Марти потрясла головой и попыталась встать.

— Я тоже поеду, — спокойно, но решительно заявила она. — Я тоже поеду.

Все воззрились на нее, будто запрещая ей это, хотя никто не произнес ни слова. Марти запахнула полы халата и глубоко вздохнула. Распрямив плечи, она взглянула на людей в комнате.

— Я тоже поеду, — ровным голосом сказала она. — Ма во мне нуждается. Ничего со мной не случится.

Никто не стал спорить, и Марти отправилась в свою комнату, чтобы одеться. Элли последовала за ней.

— Мама, — попросила она, — оденься потеплее. На улице холодно.

Марти кивнула и стала машинально выкладывать одежду.

Когда она опять спустилась, Кларк уже ждал ее. Лу уехал, чтобы передать печальную новость остальным родным и друзьям. Арни подогревал кирпич в камине. Марти знала: он нужен для того, чтобы она согрела ноги, когда они тронутся в путь. Лошади были готовы: они топали копытами и нетерпеливо фыркали. Они не понимали, зачем в такую ночь их вывели из теплого стойла.

Кларк без слов помог Марти забраться в повозку. Арни сунул ей завернутый в тряпицу кирпич и заботливо подоткнул тяжелую робу. Ему не нужно было ничего говорить: его чувства отразились в том, как он стремился удобно и безопасно ее устроить. Кларк взял вожжи, прикрикнул на лошадей, и они поехали.

Марти никогда не ехала к Грэхамам в таком молчании. По пути она пыталась привыкнуть к мысли, что Бен Грэхам умер, но это казалось нереальным. Может, Кларк тоже думает об этом? Но она не решилась спросить.

Светила бледная луна, и свет отражался в белизне покрытых снегом полей. Над их головами блистали мириады звезд. Марти стало интересно, знает ли кто-нибудь, сколько их там, — нет, скорее всего. Их слишком много. Только Богу известно их точное число.

«*Бог знает все о своих детях*», — Марти прикрыла глаза. Ему известно, что случилось этой ночью. Он приветствовал Бена и уже радушно пригласил его на небеса. Он был рад... доволен, что Его дитя вернулось домой? Марти была бы рада. Если бы один из ее детей, которые живут так далеко, вдруг вошел в дверь, она бы отпраздновала это событие. Может, Бог тоже счастлив оттого, что Бен оказался дома?

«*Но как же Ма?*» — продолжала размышлять она. — *Ма снова осталась одна. Знает ли об этом Бог? Понимает ли Он, какую пустоту и одиночество она чувствует?*» Марти вспомнила, как Ма давным-давно рассказывала о потере первого мужа, Торнтона. Она сказала, что тоже хотела умереть, и частичка ее души улетела или навсегда онемела. Теперь

ей вновь придется пройти через то же самое. Она так сильно любила Бена, и в мире нет никого, ни одного человека — как бы ни любили ее родные и соседи, — который помог бы ей справиться с этой болью.

Вдруг Марти заплакала, рыдания разрывали ее изнутри. «Ох, Ма! Ох, Ма! Сможешь ли ты это выдержать?» — стонала она внутри. Это правда. Истинная правда. Бен умер.

Кларк не утешал ее, но обнял и притянул к себе. Он понимал, что ей нужно выплакаться.

Когда они доехали до дома Грэхамов, Марти взяла себя в руки. Во всех окнах горел свет. Во дворе толпились и топтались упряжки и оседланные лошади, и двери открывались и закрывались, когда прибывали новые семьи. Кларк помог Марти спуститься и провел упряжку в глубь двора, где привязал лошадей к столбу загона. Марти подождала его, страшась при мысли о первой встрече с бедной Ма. Ей не хотелось входить в дом одной. Кларк вернулся, взял ее под руку и провел к дому. Тогда они впервые за все это время заговорили.

— Кажется, вся семья собралась, — тихо заметила Марти.

— Да, Лу сказал, что даст им знать.

— Хорошо, что они будут рядом.

— Лэма не было дома, — не уверен, что с ним удалось связаться.

Они подошли к дому, и, не постучавшись, Кларк провел ее через дверь. В большой кухне было полно людей. На столе стояли чашки с кофе, но, кажется, никто из них не пил. Ма окружили люди с заплаканными лицами. Она сидела перед открытой

Библией и дрожащим, но уверенным голосом читала собравшимся:

— «...Ради имени Своего. Если я пойду и долиною смертной тени — не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох — они успокаивают меня. Ты приготовил предо мною трапезу в виду врагов моих, умастил елеем голову мою, чаша моя преисполнена. Так...»

Ма отказал голос. Она подождала минуту и продолжила. Ее голос зазвенел с большей силой:

— «...Благодать и милость Твоя да сопровождают меня во все дни жизни моей, и я пребуду в доме Господнем многие дни».

Ма положила на Библию обе руки и закрыла глаза. Все в комнате понимали, что она верит в эти обещания и беззвучно повторяет их в молитве.

Когда она опять открыла глаза, то увидела Марти и Кларка. Не сказав ни слова, Ма протянула им навстречу руки, и на морщинистые щеки снова полились слезы. Марти быстро подошла к ней и заключила в объятия. Они обнялись и вместе заплакали. Марти почти не слышала голосов и шорохов вокруг. Она знала, что Кларк выражает соболезнования другим членам семьи. Она тоже должна поговорить с ними, но важнее всего для нее Ма.

После этого они сели за кухонный стол, вспоминали о Бене и обсуждали похороны. Приготовлений требовалось не так уж много. Владелец нового похоронного бюро сделает гроб. Молодого священника не стали вызывать посреди ночи. Ма настояла на том, чтобы его не беспокоили. Семья и соседи

поддерживают ее, и у них полно времени, чтобы все подготовить. Кроме того, объяснила она, бедный молодой человек и так три ночи не спал, находясь рядом с болящей Мод Уотли. Кажется, ее состояние улучшилось, и священнику наконец удалось отдохнуть.

Соседские мужчины выкопают еще одну могилу на маленьком церковном дворе. Кларк предложил проследить за тем, чтобы все было сделано правильно. Том поблагодарил его:

— Но, — сказал он, — мы с ребятами поговорили и решили, что сами справимся.

Кларк вполне их понимал. Он только кивнул в знак согласия.

Салли Энн рыдала громче всех. Марти обнаружила ее в спальне Ма. Вокруг были разложены вещи, которые сделал Бен. От рыданий она сотрясалась всем телом. Марти пыталась ее успокоить, но Салли Энн заплакала еще сильнее.

— Все хорошо, — наконец выдохнула она между всхлипами. — Пожалуйста, оставьте меня одну.

Марти отошла от нее. Салли Энн потребуется время, чтобы смириться с горем.

День похорон выдался холодным. Но ветер успокоился, и все были благодарны за это. Небо посерело, а воздух казался ледяным. Марти запахнулась в пальто и помолилась за членов семьи, которые тесно прижимались друг к другу. Сегодня у них тяжелый день. А что будет с Ма, когда все вновь разъедутся по домам?

Марти была рада, что Лу, его жена и двое детей живут по соседству. По крайней мере, у Ма есть близкие люди. Но ей

придется нелегко — она останется одна в пустом доме, будет лежать в холодной постели, которую столько лет делила с мужем, сидеть за столом, где никто к ней не присоединится. Да, впереди ее ждет нелегкое время. Марти чувствовала облегчение оттого, что Ма глубоко верила в Бога. Это поможет ей перенести сильное горе. А она будет каждый день молиться о ней. И часто навещать. Может, пригласить Ма на семейный обед?

Но Марти знала, что Ма вряд ли будет сидеть и жалеть себя. В трудные времена она всегда подавала всем жителям округа пример искренней веры.

Глава десятая

ХОРОШИЕ НОВОСТИ

Жизнь брала свое, и родные и друзья Бена, хоть и с тяжелым сердцем, но стали задумываться о насущных заботах, которые требовали их участия.

До Рождества и свадьбы Арни осталось всего несколько недель. Марти изо всех сил старалась поддерживать в домашних радостное ожидание, хотя сама не могла избавиться от тяжелых мыслей о Ма и ее семье. Она часто думала и молилась о ней.

Как-то Кларк вернулся домой из города и поспешил в кухню. Увидев выражение его лица, Марти сразу поняла, что ему есть что сообщить:

— Ты не поверишь! Угадай, что я только что услышал.

Марти подняла глаза от детского платья, на котором делала изящные складки:

— Не знаю, — ответила она. — Что случилось?
— Отец Вилли пришел в такой восторг от Запада, что уговорил всю семью переехать туда.

— Ты меня разыгрываешь.

— Нет, не разыгрываю.

— Хочешь сказать, они все переезжают?

— Они не переезжают. Во всяком случае, пока. Они собираются туда, чтобы осмотреться.

— И Калли с детьми тоже?

— Ага.

— А кто на ферме останется?

— Вот теперь ты мне точно не поверишь.

Марти округлила глаза: она недоумевала, что может быть невероятнее того, что она только что услышала.

— Лейн, — сказал Кларк.

— Лейн?

— Ну да.

— Наш Лейн? Я имею в виду того, который работал у Вилли? — Марти была поражена.

Кларк рассмеялся:

— Я же говорил, что ты в жизни не поверишь.

— Кто бы мог подумать! Мы снова увидим Лейна! Ты уверен?

— Уверен. Ла Хэй сам показал мне письмо. Более того, Лейн должен приехать завтра, чтобы узнать все, что нужно, прежде чем Ла Хэй уедут в следующий вторник.

— Да, ты прав — просто не верится! — взволнованно воскликнула Марти. — Лейн придет сюда. Разве не здорово?

— Элли! — позвала она, устремившись в кухню. — Элли! Скоро придет Лейн!

Девушка подняла голову от картошки, которую она чистила.

— А кто такой Лейн? — спросила она.

— Лейн. Лейн, что жил у Вилли. Мы же рассказывали тебе о нем!

— Лейн, — повторила Элли, словно стараясь припомнить. Кларк тоже пришел в кухню.

— Па, хочешь кофе? — спросила Элли, и Марти почувствовала легкое разочарование из-за того, что дочь не проявила особого оживления, услышав новость о скорой встрече родителей со старым другом.

Не дождавшись ответа отца, Элли взяла две чашки, поставила их на стол и наполнила кофе. Кларк поблагодарил ее, сел на стул и придвинул к себе чашку. Марти уселась напротив него и взяла вторую. Элли опять занялась картофелем.

— С ума сойти! — повторила Марти, не желая менять тему разговора. — Лейн приезжает.

— А зачем? — спросила Элли.

— Ла Хэй собираются на Запад, чтобы повидать Вилли и Мисси. Они прибудут к Рождеству и останутся еще некоторое время.

Наконец Элли перестала деловито чистить картошку и вскинула голову:

— Правда? Мисси так обрадуется! Да, наверное, очень обрадуется! Вы только представьте! Вся семья соберется на Рождество!

Марти улыбнулась, представив волнение и заботливые приготовления Мисси:

— Мы можем передать рождественские подарки!

Кларк рассмеялся:

— Да, но постарайтесь, чтобы они были не очень тяжелые, потому что у Ла Хэй и своего багажа немало.

— А кто останется на ферме? — спросила Элли, и Марти отметила про себя, что девушка ее не слушала.

— Лейн, — терпеливо ответила она.

— Ах, вот *почему* Вилли посылает... как его зовут?

— Лейн.

— А дальше?

Кларк опять рассмеялся:

— Его зовут Лейн Говард. Он один из помощников Вилли. Наверное, он умеет работать на ферме, иначе Вилли не прислал бы его.

— Понятно, — заметила Элли и опять занялась овощами.

— Он прекрасный молодой человек, — сказала Марти. — Он пришел на службу к Вилли и первым из ковбоев уверовал.

Элли кивнула, показывая, что ей это интересно.

— Он замечательный молодой человек, — согласился Кларк и, погружившись в воспоминания, уставился прямо перед собой:

— Лейн вместе со мной встал на колени рядом с Джедом Ларсоном и молился о нем, когда тот был в ужасном состоянии.

— Лейн поскакал холодной ночью за доктором де ла Роза, чтобы тот вылечил Джедда, — добавила Марти.

— Да, а еще Лейн запряг лошадей и опять отправился к дому доктора, чтобы отвезти туда Джедда, — продолжал Кларк.

— Он и тебя сопровождал туда на Рождество, — напомнила ему Марти.

— Именно так, — улыбнулся Кларк. — Я словно вижу, как он слез с лошади и, не говоря ни слова, накрыл мой обрубок своим одеялом. Ох, как было холодно! Я бы наверняка обморозил ногу, если бы Лейн этого не сделал. Я был слишком растерян, чтобы подумать о том, что ее нужно накрыть.

Элли смотрела то на отца, то на мать, а они вспоминали о событиях, произошедших на Западе с ними и Лейном.

Марти тихо произнесла хрипловатым голосом:

— Может, тебе не сказали, но Лейн помогал доктору, когда тот делал операцию. Вилли хотел это сделать, но побоялся, что не выдержит. Доктор попросил о помощи — и Лейн вызвался добровольцем.

— Нет, я не знал, — Кларк задумчиво покачал головой и вздохнул: — Хотя мне следовало бы догадаться, что именно Лейн...

— Будет приятно увидеть его снова! Когда он приезжает? — спросила Марти.

— Должен быть завтра.

— Значит, уже совсем скоро!

— Ну же, не горячись, — рассмеялся Кларк. — Вилли пригласил его, чтобы он присмотрел за фермой, а не для того, чтобы он все время...

— Я знаю, — отрезала Марти. — Но, полагаю, иногда он может навещать нас. Вреда от этого не будет. Он же должен иногда есть, не так ли?

Кларк встал и взъерошил ей волосы.

— По-моему, да, — сказал он. — Я и сам думал, что было бы здорово, если бы он отпраздновал с нами Рождество.

— Надеюсь, нам не придется долго ждать встречи, а то я лопну от нетерпения.

Кларк опять захохотал.

— Ну, мне кажется, — уверенно заявил он, — он сам будет рад с нами увидеться.

Марти надеялась, что Кларк не ошибается. Лейн стал для них почти что родственником, и вместе с ним как будто будет частичка семьи их любимой Мисси.

— Посмотри, как ярко светит солнце! — заметила Элли, обращаясь к Марти. — Я, пожалуй, прогуляюсь.

Марти тоже посмотрела в окно. Да, это был чудесный зимний день.

— И я думала о том же, — сказала она. — Навещу Кейт, выпью с ней кофе.

— Хорошая идея. Может, я к вам присоединюсь, когда сделаю все, что наметила. Но вы меня не ждите. Если мне понравится гулять, я приду не скоро.

Марти улыбнулась. Элли всегда любила долгие прогулки.

— Конечно, — согласилась она. — Солнце тебе не повредит.

— Я оденусь, — продолжала Элли, — и провожу тебя к Кейт, чтобы ты не поскользнулась на льду.

— Ты слишком беспокоишься, — возразила Марти. — Прямо как твой отец. Я уже много лет хожу по льду и не помню, чтобы хоть раз поскользнулась.

Элли покачала головой, но ничего не сказала. Она надела пальто и подождала Марти. Та завернулась в теплую шаль, и они вместе вышли из дому. Снег ярко сверкал на солнце. Они поморщились от слепящего света. Воздух был прохладным, но солнечные лучи пригревали им макушки.

— Не верится, что скоро наступит Рождество. Погода больше похожа на весеннюю, — заметила Марти.

— Да и правда! — поддержала ее Элли. — Но я рада, что сейчас тепло. Леди и ее щенкам так намного легче.

— Как они поживают?

— Ах, мама, они такие милые! Особенно черно-белый малыш. У него самые большие глазки и ушки! Надеюсь, папа разрешит его оставить.

— Вряд ли нам нужна еще одна собака.

— Но он прехорошенький!

— Все щенки прехорошенькие, — напомнила Марти. — Но щенок вырастает и превращается в собаку.

— Только не говори, что ты равнодушна к собакам! — возразила Элли.

Марти рассмеялась, признавая правоту дочери. Она всегда любила собак и каждый раз, когда появлялись щенки, очень страдала, отдавая их в другие дома.

Они подошли к дому Кейт, которая радушно приветствовала их, и Элли, оставив мать, направилась к курятнику.

Молодой человек спрыгнул с лошади, привязал ее к забору и двинулся к дому. Он несколько раз постучал в дверь.

Никто ему не ответил, и он повернул к амбару, дверь которого была открыта.

Элли уже закончила кормить кур и отправилась посмотреть на щенков. На улице стало еще теплее, и она сняла пальто. Она оставила дверь открытой настежь, чтобы солнечный свет проникал в амбар. К ней подбежала Леди, и четыре упитанных щенка, спотыкаясь и путаясь, следовали за ней. Элли отбросила пальто и опустилась на теплую, приятно пахнущую солому.

— О, — заворковала она, подняв любимого щенка и прижимая его к щеке, — какой ты хорошенький!

Он неожиданно лизнул язычком ее нос, и Элли поцеловала мягкую шерстку на его голове. Она потянулась за вторым щенком, а третий стал тыкаться носом в ее юбку. Он ворчал и тянул ее на себя, словно атакуя нечто неизвестное и опасное. Элли рассмеялась и тихонько оттолкнула щенка носком туфли. Он перевернулся и стал нападать на ее туфлю. Элли взяла щенка на колени и повернулась к последнему — застенчивой маленькой девочке:

— Иди сюда, крошка, — сказала Элли, подзывая ее к себе.

Она села и положила всех щенков себе на подол. Леди прижалась к ней и лизала ее лицо, руки, пальцы — все, что смогла достать. Элли опять подняла своего энергичного любимца и поднесла его к щеке.

— Надо попросить папу, чтобы он разрешил тебя оставить, — сказала она.

Увлечшись щенками, Элли не заметила тени, которая легла на дверь, и человека, смотревшего, как головка с блестящими

золотыми волосами склоняется над зажмурившимся щенком. Девушка подняла лицо, и солнечный свет упал на нее, подчеркивая свежесть щек и темно-синий цвет глаз. Человек наблюдал молча, и Элли еще не видела его — так она была поглощена своими маленькими друзьями. Она нежно приглаживала тонкими пальцами кудрявую шерстку, ласкала большие отвислые ушки.

— Какой ты хорошенький! — продолжала она, поднимая щенка, чтобы посмотреть на его мордочку. — Разве я могу от тебя отказаться?

Лейн не двигался с места. Он знал, что ему не следует смотреть на нее, не дав знать о своем присутствии, но боялся нарушить очарование представшей перед ним сцены. Кто она, эта чудесная девушка? Такая милая, цельная, как... как... Лейн не знал, с кем ее можно сравнить. Он никогда не видел таких, как она.

Первым его заметила собака. Леди повернулась к нему и заворчала, едва заметно помахивая хвостом. Элли оторвалась от щенка и уставилась на дверь. Заметив молодого незнакомца, она ахнула и вскочила на ноги. Щенки, игравшие на ее юбке, повалились на мягкую солому.

Лейн быстро обрел дар речи:

— Простите, мисс, что я глазел на вас. Я не хотел. Я... я ищу семью Дэвис.

— В амбаре? — спросила она. В ее голосе слышался смех, а не упрек.

— Я постучал в дверь дома, но никто мне не ответил.

Девушка промолчала, и Лейн объяснил:

— Я... Дверь амбара была открыта, и я подумал, что, возможно... — он сбился. — Простите, если помешал, мисс.

— Ничего страшного, — наконец сказала она и отдала щенка матери.

— Я не ошибся адресом?

— Нет, мы и есть Дэвисы, — ответила девушка, стряхивая с юбки солому. — Кого вы хотите увидеть?

— Родителей Мисси, — ответил он. — Кларка и Марти.

От удивления Элли непроизвольно округлила глаза. Она внимательно осмотрела молодого человека, который, сжимая в руке шляпу, стоял перед ней. *«Должно быть, это тот самый Лейн, о котором говорили ма и па»*, — подумала она.

Он был высок и худощав, но широкоплеч. Чисто выбритое лицо, темно-карие глаза. У него твердый подбородок; видно, что, если он примет решение, его трудно переубедить.

Элли он не показался красивым — впечатление портил кривой нос, — но молодой человек вел себя так, что поневоле хотелось узнать о нем больше. Вдруг она смутилась и опустила глаза, застыдившись, что так откровенно разглядывает незнакомца.

— Мама сейчас у Кейт, а папа где-то на ферме, — быстро объяснила она.

Элли прошла вперед, чтобы показать ему дом Кейт, и он последовал за ней. Они молча прошли к дому, и Элли тихо постучала в дверь, но не стала ждать, пока хозяйка выйдет их встречать.

— Мама, — позвала она, — к тебе гости.

И Элли отступила назад, чтобы дать дорогу молодому человеку. Марти тихо вскрикнула и выбежала из-за стола.

— Лейн! — воскликнула она, с материнской теплотой обнимая его.

Потом Марти обернулась к Кейт.

— А это Кейт, жена Клэра, — представила она, — с Элли ты уже познакомился.

Элли стояла, словно пригвожденная к месту. Ее смущал взгляд Лейна, и она чувствовала себя глупо. Он сделал шаг вперед.

— Не совсем, — ответил он, — я случайно на нее наткнулся, но мы так друг другу и не представились.

— Элли, — сказала Марти, — это Лейн, о котором мы столько тебе рассказывали.

Элли протянула ему руку.

— Рада познакомиться, — тихо произнесла она, — прости-те, я не сразу поняла, кто вы такой.

Лейн взял ее руку и посмотрел в голубые глаза. Молодые люди молчали. Элли была скорее удивлена, чем испугана тем, что у нее путаются мысли. Она знала, что много молодых людей готовы выстроиться в очередь и терпеливо ждать, не проявит ли она к ним хоть малейший интерес. Но ни один не вызывал у нее таких чувств. *«Ну вот ты и познакомилась с этим Лейном, — строго сказала она себе. — А теперь успокойся»*, — закончила она молчаливое нравоучение.

Марти настояла на том, чтобы Лейн остался на ужин. Уговорить его было несложно. Он сказал, что давно хотел повидаться с Кларком и Марти. У него есть новости о семье

Вилли и Мисси, а также о маленькой церкви и о том, как шло строительство после их отъезда на Восток. Прислали им весточки и ковбой с ранчо. А главная причина, почему он приехал к ним сегодня вечером, — письмо от Мисси, которое она просила доставить лично. Лейн полез в карман рубашки.

— Мисси не один раз напоминала, чтобы я не смел о нем забывать.

Он вытащил заботливо сложенную бумагу.

— Она прислала вам локон малышки Мелиссы, — Лейн передал пакет Марти. Та осторожно развернула бумагу и увидела маленький локон мягких, воздушных детских волос. Элли чувствовала, что мать с трудом сдерживает слезы.

— Где-то далеко на Западе у меня есть маленькая внучка, — прошептала Марти, рассматривая детские волосы. Она подняла их и обернула вокруг пальца. В золотистом локоне светилась рыжина. Марти прижала его к губам и заплакала. Вытерев глаза, она повернулась к Лейну.

— Спасибо, — пробормотала она, — наверное, она хорошенькая.

— Да, — подтвердил Лейн, — мы все так думаем.

— Надо сказать, место для воспитания девочки не самое подходящее, — заговорил Кларк. — На ранчо дюжина мужчин, и все ее балуют!

Все дружно рассмеялись.

Глава одиннадцатая

МА ГРЭХАМ

Марти хотела еще раз увидеться с Ма перед Рождеством, и она попросила Кларка запрячь лошадей, пока теплая погода не закончилась. Он неохотно согласился, понимая, что это для нее важно, но в его глазах отразилось беспокойство.

— Давай я тебя отвезу, — предложил он.

— Сама справлюсь, — успокоила его Марти. — Правда, Кларк. Сейчас я чувствую себя прекрасно. Намного лучше, чем несколько месяцев назад.

Кларк оглядел ее округлившийся живот.

— Пожалуйста, будь осторожна! — предупредил он.

Но Марти перебила его, шутливо взмахнув мокрым полотенцем.

— Я не собираюсь гнать лошадей, — с улыбкой пообещала она.

В небе сияло зимнее солнце, но все-таки воздух был холодным. Не успела Марти отъехать от дома, как порадовалась тому, что, повинувшись увещеваниям домашних, подоткнула еще одно одеяло.

Она задумалась о том, кто встретит ее во дворе Грэхамов, чтобы принять коней, — ведь Бена больше нет. Он всегда первым приветствовал ее и предлагал поспешить к Ма, пока он займется лошадьми. При мысли о смерти Бена у Марти заняло сердце. В их жизни появилась пустота.

Она думала о Ма. Как она коротает в одиночестве дни и ночи? Наверное, ей ужасно тяжело. К тому же скоро наступит Рождество... Прекрасное время, но тому, кто недавно потерял близкого человека, страшно одиноко.

Марти повернула лошадей ко двору Грэхамов и вылезла из саней. Ее встретил Лу, который вышел из амбара. Он тепло поздоровался с ней и предложил пойти к Ма, как раньше много раз делал его отец.

Марти не успела постучать, потому что Ма увидела ее в окно и вышла навстречу:

— Я надеялась, что ты приедешь! — сказала она. — Мне тебя не хватало.

Марти сняла тяжелое пальто, обняла Ма и подошла к плите, чтобы согреть руки.

— Я так и думала, — заметила она, чуть не плача. — Все время вспоминала о тебе и часто молилась... но... но, боюсь, это мало помогло.

— Нет, помогло! Будь уверена, помогло, — убеждала ее Ма. — Я чувствовала, как меня поддерживают молитвы

людей, которые тревожатся за меня. Не знаю, как бы я без них справилась.

Они обе немного помолчали.

— Конечно, иногда мне очень одиноко, — продолжала Ма, кивнув Марти на стул за столом. — Даже когда родные рядом. А они такие милые, все время приглашают на ужин или на кофе. Или просто в гости. Но я должна привыкнуть, Марти. Сначала я почти не бывала дома, и некоторое время это помогало. Но это не может продолжаться вечно. Я должна привыкнуть жить одна.

Марти села, и Ма придвинула себе стул.

— Знаешь, в каком-то смысле, — призналась она, — в этот раз мне тяжелее, чем тогда, когда умер Торнтон.

Марти удивилась.

— Конечно, когда я потеряла Торнтона, то очень страдала: ведь он умер молодым, а я сильно его любила и была совершенно не готова жить одна. Но я заботилась о детях, понимая, что ни на минуту не должна опускать руки — ради них. Благодаря им я держалась на плаву. Вот что я имею в виду. У меня почти не было времени, чтобы размышлять о горе. А теперь я совсем одна. Дети выросли. Кажется, что нет никакого смысла жить.

— Да нет же, есть! — быстро вставила Марти.

— Я знаю. Знаю. Я повторяю себе это помногу раз на дню, и все же мне трудно в это поверить.

— Ты говорила, что тебе понадобится время, — напомнила Марти. — Помнишь? А времени прошло не так уж много.

И она потянулась, чтобы прикоснуться к натруженным рукам, сложенным вместе. Ма сидела, опустив голову, и Марти

боялась, что она сейчас расплачется. Но пожилая женщина расправила плечи и посмотрела на нее с печальной, но уверенной улыбкой.

— Время? Да, оно мне понадобится. Время и Бог.

Марти погладила пальцем край деревянного стола:

— Постарайся смотреть в будущее, — попросила она. — Скоро наступит Рождество. А у тебя целый выводок внуков. Ты уже всем подарки подготовила?

Ма покачала головой.

— Значит, пора тебе взять в руки спицы и вязальный крючок, потому что они наверняка ждут, что бабушка, как обычно, подарит им шарфы и перчатки.

— Ах, Марти! Мне совсем не хочется праздновать Рождество, — пожаловалась Ма.

Марти поднялась и обошла стол, чтобы положить руки на плечи подруги.

— Самое тяжелое Рождество в моей жизни случилось тогда, когда я потеряла Клемма, — сказала она. — Но знаешь, что? Оглядываясь назад, я думаю, что это был самый значительный праздник. Я никогда не чувствовала истинного смысла Рождества с такой ясностью, как в тот год. Я часто думала, почему, — продолжала она, опускаясь на стул рядом с Ма. — Полагаю, дело в том, что тогда я решила, что Рождество станет для меня новым жизненным этапом. Я не понимала этого, но знала, что Бог вложил в этот праздник более глубокий смысл, чем нам иногда кажется. Я хотела проникнуть в него. И все время думала о том, что сделаю это Рождество особенным для Мисси. Она и так настрадалась, и я хотела избавить

ее от печальных воспоминаний. Стараясь для Мисси, я получила намного больше для себя. Думаю, в этом и есть соединяющее чудо Рождества...

Марти замолчала и посмотрела в лицо Ма.

— У тебя семья, — сказала она через минуту, — родные, которых ты очень любишь. — Марти говорила тихо, но отчетливо. — Всех их гнетет боль потери, но больше всего они переживают за тебя. Рождество будет мало для них значить, если оно ничего не значит для *тебя*. Они нуждаются в тебе, Ма. И ничуть не меньше, чем тогда, когда потеряли отца.

Ма, слушая Марти, тихо плакала. Когда она закончила, пожилая женщина высморкалась и вытерла глаза.

— Ты права, — согласилась она, — горе ослепило меня. Они и правда нуждаются во мне.

Она вышла из-за стола и пошла за горячим кофе.

— Святые небеса! — воскликнула она, налив кофе в чашки и устало опустившись на стул. — Обычно к этому времени я успевала связать четыре или пять пар перчаток. Мне придется поторопиться, верно, Марти?

Глава двенадцатая

ЛЕЙН ПОМОГАЕТ ДЭВИСАМ

Семья Ла Хэй уехала в путешествие в назначенное время, и Лейн остался присматривать за фермой. Правда, в зимние месяцы работы не так уж много. Надо позаботиться о скотине, доить утром и вечером двух коров, но все же он недоумевал, чем занять ничем не заполненные часы, которые ждут его впереди.

Обрадовавшись тому, что у него появился предлог, Лейн отправился к Дэвисам. Он объяснил причину своего беспокойства Клэру и Арни, начав с вопроса:

— Чем вы обычно занимаетесь в долгие зимние дни, когда не нужно работать в поле?

— Обычно мы рубим лес и запасаем дрова, — ответил Клэр.

— У Ла Хэй дров навалом, — известил Лейн. — Мне сказали, чтобы я не старался пополнить припасы. Надо хоть эти использовать, пока не сгнили.

— Еще мы ухаживаем за скотиной.

— У Ла Хэй не так много скота. Одна свинья, куры, пара дойных коров и несколько коров, которых кормят на убой. У них даже собаки нет.

Арни рассмеялся.

— Надеюсь, ты любишь читать, — пошутил он.

— Ничего не имею против, — ответил Лейн, — но не готов заниматься этим все дни напролет. Может, я помогу вам валить лес?

— Да, в этом году нам нужно заготовить больше дров. Ведь огонь придется поддерживать в трех домах — родительском, моем и Арни, — заметил Клэр. — А еще мы подумали, что и Ма Грэхам подбросить дровишек не помешает. Ей понадобится помощь. Хочешь помахать топором?

Лейн не смел и просить об этом. Так он займет свободное время, и, кроме того, если он будет работать с парнями из семьи Дэвис, ему удастся время от времени любоваться Элли. Он пообещал Клэру и Арни, что приедет завтра утром, как только закончит дела на ферме.

Дела заняли у Лейна больше времени, чем он рассчитывал, и, беспокоясь, что опоздает, он поспешил на ферму Дэвисов, даже не позавтракав. Лейн сомневался, что Клэр и Арни его ждут. Может, они ушли в лес без него?

Ему не стоило беспокоиться, потому что было еще рано. Когда он приехал, парни занимались скотиной.

— Иди поздоровайся с ма, — предложил ему Арни. — Я скоро приду. Только выпью кофе и захвачу с собой обед. Можешь попросить у женщин, чтобы и тебе кофе налили.

«Обед, — подумал Лейн, недовольный собой, — а я и не подумал о том, чтобы взять с собой что-нибудь перекусить».

Он постучал в дверь, и ему открыла Элли. Сегодня она надела накрахмаленный передник и клетчатое голубое платье с белыми манжетами и воротничком. Девушка выглядела милой и опрятной. Увидев Лейна, она улыбнулась, и у него сильно забилося сердце.

— Посидишь с нами немного? — приветствовала она нового знакомого. — Мальчики сказали, что ты любезно предложил им помощь.

Лейн вошел в дом и повесил шляпу на крючок у двери.

— Мама скоро спустится, — продолжала Элли. — Она пошла в свою комнату за вязаньем. Хочешь кофе?

— Это было бы очень мило с вашей стороны, мэм, — ответил Лейн, вдруг почувствовав, что он ужасно голоден.

Элли взглянула на него и наморщила носик.

— Не называй меня мэм, а то я чувствую себя занудной старой девой, — пошутила она.

Лейн улыбнулся.

— У вас нет ничего общего со старой девой, — осмелел Лейн и тут же прибавил: — Мисс.

— Мисс говорить тоже необязательно, — строго заметила Элли.

Лейн удивленно поднял брови, и девушка пояснила:

— Можешь звать меня просто Элли.

Лейн кивнул. Элли указала ему на стул у стола. Он сел, не зная, куда девать руки. Они казались слишком большими, чтобы положить их на колени, и слишком неуклюжими. Элли

была очень занята, наливая кофе и выбирая кексы, и ничего не замечала.

— Какие ладненькие, мисс... Элли, — сказал Лейн, когда она поставила перед ним свежую выпечку.

— Уверена, ты даже не позавтракал, — укоризненно произнесла она. — Я знаю привычки моих братьев. Они бы умерли с голоду, если бы о них никто не позаботился.

Сказав это, Элли пошла за сковородой, яйцами и беконом. Лейн был голоден, но, конечно, не хотел причинять неудобства. Однако он не знал, как ее остановить, и потому просто сидел и смотрел, как она готовит ему завтрак.

— Ну вот, готово, — сказала Элли, поставив перед ним тарелку. — Раз ты так добр, что решил нам помочь, то я, по крайней мере, могу тебя накормить.

Она потянулась за его чашкой, чтобы наполнить ее еще раз, но увидела, что он к ней даже не притронулся.

— Ты не любишь кофе? — удивилась она.

— Нет-нет. Люблю. Даже не знаю, как бы я без него обходился. На ранчо, например... — Лейн осекся. — Просто я был слишком занят, чтобы пить, — робко закончил он.

— Занят?

— Тобой любовался, — мягко проговорил он и сильно покраснел после такого смелого заявления.

Элли тоже зарделась и повернулась к буфету.

— Ешь, пока не остыло, — смущенно пробормотала она. — Мне еще нужно приготовить вам обед.

Лейн занялся едой и вскоре прикончил и яичницу с беконом, и кексы. Затем подошел к плите, чтобы опять наполнить

чашку. Элли, которая готовила сэндвичи, подняла глаза. Лейн отпил глоток и приподнял чашку, глядя на девушку.

— Хороший кофе, — похвалил он.

— Кофе всегда вкуснее, если он *горячий*, — возразила она, и Лейн понял, что она его поддразнивает.

В комнату вошел Арни. Он бросил перчатки в угол и сделал шаг к шкафу, чтобы выпить кофе:

— Ох, до чего же сегодня холодно! Придется махать топором изо всех сил, чтобы кровь не застыла.

Клэр вошел сразу за ним.

— А я думал, тебя любовь согреет, — пошутил он.

Арни покраснел.

— Элли, можно еще одну чашку? — попросил Клэр.

— Возьми сам, — ответила Элли. — Неужто забыл, где они висят?

Он подошел к ней и взъерошил ей волосы.

— Ну ты и нахалка! — рассмеялся он. — С тех пор, как я ушел из дому, некому тебя воспитывать. Знаешь, что тебе нужно? Крепкая узда...

Но Элли не дала ему закончить.

— Вот, — сказала она, положив в коробку последний сверток, — обед готов. По-моему, для трех человек достаточно.

Клэр быстро допил кофе и отставил чашку в сторону.

— Пойду попрощаюсь с Кейт. Встретимся у амбара, — сказал он и вышел из дому.

В кухню вошла Марти. В руках она держала корзину с вязаньем.

— О, доброе утро, Лейн! — сказала она. — Я и не знала, что ты здесь. Как мило с твоей стороны, что ты предложил мальчикам помощь. Для Кларка это большое облегчение. В этом году нам нужно больше дров, чем обычно, а махать топором, если у тебя всего одна нога, ужасно тяжело. Особенно если под ногами мокро и скользко. Надеюсь, благодаря тебе нам удастся уговорить его остаться дома. — Она на секунду задумалась: — Элли пригласила тебя на ужин?

Лейн опять покраснел.

— Боюсь, что нет, — ответила Элли, — как-то не подумала.

— Спасибо, мэм, — сказал Лейн, — но я не...

— Пожалуйста, без церемоний, — попросила его Марти. — Ты нам помогаешь, и мы, по крайней мере, постараемся вкусно тебя накормить.

Лейн покраснел еще больше.

— Мисс Элли уже приготовила мне завтрак, — объяснил он, — и дала с собой обед. По-моему, этого достаточно.

Марти добродушно рассмеялась:

— Я рада, что она о тебе позаботилась. Заедешь к нам, когда будете возвращаться домой. Мы все подготовим к вашему прибытию.

Лейн хотел спорить, но, взглянув на Элли, подумал, что было бы приятно увидеть ее еще раз.

— Премного благодарен, — сказал он Марти и последовал за Арни к двери.

Элли была недовольна. Лейн ее беспокоил. Ей никогда не случалось встречать молодого человека, который бы так

на нее действовал. Каждый раз, когда она вспоминала, как он на нее смотрел, у нее начинали полыхать щеки. Казалось, он пытался прочесть ее мысли и посылал ей безмолвные сообщения. Это волновало и пугало ее. Зачем он явился к ним издали? Чтобы разрушить ее аккуратный, чистый мирок? Через несколько месяцев он отправится на Запад. И что потом? Все пойдет так же, как раньше, и они вернуться к привычному ходу вещей? Элли сомневалась, что ей это удастся.

— Он милый, правда, дорогая? — перебила ее беспокойные мысли Марти, и Элли подпрыгнула на месте.

— Что?

— Лейн — милый парень. Вилли повезло, что он у него работает. Он здорово помогает ему на ранчо и на строительстве церкви. А теперь он приехал сюда и предложил нарубить леса, а ведь это очень тяжело! Я так рада, что отцу не придется с этим возиться.

Элли согласилась с матерью, ничем не выказав своего отношения.

— Интересно, как долго он здесь пробудет? — размышляла Марти. — Наверное, ему не терпится вернуться обратно, но я слышала, что Ла Хэй останутся у родных и после Рождества. По-моему, так.

— Да, вроде, — пробормотала Элли.

— Мы должны позаботиться о нем, пока он здесь. Ведь у него нет семьи.

Марти начала вязать, а Элли продолжала заниматься кухонными делами.

— Было бы здорово, если бы он пришел на праздник в церкви на следующей неделе, — вслух размышляла Марти. — Пусть познакомится с молодежью. Наверное, он уже тысячу лет не общался с парнями своего возраста. А эти западные ковбой бывают довольно грубыми. Почему бы тебе не пригласить его, Элли?

— Мне? — изумленно пискнула Элли.

Марти удивленно вскинула голову.

— Ну, понимаешь, мама, я не привыкла сама приглашать куда-то парней, — возмущенно заявила Элли.

— Верно, — задумчиво протянула Марти, — я об этом не подумала. Нет, конечно, тебе не стоит этого делать. Ведь это будет выглядеть именно так. Просто я отношусь к Лейну как к члену семьи, вот и все. Надо попросить Арни...

— Арни пойдет с Анной.

— Конечно.

— Ну, — заявила Марти, явно не желая расставаться с этой идеей, — я что-нибудь придумаю. Вот если бы Люк приехал! Он бы позвал с собой Лейна.

Марти стала считать петли, а Элли поставила в печь пирог.

— А ты с кем пойдешь? — вдруг спросила Марти, и Элли покачала головой, не понимая, почему мать не желает оставить эту тему.

— Не уверена, что я вообще пойду, — честно ответила Элли.

Она думала о тех двух парнях, которые ее пригласили. Она отказала обоим. Девушка пожала плечами.

— Не хочется, — объяснила она.

— Я бы на твоём месте пошла, — настаивала Марти. — Тебе нужно больше развлекаться.

Элли была очень рада, когда мать наконец заговорила о других делах.

Когда мужчины вернулись из леса, ужин был уже готов. Лейн знал, что ему, пока не стемнело, следует идти домой и позаботиться о делах на ферме Ла Хэй, но он не мог упустить возможность побыть ещё немного в одной кухне с Элли. Он думал о ней весь день. Как она споро работала на кухне, как заботливо приготовила ему завтрак и завернула с собой обед, какие у нее искрящиеся глаза и задорная улыбка... Он не мог выкинуть ее из головы.

Элли накрывала на стол, и, когда она потянулась за пустой тарелкой, чтобы положить на нее печенье, совсем близко наклонилась к нему. Лейн боялся, что все за столом заметили, как это на него подействовало. Он быстро оглянулся по сторонам, но, судя по всему, никому не было до него дела. Возможно, заметила только Элли, но она ничего не сказала.

Лейн уехал намного позже, чем ему надо было, и намного раньше, чем ему хотелось. Ему ещё многое надо было сделать, главное — подоить коров. Он надеялся, что его медлительность не приведет к тому, что на ферме Ла Хэй начнется неразбериха. Больше он себе такого не позволит, думал Лейн. Он скажет Дэвисам, что после работы в лесу должен сразу ехать домой.

На следующее утро он встал раньше, чем обычно, усердно занялся делами и пообещал коровам, что им не придется ждать

до ночи, чтобы их подоили. По пути к Дэвисам он погонял лошадь, но старался не допустить, чтобы она устала. Лейн прекрасно умел заботиться о лошадях.

Элли опять встретила его у двери, и когда Лейн вошел в кухню, то удивился, увидев, что стол накрыт. Элли указала ему на стул и предложила сесть. Затем повернулась к горячей сковородке, которая стояла на большой кухонной плите: Элли жарила блины. От аппетитного запаха у Лейна потекли слюнки.

Элли не наливала ему кофе, пока не поставила перед ним целую кипу блинов.

— Ты решила позаботиться о том, чтобы кофе не остыл? — мягко поддразнил Лейн.

Даже если его слова удивили Элли, она и виду не подала.

— Ешь свой завтрак, — с напускной строгостью сказала она, показывая, что чувствует странное невидимое течение, которое их объединяет.

Затем она занялась бутербродами. Вскоре в кухню вошла Марти. Они обсудили погоду и приближающееся Рождество. Марти пригласила Лейна к ним на праздник, и он с радостью согласился.

Кларк принес из амбара ведро со свежим молоком.

— Ну, как, нравится работать на ферме? — шутливо обратился он к Лейну. — Что интереснее: доить коров или выжигать на них клейма?

Лейн широко улыбнулся:

— Наверное, я единственный ковбой, который готов признаться, что не возражает против того, чтобы доить коров.

Кларк рассмеялся:

— И я не возражаю. Мне это даже нравится. Кстати, у меня появилась идея, — продолжал Кларк. — Раз ты выполняешь мою работу, то, может, я займусь твоей?

Лейн удивился.

— Ну, если бы тебе не нужно было спешить на ферму, чтобы заняться делами, то вы бы могли срубить больше деревьев. Я готов выполнять вечернюю работу, чтобы ты оставался с нами ужинать и не думал о том, что тебе пора во весь опор лететь домой.

— Ох, нет. Я как раз собирался сказать вам, что не могу остаться на ужин. Как только мы закончим рубить лес, я сразу поеду на ферму. В таком случае будет не слишком поздно, чтобы...

— Ерунда, — возразил Кларк. — Я целый день лентяйничая. Я могу заняться хозяйством дома, а потом, еще до наступления темноты, — на ферме Ла Хэй.

— Нет, так нехорошо...

— По-другому не будет. Я не допущу, чтобы ты целый день валил лес, а потом спешил домой готовить ужин и в темноте работать на ферме.

Лейн почувствовал, что спорить бесполезно. Он прикидывал, слышит ли их разговор Элли, и если да, то что она о нем думает.

— Я очень ценю ваше предложение, — согласился Лейн и решил, что будет с удвоенной силой рубить лес.

Глава тринадцатая

МАРТИ НАЗНАЧАЕТ СВИДАНИЕ

На ужин в тот день подали курицу и клецки. Лейну казалось, что он в жизни не ел ничего вкуснее.

Элли заколола волосы наверх, но ее лицо обрамляли выбившиеся кудряшки, а щеки горели оттого, что она долго работала у плиты. Арни хотел поскорее доесть, чтобы встретиться с Анной, а Клэр сразу отправился домой к Кейт. После еды Элли прогнала домашних в гостиную, где стоял большой камин. Кларк и Марти быстро поднялись со своих мест, и Лейн неохотно последовал за ними. Несколько минут он разговаривал с Кларком, больше думая об Элли, убиравшей со стола, чем о собственных ответах.

Когда Марти заговорила о чем-то с мужем, Лейн воспользовался удобным моментом и проскользнул обратно в кухню.

— Давай я буду вытирать посуду? — тихо попросил он, и Элли удивленно взглянула на него.

— Я думала, у тебя и так руки устали после того, как ты весь день махал топором, — ответила она.

— Наверное, вытирая тарелки, я буду тренировать другие мускулы.

— Ну что ж, я согласна, — с улыбкой сказала Элли.

У Лейна подпрыгнуло сердце. Она передала ему полотенце и показала, куда ставить посуду. Она завела с ним разговор, остроумно обсуждая общие темы. Они быстро упрямились. Лейн повесил полотенце.

— А как поживает твой щенок? — спросил он.

Элли удивилась, но потом вспомнила их первую встречу, когда Лейн приехал на ферму.

— Он так быстро растет! — похвасталась она. — Папа уже отдал двух его братьев.

— Но не твоего любимца?

— Пока нет. Но собирается. У нас много собак. Я это знаю. Мы не можем держать их всех. Скоро ферма будет кишмя кишеть псами.

Элли повернулась, чтобы сложить тарелки в шкаф.

— Ты расстроилась? — спросил Лейн.

— Пожалуй, — с трудом улыбнулась Элли, — ну ничего, привыкну.

— Кто-нибудь уже просил этого щенка?

— Я придумала одну хитрость, — робко объяснила Элли. — Каждый раз, когда кто-то приходит за щенками, я его прячу.

Она хитрила, словно маленькая девочка.

— Только никому не говори, — быстро предупредила она, и они дружно рассмеялись.

— И как долго, по-твоему, ты сможешь его скрывать? — спросил Лейн, когда они остановились.

— Пока он не останется один, — грустно ответила Элли. — Вот отдадим еще одного, и мне с ним придется расстаться.

— Кстати, у Ла Хэй нет собак, — спокойно заметил Лейн.

— Да, ты говорил. Не представляю, как они живут на ферме без собаки.

— У меня никогда не было собаки.

— Никогда? — поразилась Элли. Она едва верила, что человек способен обойтись без верного друга.

— Никогда!

— А тебе они нравятся?

— Я их обожаю! — Лейн передал Элли стопку тарелок, и она поставила их в шкаф. — Особенно мне понравился твой баловень. Я подумал: раз тебе все равно нужно его отдавать, ты не возражаешь, если я его заберу?

Элли округлила глаза:

— Нет... Если ты будешь хорошо к нему относиться.

— Я буду его любить, правда!

— Он прекрасный пес! — восторженно заметила Элли, — и будет очень умным. Это видно по глазам. Кроме того, у него породистые родители и...

— Эй! — перебил ее Лейн. — Тебе необязательно его расхваливать, чтобы продать. Я уже выразил желание купить этого щенка.

Элли улыбнулась:

— Когда ты его забереешь?

— Ну, не знаю. Ведь меня целый день не бывает дома. Можно попросить тебя подержать его недолго? До тех пор, пока мы не закончим рубить лес. Тогда я смогу сидеть с ним дома. Понимаешь, будет нехорошо, если я заберу его у матери и оставлю совсем одного.

Элли улыбнулась еще шире.

— Я поговорю с па, — пообещала она.

Лейн пошел в гостиную: они закончили мыть посуду, и у него больше не было причины оставаться на кухне. Но Элли неожиданно окликнула его, и он быстро повернулся, остановившись на полдороге.

— Спасибо! — нежно сказала девушка.

Лейн раздумывал о том, как долго он может оставаться у Дэвисов, чтобы его не сочли надоедливым. Кларк предложил сыграть в шахматы, и Лейн удивился тому, что хорошо играет, несмотря на то, что Элли сидела в той же комнате, что и он. Она шила детское одеяльце. Марти вязала крошечный свитер, но он почти не замечал ее, пока она вдруг не заговорила:

— На следующей неделе местная молодежь собирается на праздник в церкви, — заметила она. — Не хотел бы ты пойти туда и познакомиться с ровесниками, раз уж ты останешься здесь на некоторое время?

— Было бы здорово, — рассеянно ответил Лейн и убрал фигуру, чтобы ей не завладел Кларк.

— Туда придут Арни и Анна, — продолжила Марти, — но больше ты, наверное, никого не знаешь.

— Пожалуй, нет, — согласился Лейн.

— Вот я и подумала: почему бы тебе не отвезти туда Элли? Она покажет дорогу и познакомит с другими молодыми людьми.

Лейн подвинул ферзя прямо к одной из пешек Кларка и спокойно сказал:

— Судовольствием.

Они продолжали играть. Лейн был полностью разгромлен. Начиная с того хода он совершенно забыл об игре и не смел взглянуть на Элли. Он слышал, как она ахнула и удивленно прошептала: «Мама», — и удивился, что она не стала открыто возражать против предложения матери. Может, она вежливо откажет ему потом? Наверняка у нее уже назначено свидание на этот вечер... Лейн боялся этого. Кларк поднялся, чтобы спрятать шахматную доску, а Марти ритмично позвякивала вязальными спицами. Лейн встал, собираясь уходить, и, хотя Марти возражала, он несколько раз поблагодарил их и уверил, что ему пора идти. Тогда Марти попросила дочь проводить гостя.

Элли послушно отложила в сторону шитье.

Они молча вышли из комнаты на кухню. Лейн снял с крючка тяжелую куртку и продел руки в рукава. Потом достал перчатки и потянулся за шляпой. Элли так ничего и не сказала.

— Это не ты предложила, верно? — мягко спросил он.

— Нет, — ответила Элли, не глядя ему в глаза.

— Ничего страшного. Я понимаю.

Элли наконец взглянула на него.

— Ты что, против? — откровенно спросила она.

Лейн пристально посмотрел на нее.

— Это честь для меня, — заявил он.

— Тогда ничего страшного, — просто сказала Элли.

Лейн вышел из дома, забыв надеть шляпу. Его сердце пело.

Вечером, когда должен был состояться праздник, Лейн вернулся из леса довольно рано, потому что Арни хотел как следует подготовиться к встрече с Анной. Клэр добродушно подшучивал над ним, но Арни тут же напомнил ему, как он сам вел себя, ухаживая за Кейт.

Лейн не остался на ужин, заранее предупредив Марти, чтобы его не ждали. Он поспешил домой, думая о том, что ему следует принять теплую ванну и побриться. Ему было сложно решить, что надеть, но в конце концов он решил облачиться в лучший костюм. Лейн едва верил своей удаче: неужели он в самом деле будет сопровождать сегодня Элли? Он даже не понимал, как это вышло и почему девушка ему не отказала.

Элли быстро помыла тарелки, которые остались после ужина, и побежала в свою комнату. Марти поднялась наверх, чтобы посмотреть, почему она задерживается, и вернулась, покачивая головой. Она сказала Кларку:

— Никогда не видела, чтобы Элли так суетилась. Сначала она приняла ванну, а потом перемерила несколько платьев.

— Все девушки волнуются, когда идут на встречу с молодым человеком, — ответил Кларк.

— Ты имеешь в виду Лейна? — Марти удивленно повернула к мужу голову. — Но он же все равно что родственник.

— Так оно и есть, — согласился Кларк.

Лейн явился заранее, и, когда он взглянул на сияющую Элли, у него радостно забило сердце. Она была не просто хорошенькой, а очаровательной. Они подошли к саням, он помог ей забраться в них и заботливо подоткнул одеяло, чтобы укрыть от холодного зимнего ветра.

По пути к церкви они болтали. Когда они проезжали мимо соседских ферм, Элли рассказывала Лейну о людях, которые там живут.

Они прибыли на место, и Лейн помог девушке спуститься и привязал коней рядом с нетерпеливо переминающимися с ноги на ногу лошадьми других молодых людей. Он заметил упряжку гнедых, которой правил Арни, и, проходя мимо, погладил одну из них по широкому крупу.

Он вошел в церковь и увидел Элли у входа. Она показала ему, куда повесить пальто и шляпу, и стала знакомить с ровесниками.

Молодые люди дружелюбно отнеслись к Лейну. Они весело провели время. Вечер пролетел быстро, и Лейн, не привыкший к подобным встречам, был удивлен тем, как здорово они развлекаются.

Настала пора возвращаться домой. Когда Лейн подал пальто Элли, он почувствовал, что несколько человек наблюдают за ним. Он знал, что соседские парни очень завидуют ему. Он заметил это по их взглядам и грубоватым повадкам.

И потому еще больше гордился тем, что сопровождает самую красивую девушку.

На обратном пути Лейн не стал погонять лошадей. Если Элли и поняла это, то ничего не сказала. Напротив, она говорила о торжестве, людях, которых они там встретили, спрашивала, понравился ли ему вечер. Лейн наклонился, чтобы подоткнуть вокруг нее одеяло. Всем сердцем он хотел ее обнять, но робко убрал руку.

— Что ты думаешь о наших местах? — спросила Элли, меняя тему.

— Они не похожи на те места, где живу я, — ответил он, — но мне здесь нравится.

— Ты скучаешь по Западу?

— Не так сильно, как я думал раньше, — честно ответил он.

— Но ты будешь рад вернуться?

Лейн подумал об открытых просторах, далеких горах, ночных криках койотов, ветре, который дует в лицо, и сказал:

— Пожалуй, да.

— Кажется, Мисси тоже полюбила Запад, — заметила Элли, поднимая глаза на необъятное усыпанное звездами небо.

— Я тоже так думаю, — согласился Лейн.

— Давно я не видела Мисси...

— Она часто о тебе рассказывала, — заверил Лейн и задумался о том, какой Мисси описывала младшую сестренку. Интересно, что бы она сказала, увидев ее сейчас?

— Я до сих пор скучаю по ней. У меня чудесная старшая сестра.

— А почему бы тебе не приехать и не повидать ее?

Вместе со мной, хотел он добавить, но осекся.

Элли тихо рассмеялась:

— Иногда мне кажется, что мама не хочет отпускать меня на Запад. Похоже, она боится, что я оттуда не вернусь.

— Думаешь, тебе там понравится?

Элли вздохнула:

— Иногда у меня такое чувство, что мне бы везде понравилось, если бы... — но она не закончила.

— Если бы что? — заинтересовался Лейн.

— Ну, — здраво рассудила Элли, — в любом случае, сейчас не имеет смысла об этом думать. Скоро родится ребенок, и мама нуждается в том, чтобы я помогала ей по дому. Может, скоро Мисси приедет к нам погостить. Я так хочу увидеть ее и детишек, конечно.

У Лейна упало сердце. На что она намекала? На то, что в ее будущей жизни ему не найдется места? В ней нуждается мать. Лейна восхищала нежная предупредительность Элли. Она права. Сейчас Марти без нее не обойтись. Но наверняка Элли не планирует провести остаток жизни на кухне матери, никогда не задумываясь о том, чтобы завести собственную. Он хотел спросить ее об этом, рассказать о своих мыслях, но девушка указала на падающую звезду и заговорила о другом. Лейн прикрикнул на лошадей. Вдруг ему показалось, что стало намного холоднее.

Глава четырнадцатая

РОЖДЕСТВО

Мысль о том, что приближается Рождество, переполнила Марти волнением. Она с нетерпением ждала свадьбы Арни. Но больше всего ее радовало то, что скоро домой вернется Люк. Ах, как она по нему скучала! Его письма приходили слишком редко и заставляли ее тосковать по младшему сыну.

Она испекла любимые пироги Люка, хлопотливо убрала комнату, позаботилась о том, чтобы в доме была его любимая еда. И хотя все было готово, она по-прежнему старалась придумать, что еще можно сделать в честь его возвращения.

— Не пора ли тебе посидеть и отдохнуть? — спросил Кларк. — Ты совсем выбьешься из сил. Ведь сын хочет увидеть *тебя*, а не дом и кладовую.

Марти знала, что Кларк прав, и старалась сдержаться. Но это было ужасно тяжело.

В день возвращения Люка ее постигло разочарование. Она собиралась поехать в город, чтобы встретить дилижанс, но день выдался необычно холодным, и к тому же дул сильный ветер. Кларк твердо настоял на том, чтобы она осталась дома у камина и позволила им доставить ей сына.

Марти понимала, что спорить бесполезно. Но как она негодовала и горячилась! Наконец она согласилась, но заставила Кларка и Арни пообещать, что на обратном пути они изо всех сил будут гнать лошадей. Кларк согласился и уехал заранее, чтобы успеть сделать покупки и отправиться домой, как только встретит Люка и погрузит в повозку его багаж.

Марти казалось, что время тянется ужасно медленно. Она расхаживала взад-вперед у окна, и Элли, глядя на мать, только покачивала головой.

— На полу отметины останутся, — смеялась она.

Но по ее тону было ясно, что она вполне понимает мать.

Наконец залаяли собаки, приветствуя упряжку лошадей, и Марти побежала к двери, чтобы обнять Люка.

Сначала ей показалось, что за несколько месяцев, когда его не было дома, он мало изменился. Он не стал выше и не похудел. Его улыбка была такой же широкой, как раньше, а объятия — такими же крепкими. Только после того, как они провели вместе некоторое время, Марти стала замечать небольшие изменения. Люк больше не был ее «малышом». Он превращался в независимого мужчину. Эта мысль опечалила ее, и в то же время она гордилась сыном. Марти показалось, что и Люк стал смотреть на нее по-другому. Он всегда был чутким, заботливым сыном. А теперь он внимательно взирал

на нее, как опытный врач. Да, конечно, Люку придется еще немало потрудиться, чтобы стать профессионалом, но, несомненно, теперь он воспринимал мир сквозь призму медицины.

Работу в лесу было решено возобновить после Рождества и свадьбы Арни. Сейчас все слишком заняты. Лейн расстроился из-за того, что на целую неделю лишился предлога появляться у Дэвисов дома, но Марти считала его членом семьи и всегда находила повод пригласить в гости.

Лейн помог Элли поставить и нарядить елку в большой семейной гостиной. «Мальчики занимаются другими делами, — сказала ему Марти, — а Элли одной не справиться». Лейн рад был помочь. Вечер доставил ему огромную радость. Элли была в прекрасном настроении, и Лейн с удовольствием прислушивался к ее веселой болтовне и серебристому смеху. *«Интересно, хотел бы я много лет подряд наряжать с ней елку в будущем?»* — спросил он себя и сразу же ответил утвердительно.

Накануне Рождества в доме собралось множество людей. Дети бегали по дому, смеялись, визжали и радостно вскрикивали, когда находили еще один рождественский сюрприз. Мужчины собрались у открытого огня; они жарили орехи, рассказывали анекдоты, весело смеялись и добродушно хлопывали друг друга по спине. Женщины сутились на кухне, помешивая, пробуя и добавляя пряности в огромные кастрюли, от которых по всему дому разносились восхитительные запахи. Лейн не помнил, когда ему случалось принимать участие в подобном торжестве. Он восхищенно впитывал

каждую минуту праздника. Родные получили подарки, висевшие на елке, и Лейна также не забыли. Теплая шапка, которую связала Марти, согреет ему голову во время холодных зимних дней в лесу.

Наконец все уселись за огромный стол. Весело болтавшие дети замолчали, хохотававшие мужчины стали серьезными, а суетившиеся женщины отложили передники и благоговейно сложили руки на коленях. Кларк, как и на всех предыдущих семейных праздниках, взял семейную Библию и прочитал отрывок, в котором говорится о рождении Христа. Затем он произнес молитву, назвав всех отсутствующих по именам: Вилли, Мисси и их детей, Клэ, Джо и их малышей. Кларк поблагодарил Бога за то, что Люк смог приехать домой. Он помолился о новых членах семьи, тех, кого они еще не знают, попросил Бога благословить матерей, которые носят их под сердцем, и сделать жизнь малышей счастливой. Также он просил Бога благословить Арни и Анну, сидевших за семейным столом, — ведь скоро у них появится собственный дом! Кларк помолился за Джоша, Нандри и каждого из их детей. Также он вознес хвалу за то, что Бог привел к ним Лейна, потому что дружба с ним много значила для их семьи. Вспомнил он и о семье Грэхам и об их первом скорбном Рождестве без мужа и отца семейства. Наконец он заговорил о Марти, помогавшей ему долгие годы. Кларк поблагодарил Бога за то, что ее здоровье поправилось, и просил Его подарить им мудрость и указать правильное направление, когда они поведут за собой маленького человека, которым Он благословил их семейство.

Это была долгая молитва. Кларк говорил искренне. Даже малыши притихли: ведь дедушка разговаривал с Богом!

А когда родные приступили к еде, напротив, стало очень шумно. Они так громко болтали и смеялись, что едва ли можно было расслышать собственные мысли! Лейн украдкой бросил взгляд на Элли. С разругавшимися щеками, золотистыми локонами, обрамляющими лицо, и сияющими от счастья глазами она отвечала на шутку Клэра. Лейн не слышал, что она сказала, но, судя по выражению лица Клэра, Элли за словом в карман не лезла. Клэр удивленно выслушал ее быстрый ответ, а потом засмеялся и громко воскликнул:

— Ну что ж, сестренка, ты положила меня на лопатки!

Детям позволили выйти из-за стола и поиграть, а взрослые решили выпить еще по чашке кофе. Разговоры стали более спокойными.

Кларк откинулся на спинку кресла и посмотрел на младшего сына:

— Ты неплохо выглядишь, парень. Похоже, они хорошо о тебе заботятся.

— Уистлеры? Да, они обо мне заботятся, это точно. Тетушка Минди суетится еще больше, чем мама. — Люк с улыбкой посмотрел на Марти.

— Тебе нравится учеба?

— Очень. Каждый день узнаю что-то новое.

— Например?

— Ты не поверишь, на что способна современная медицина, в частности, в хирургии. Я пока взглянул одним глазком, но передо мной открывается целый мир. Через несколько лет

благодаря новым знаниям мы сможем вылечить почти любого человека, если с ним что-то случится.

— Эх, надо было мне родиться на несколько лет позже! — с шутливым отчаянием протянул Кларк. Сидящие за столом расхохотались.

— Нет, серьезно, па, — сказал Люк. — Если бы ты только видел, какие проекты протезов они создают!

— Проекты тут не помогут, — ответил Кларк, и сыновья опять рассмеялись.

Но, кажется, смех не способен был разрушить восхищение медициной, которое испытывал Люк. Он стал объяснять, каких успехов им удалось добиться в изготовлении протезов. Вскоре он опустил перед Кларком на колени и, показывая на деревяшку со спрятанной культей, спокойно объяснял собравшимся родственникам, как вскоре улучшат ее конструкцию.

— Ты забудешь о том, что тебе отрезали ногу! — воскликнул Люк. — Я сказал доктору Бушу, что ты одним из первых испытаешь его протез. Я хочу, чтобы он у тебя был, па!

Нандри вышла из-за стола. Марти решила, что она идет проведать детей. Но когда они закончили обедать и убрали со стола, она так и не вернулась. Днем они играли в разные игры, жарили орехи и ходили в гости.

— Помнишь Рождество у Мисси, когда мы пели рождественские гимны? — спросила у Лейна Марти.

Он кивнул. Да, он прекрасно это помнил.

— Генри играл на гитаре, — продолжала Марти и вдруг спохватилась: — А ведь ты тоже умеешь играть на гитаре!

— Это правда? — заинтересованно спросил Арни.
— Немного, — ответил Лейн.
— Я всегда хотел научиться, — продолжал Арни.
— Генри мне показал. Боюсь, я не очень талантливый ученик, но кое-как брэнчать научился.
— А ты взял с собой гитару? — робко спросила Элли.
— Она в доме Ла Хэй, — ответил Лейн.
— Я бы хотела как-нибудь послушать, как ты играешь.
Кажется, только Лейн и Элли чувствовали, что между ними возникла невидимая связь. Никто из членов семьи не подозревал, что он неотрывно следил за тем, как она движется по комнате, а ее щеки розовели, когда она замечала, что он на нее смотрит. Самые простые слова, которые произносила Элли, казались ему полными глубокого смысла. Они были похожи на вопрос, а глаза таили в себе обещание, хотя она не произносила ни слова.

Вернулась Нандри. Марти не знала, где она была. Возможно, ей нездоровилось. Марти надеялась, что болезнь не помешает ей присутствовать на свадьбе Арни. Нандри хлопотала, как и раньше: не спускала с детей глаз и стряпала на кухне.

Стоял ясный солнечный день, но воздух был холодным. Дети упрашивали отпустить их поиграть на улице, но Нандри ответила, что там гораздо холоднее, чем кажется. Так что прогулка подождет.

Лейну тоже хотелось выйти на улицу. Он мечтал остаться наедине с Элли, потому что накануне съездил в соседний городок и купил в тамошнем магазине медальон, но не стал

дарить его Элли, когда все обменивались подарками. Лейн собирался сделать это вдали от чужих глаз. Но когда и где он смог бы найти укромное местечко в тот день, если вся семья собралась вместе? Он искал в себе решимость пригласить ее на прогулку, но не смел. Скоро день сменит вечер, а он так и не нашел возможности поговорить с ней. Но Элли, сама того не понимая, подарила ему возможность, о которой он мечтал.

— Я хочу отнести Леди и твоему щенку немного еды в амбар, — сказала она. — Хочешь на него посмотреть?

Лейн вскочил со стула. Наверное, все решили, что он без ума от этого щенка.

— Лучше надень пальто. На улице холодно, — предупредила у двери Элли, потому что Лейн настолько увлекся, что чуть не вышел из дома в рубашке с короткими рукавами.

Он слегка покраснел и надел пальто. Элли уже собралась и была готова идти.

— Ты очень удивишься, когда увидишь, как он вырос! — сказала Элли, когда они подходили к амбару.

Девушка распахнула дверь, и два щенка налетели на нее, облизывая и тявкая. Леди с материнской гордостью смотрела на них со стороны. Элли со смехом пыталась их успокоить.

— Ах вы, шалунишки! — воскликнула она и велела им сидеть тихо, пока она выложит в их кормушку мясо индейки, подливку и соус. — Они это обожают, — объяснила Элли, наблюдая за тем, как собаки жадно накинулись на то, что она принесла. — Па говорит, что я их балую.

Щенок действительно вырос. У него была курчавая шерстка и большие отвислые уши, и он ужасно нравился Лейну.

Мысленно он представлял, как прекрасная девушка ласкает маленького щенка. Он наклонился и поднял его, прижимая к груди извивающееся тельце и поглаживая мягкую шерстку. Элли подошла ближе и тоже дотронулась до щенка.

— У него еще нет клички, — сказала она. — Ты что-нибудь выбрал?

— Может, ты его назовешь? — спросил Лейн.

— Я? Но это же твоя собака.

— Я бы хотел, чтобы это сделала ты, — настаивал Лейн, не отводя от нее глаз.

Элли перестала гладить щенка и отступила назад.

— Не знаю, — ответила она. — Я об этом не думала.

— Как бы ты его назвала, если бы он остался у тебя? Уверен, ты уже выбрала необычное имя.

Элли, улыбаясь, призналась, что это так.

— Ну же! — подбодрил ее Лейн. — Скажи мне.

— Вряд ли тебе понравится эта глупая кличка. Она не очень подходит для собаки, которая принадлежит мужчине.

— Почему? А какая кличка подходит собаке мужчины?

— Ну, Мясник. Или Злючка. Или Ол Боб. Мы часто называем так наших псов. У нас был один Ол Боб, а когда появился щенок, Арни его тоже так назвал. Мама мне рассказывала.

— Не думаю, что мне по вкусу эта кличка, — сказал Лейн. — Или Мясник и Злючка. Ведь это особенный пес, и у него должно быть особенное имя.

Он взглянул на Элли, побуждая ее назвать кличку, которую она выбрала для щенка. Но девушка колебалась.

— Пожалуйста! — попросил он.

— Ты будешь смеяться!

— Никогда!

Элли засмеялась:

— Ну, может, ты и не расхохочешься, ведь ты такой вежливый, но тебе наверняка захочется это сделать.

— Посмеяться очень полезно, — парировал Лейн, и Элли хихикнула, показывая, что она с ним согласна.

— Ладно, — сдалась она. — Можешь смеяться сколько угодно. Я бы назвала его Ромео.

— Ромео? — И Лейн захохотал.

Элли поддержала его. Когда они перестали хвататься за бока, Элли серьезно добавила:

— А почему бы нам не назвать его Рекс?

— Рекс. Знаешь, мне нравится. Хотя, конечно, это звучит не так почетно, как Ромео.

Они опять рассмеялись.

— Пообещай, что не будешь меня дразнить! — попросила Элли.

— Дразнить?

— Насчет Ромео.

— Обещаю, — заверил Лейн. — Возможно, я и сам пару раз назову его так, когда мы останемся наедине. — И он положил щенка обратно к матери.

Элли взяла кастрюлю и повернулась, чтобы идти в дом, но Лейн остановил ее.

В ответ на ее вопросительный взгляд он полез в карман и достал сверток.

— Не знал, когда его тебе подарить, — робко объяснил он. — Мне не хотелось класть его под елку вместе с остальными подарками. Это мой тебе рождественский подарок.

Элли молчала. Лейн передал ей сверток, она взяла его и смущенно потупилась.

— Открывай! — подсказал Лейн, и Элли дрожащими пальцами развернула сверток.

Она подняла изысканный медальон, и в ее глазах показались слезы.

— О Лейн, он такой красивый! — прошептала она, и слезы брызнули из глаз. — Но я не могу это принять.

Лейн разволновался:

— Хочешь сказать... Я так надеялся... мечтал... а этого не будет?

Элли молчала. По ее щекам текли слезы, а пальцы нежно поглаживали медальон.

— Я тебе не нравлюсь? — спросил Лейн.

— Я никогда так не говорила... — всхлипнула девушка.

— Значит, тебе нравится другой парень.

— Нет! — с негодованием отрезала Элли.

— Тогда я не понимаю...

— Мама... Она нуждается во мне...

— Знаю, — нежно сказал Лейн и взял Элли за руки. — Я подожду. Я не собирался забирать тебя прямо сейчас. Ждать осталось недолго...

— Нет, ты не понимаешь! — воскликнула Элли. — Маму это убьет. Она так сильно скучает по Клэ и Мисси. У нее

разобьется сердце, если еще одна дочь так далеко уедет от нее. Разве ты не видишь?

— Но наверняка...

— Нет, — сказала Элли, качая головой. — Я не могу поступить так с мамой. Не могу.

Она вложила медальон в руку Лейна и выбежала из амбара, оставив там кастрюлю.

Силы оставили Лейна. Он ее любит. А когда понял, что может потерять, то осознал, насколько глубоко его чувство. Он посмотрел на медальон в открытой ладони, и ему захотелось заплакать. Может, слезы принесут ему облегчение? Но он не стал плакать. Вместо этого Лейн упал на солому и потянулся за щенком. Прижавшись лицом к мягкой шерстке, он вспомнил, с каким лицом Элли смотрела на щенка.

— Ах, Ромео! — простонал он. — Не знаю, как буду жить без нее. Боюсь, ты будешь плохой заменой.

Прошло много времени, прежде чем Лейн взял себя в руки и был готов вернуться в дом.

В день свадьбы Арни погода выдалась не очень удачной. Дул сильный ветер, клубился легкий снежок. Кларк заботливо подоткнул одеяло вокруг сидящей на санях Марти, и они направились в церковь. Все остальные уже уехали, а Марти переживала из-за последних приготовлений.

— Элли обо всем позаботилась, — успокаивал ее Кларк. — Тебе не о чем беспокоиться. Свадебный ужин пройдет достойно.

Марти знала, что он прав. Вместе с Элли она работала на кухне, чтобы подготовиться к празднику. Но вскоре домашние

переполошились, и будущий врач нежно, но твердо настоял на том, чтобы она легла в постель.

— Ты и так много времени простояла на ногах, — уговаривал ее Люк. — Я сам помогу Элли.

Теперь все члены семьи были в церкви; они делали последние приготовления к свадьбе и ждали, когда священник подаст знак, показывая, что наступил долгожданный час.

Кларк не стал гнать лошадей. Им не нравился холод, и они хотели как можно быстрее добраться до места, а потому, с облегчением заметила Марти, бежали довольно быстро. Она прижимала к лицу одеяло, чтобы не обморозить щеки.

В церковном дворе стояли другие упряжки лошадей, принадлежащие родственникам и друзьям. Кларк подогнал лошадей как можно ближе к ступенькам и помог Марти сойти с саней. Люк поджидал их; он снял с нее пальто и повесил его на крючок. Ее посадили на место, предназначенное для матери жениха, и уже через несколько мгновений Кларк присоединился к ней.

Родственники молодоженов занимали места в передней части церкви. Марти никогда не видела Арни таким счастливым. Анна также светилась от радости. Элли казалась немного бледной и напряженной, и Марти укорила себя: девочка слишком много работает! Она проследит за тем, чтобы Элли как следует отдохнула, когда волнительное событие закончится.

Церемония была прекрасна. Молодой пастор вел ее с торжественностью и теплотой, которые приличествуют свадьбе. Молодые обменялись клятвами перед лицом взволнованных родственников. Они смотрели друг на друга с таким

выражением, что было ясно: они искренне верят в то, что проносят их уста.

Марти с трудом сглотнула и заморгала, чтобы не заплакать. Еще один ее ребенок обзавелся собственной семьей. Вскоре ни одного не останется в большом доме, который построил Кларк. Легкий толчок под ребрами напомнил Марти о том, что их гнездо не опустеет; она улыбнулась сквозь слезы и опустила руку, чтобы потрогать то место, где почувствовала толчок ее будущего ребенка.

Глава пятнадцатая

К ОБЫЧНОЙ ЖИЗНИ

Люк опять вскарабкался в дилижанс и отправился на учебу. Марти вздохнула при мысли о том, что они опять прощаются, но в этот раз расставание прошло для нее легче, чем раньше.

Домашние вернулись к обычной жизни. Арни и его молодая жена поселились в маленьком домике, который он так усердно для них строил. День, когда Арни с последним тюком с вещами вышел из двери пристанища, где провел всю жизнь, был очень тяжелым для Марти, но, увидев широкую улыбку на его лице, она поняла, что так оно и должно быть. Арни не терпелось стать независимым. Эта мысль немного ее успокоила.

Глядя на то, как Люк и Арни уезжают из дому, она еще больше радовалась тому, что Эли останется с ней. Какое утешение, когда хотя бы один ребенок находится рядом

с родителями! Но она внимательно посмотрела в глаза дочери и поняла, что ее что-то гнетет. Она казалась бледной и изможденной. Она так тяжело работала! Ведь вся семья собралась в их доме на Рождество. Да еще ей нужно было готовиться к свадьбе Арни! Марти решила, что на некоторое время отстранит Элли от работы на кухне. Она слышала, как соседская молодежь говорила о том, что на пруду Миллера собираются устроить катание на коньках. Элли нужно отдохнуть. Пусть повеселится с молодыми людьми своего возраста.

Марти мысленно сделала заметку, решив при первой возможности что-то предпринять. Она не беспокоилась о том, кто поведет Элли на вечеринку. Да, старшие братья больше не могут сопровождать ее на праздники, ведь они больше не живут вместе, но это пустяки. Лейн с удовольствием возьмет их обязанности на себя. Он милый молодой человек, и они с Элли отлично ладят. Конечно, она будет скучать по братьям, но Лейн прекрасный компаньон. Можно сказать, он «приемный» старший брат.

Марти улыбнулась, подумав об этом. Она засунула детский свитер, который быстро приобретал форму под ее проворными спицами, обратно в корзину и отправилась на кухню. Она услышала, как залаяла собака. Должно быть, парни возвращаются из леса. Сегодня они впервые вышли на работу после свадьбы Арни. Она надеялась, что сын зайдет в дом, чтобы поговорить с ней немного, прежде чем поспешить к заждавшейся жене.

Элли деловито вертелась у большой плиты. Она помешивала в кастрюле, в которой варилось аппетитное рагу. На

задней конфорке в сковороде лежало свежее печенье — пахло оно так же чудесно, как выглядело. Марти посмотрела на стол. Он был накрыт на четырех человек. Сначала Марти решила: Элли забыла о том, что Арни больше не будет с ними ужинать. Но потом она вспомнила про Лейна. Конечно же, он всегда оставался на ужин после целого дня в лесу. Она забыла об этом, потому что мужчины давно отправлялись вместе на работу. Марти опять улыбнулась, подумав о том, что ей представляется удобный случай сказать Лейну о вечеринке.

Марти разочарованно выслушала Кларка, который объяснил: Арни так не терпелось попасть домой, что он передал матери привет и извинился за то, что не зашел к ней поболтать. Арни пообещал, что они скоро увидятся, и попросил Кларка поцеловать мать за него.

Лейн зашел в дом, но он казался раздосадованным. Они виделись впервые после свадьбы Арни, и Марти думала, что они отлично поболтают. Однако Лейн вежливо отвечал на ее вопросы, но явно был не в том настроении, чтобы беседовать. То же можно было сказать и об Элли. Наверное, они оба устали после оживления и волнения, связанного с Рождеством, заключила Марти. Ну ничего, теперь все пойдет по старому.

Лейн нервничал, думая о том, что ему придется, как обычно, сесть за стол Дэвисов. Он не видел Элли после Рождества, не считая нескольких взглядов, брошенных на нее в день свадьбы Арни. Она была так занята, что ей некогда было

с ним разговаривать. Лейн считал, что им необходимо поговорить. Он настаивал на том, чтобы они закончили разговор, который состоялся, когда он преподносил Элли рождественский подарок.

Он обязательно даст ей понять, что никогда не заберет ее у матери, пока Марти в ней нуждается, и будет ждать, сколько потребуется, если Элли пообещает выйти за него замуж. Но как относиться к словам, которые она произнесла сквозь слезы: «Если еще один из нас уедет так далеко, маму это убьет»? Неужели Элли и правда так думает? Неужели Марти так тяжело это воспримет? Лейн должен знать. Ему нужно все выяснить. Конечно, в том случае, если Элли это важно, если он ей нравится. А что если он ошибается? Возможно, Элли вовсе не...

Марти перебила ход мыслей Лейна. Она спрашивала, много ли они нарубили дров. Лейн ответил. Он надеялся, что дал разумный ответ, и украдкой взглянул на Элли. Казалось, ее совершенно не волнует то, что он сидит напротив нее за столом. Она была поглощена тем, что разрезала кусок мяса.

— Элли сказала, ты хочешь забрать последнего щенка, — заговорил Кларк.

Лейн взглянул на Кларка и поковырял в тарелке вилкой.

— Верно, — наконец ответил он. — Я всегда мечтал иметь собаку, но у меня не было такой возможности.

— По-моему, ты выбрал хорошего щенка, — продолжил Кларк. — У нас отличные овчарки, а этот увалень — лучший в помете. Немного дрессировки, и он научится читать твои мысли, когда вы будете вместе пасти скот.

Лейн покраснел. Зачем ковбою дрессированная овчарка? Не будет же она загонять табун лошадей! Никто этого не заметил. Лейн зашаркал ногами и откашлялся.

— Да, сэр, — подтвердил он, — щенок выглядит умным, вы правы.

Элли поставила на стол яблочный пирог. Это любимый десерт Лейна, но сегодня вечером у него не было аппетита. Он едва проглотил кусочек, запив его второй чашкой кофе, и еще раз взглянул на Элли. Она казалась холодной и отчужденной.

Кларк отодвинул стул:

— Хочешь сыграть в шахматы?

Лейн с трудом собрался с мыслями:

— Нет... нет... пожалуй, нет. Не сегодня. Я должен идти домой...

— Но я все сделал, — напомнил ему Кларк. — Я уже съездил на ферму и закончил все дела. Тебе некуда спешить.

Но Лейн уже вскочил на ноги, собираясь уходить.

— Спасибо, — сказал он, — но мне все равно нужно идти домой. Праздники немного утомили меня, и к работе возвращаться нелегко. Я, пожалуй, поеду домой и немного посплю.

Лейн был рад, что Кларк не стал его удерживать. Он еще раз поблагодарил за ужин и повернулся, чтобы надеть пальто, которое висело на крючке.

— Да, что касается утомления после Рождества, — сказала Марти, подходя к Лейну, который надевал пальто, — я подумала, что Элли тоже не помешает отдохнуть от тяжелой работы. Я случайно услышала, как парни говорили о катании на коньках, которое в субботу устраивают на пруду Миллера.

Элли знает, где он находится. Не будешь ли ты так любезен, чтобы проводить ее туда?

Элли, повернувшись к ним спиной, наливала в раковину горячую воду.

— С удовольствием, — ровно ответил Лейн.

Марти улыбнулась.

— Нет, — отрезала Элли, даже не повернувшись, — нет.

Марти оглянулась на дочь. Улыбку на ее лице сменила тревога.

— Нет, — повторила Элли. — Я никуда не пойду.

— Почему? — в замешательстве спросила Марти. — Тебе следует чаще общаться со сверстниками. Ведь у тебя так редко выдается свободная минутка...

— Мама, разве ты не знаешь, насколько они *молоды*? — перебила ее Элли. — Мне там не место! Все девушки моего возраста давно уже замужем и заняты собственным хозяйством! Эти сверстники... Они просто *дети*! А я не ребенок и, кроме того, я не хочу идти... правда... — Элли опять отвернулась. — Давайте больше не будем об этом говорить.

Марти была поражена. Она беспомощно взглянула на Лейна и пожала плечами.

— Наверное, провожать ее не потребуется, — тихо сказала она и положила руку на плечо Лейна. — Но все равно спасибо.

Затем она подошла к шкафу.

— Вот, — предложила она, — возьми с собой свежего хлеба. Его пекла Элли. — Она быстро завернула буханку и передала ее Лейну.

Он в последний раз с тоской взглянул на Элли. Она, склонив голову, стояла у стойки с посудой. Возможно, ему показалось, но на ее щеке блеснула слеза. Впрочем, наверняка ему померещилось. Лейн пробормотал: «Спокойной ночи!» — и вышел.

Кларк проводил Лейна до конюшни, где стояла его лошадь. Молодой человек сказал, что это ни к чему, но Кларк настоял на своем. Он объяснил, что хочет проверить двери.

Когда Лейн подошел к лошади, он повернулся к Кларку: — Я подумал, — сказал он, — что мне пора плотнее заняться делами. Ведь Вилли прислал меня для того, чтобы я смотрел за фермой, и я чувствую себя виноватым из-за того, что взвалил это на вас. Скажите парням, что мы встретимся утром. Мне удобнее ездить от фермы Ла Хэй. А если я буду возвращаться туда сразу из леса, у меня останется полно времени, чтобы позаботиться о коровах.

Кларк понял, что Лейн твердо решил самостоятельно работать на ферме Ла Хэй. Он не знал, почему молодой человек принял такое решение, и отогнал эту мысль, поскольку причина его не касается. Он был уверен, что причина серьезная. Никто не упомянул о том, что в доме Дэвисов Лейна всегда ждал ужин.

— Конечно, — согласился Кларк, — раз ты так решил. Приходи, когда сможешь. Мы всегда рады тебя видеть.

Лейн попрощался с ним и уехал.

Кларк вернулся в теплую кухню. Элли деловито отскребала сковороду, а Марти расставляла чистые вытертые тарелки по полкам.

Кларк прислонил костыль к стене и, опираясь на одну ногу, стал снимать тяжелое пальто:

— Лейн не придет завтракать, — сказал он женщинам.

Обе подняли голову и посмотрели на него. Но только Марти задала простой вопрос:

— Почему? Что мешает Лейну позавтракать с нами?

— Он считает, что должен сам работать на ферме Ла Хэй.

— Возможно, — растерянно произнесла Марти, — но я не думаю, что кого-то волнует, кто именно там работает, пока все идет нормально.

Помолчав, она повесила чашки на крючки.

— Наверное, он неважно себя чувствует, — размышляла она. — Я заметила, что сегодня он ел без аппетита. Пожалуй, ему стоит несколько дней отдохнуть от рубки леса.

— Нет, он собирается работать в лесу, — объяснил Кларк, — но будет ездить туда от фермы Ла Хэй, вот и все.

Марти недоуменно взглянула на него. У нее осталось много вопросов. Затем она опять повернулась к шкафу:

— Ну что ж, мы увидимся с ним завтра вечером. Вероятно, он...

— Боюсь, что нет, — заметил Кларк. — Он сказал, что теперь после работы в лесу будет сразу уезжать домой, так что больше не станет с нами ужинать.

Марти поставила тарелки, которые держала в руках, и нахмурилась, положив руку на бедро.

— И как это понимать? — начала она, но Кларк остановил ее.

— Лейна прислали для того, чтобы он позаботился о ферме Ла Хэй, а не рубил дрова для Дэвисов. Видимо, ему неудобно

из-за того, что так получилось, вот и все. Мне нравится, что парень помнит о своем долге.

Марти, по-прежнему хмурясь, вновь занялась тарелками.

— Я не спору, — заметила она, а затем продолжила: — Но мы так радовались, когда он приходил в гости. Ведь Люк и Арни уехали. А теперь у меня как будто появился еще один сын, а у Элли — старший брат.

Элли резко повернулась. В ее округлившись глазах застыли слезы:

— Мама, прошу тебя! — взмолилась она и заплакала.

— Что такое? — взволнованно спросила Марти и с встревоженным лицом приблизилась к дочери.

— П-прости, — отходя назад, побормотала Элли. — Я не хотела... Я не имела в виду... — она небрежно вытерла слезы концом передника, — мне не нужен... мне не нужен еще один старший брат.

Сказав это, она выбежала из кухни. Глаза Марти выражали беспокойство.

— Я волнуюсь за нее, Кларк, — сказала она, медленно опустившись на стул. — Я никогда не видела Элли такой подавленной. Никогда бы не подумала, что она так тяжело воспримет прощание с Люком и Арни.

Кларк тоже не знал, как объяснить ее поведение.

Глава шестнадцатая

СЕКРЕТЫ

Марти стала пристально следить за Эли. Она по-прежнему казалась бледной и вялой, но занималась многочисленными домашними делами с такой же решимостью и энергией, как и раньше. Ее как будто лишили веселья, которое было ей свойственно, но Марти надеялась, что оно вернется, когда Эли привыкнет к тому, что осталась единственным ребенком в доме.

Похоже, ей не хватало пребывания на свежем воздухе. Такое впечатление, что Эли ищет предлог, чтобы выйти за тесные пределы кухни. Она всегда носила еду и воду для цыплят и даже настояла на том, чтобы ходить за водой к источнику, хотя Кларк никогда не ожидал, что этим будет заниматься кто-то из женщин. Но большую часть времени она проводила со щенком. Он уже подросток, и Эли

с удовольствием дрессировала его. Других развлечений у нее не было.

Когда Марти спрашивала, как идет обучение собаки, Элли всегда с энтузиазмом ей отвечала. Марти чувствовала, что Элли удастся сбросить с плеч тяжелую ношу, лишь когда она проводит время со щенком. *«Наверное, животное способно заставить позабыть о тоске по человеку, — решила она. Должно быть, Элли сильно скучает по Арни, — размышляла Марти, — потому что я не замечала за ней такого настроения перед Рождеством, а ведь тогда Люка тоже не было»*. Марти надеялась, что вскоре у нее появится возможность поговорить с Арни. Может, удастся уговорить его заходить почаще, чтобы перекинуться с сестрой парой слов? Так ей будет легче привыкнуть к его отсутствию.

Лейна они видели редко. Похоже, ему нравилась холостяцкая жизнь. По слухам, многие соседи, особенно те, у кого были дочки на выданье, с удовольствием приглашали его на обед или ужин. Дэвисы встречались с Лейном только на воскресных службах, но и тогда у него находились неотложные дела. Но Марти заметила, что он слегка похудел после приезда.

— Наверное, Лейн тоскует по Западу, — сказала она Кларку как-то вечером, когда они сидели у камина: Кларк с книгой, а Марти с шитьем.

Кларк поднял голову.

— Почему ты так думаешь? — спросил он.

— Ну, он какой-то невеселый. К тому же здорово осунулся. И... теперь он к нам почти не заходит, — неуверенно закончила она.

— Раз он к нам не заходит, значит, чувствует себя здесь как дома, а не наоборот, — возразил Кларк. — Насколько я слышал, он уже со всеми соседями перезнакомился.

— И все же он не выглядит счастливым, — настаивала Марти.

— Я бы хотел с тобой поспорить, — медленно произнес Кларк, — но я тоже об этом думал. Если ему так не терпится оказаться дома, то скоро его желание сбудется. Я слышал, Ла Хэй вернутся через пару недель. Ждать осталось недолго.

Элли тихо вышла из комнаты. Марти услышала, что она направилась на кухню. Судя по раздававшимся звукам, она зажгла фонарь и стала одеваться.

— Куда ты, дорогая? — позвала ее Марти. — На улице холодно.

— Хочу посмотреть, как там Леди и Ро... Рекс.

— Я позаботился о том, чтобы в амбаре было тепло и сухо, — крикнул Кларк. — И даже налил им побольше молока.

Если они ожидали, что Элли с облегчением вздохнет и повесит пальто на крючок, то их ждало разочарование.

— И все же пойду, посмотрю, — ответила она и закрыла за собой дверь.

— Как она беспокоится о собаках! — воскликнула Марти. — Надо же, не поленилась выйти вечером из дому, чтобы их проведать!

Кларк взял книгу, которую положил на колени, но не сразу вернулся к раскрытой странице. Он задумался, и на лбу у него

появилась морщинка. Что-то здесь не так, но он еще не догадался, в чем дело.

Элли быстро прошла к амбару. Раскачивающийся фонарь отбрасывал свет на покрытую сугробами ферму. На сердце у нее было тяжело. Она чувствовала, что в глазах застыли слезы. Она в самом деле полюбила Лейна. Может, это неразумно, но она не могла отказаться от этого чувства. Элли была уверена, что и она ему небезразлична. Его взгляды, слова и безмолвные сигналы, которые он ей посылал, — все говорило об этом. А медальон? Подарок от такого мужчины, как Лейн, означает признание в любви. Лейн не из тех, кто легкомысленно относится к подобным вещам. Они могли бы быть счастливы вместе, если бы только...

Но какой смысл об этом думать! Мать в ней нуждается. И не только сейчас, пока ребенок не появился на свет, но и в будущем. Марти страдала из-за того, что все ее дети уехали из родного дома. Сначала это сделала Мисси. Теперь она живет очень далеко. Марти даже сомневалась, что когда-нибудь ее увидит, обнимет детей, которыми Господь благословил ее дом, будет сидеть с ней на кухне, обмениваясь мыслями и переживаниями за чашкой чая. Затем уехала Клэ вместе с внучкой Марти и горячо любимым зятем. Недавно Клэ родила второго ребенка, а бабушка его еще даже не видела. Элли знала, как Марти хочется обнять Клэ, Джо и малышкой. Потом женился Клэр и поселился в собственном доме. Конечно, он живет недалеко, и Марти принимает деятельное участие в его жизни. Она ждет появления первенца Клэра и Кейт

ничуть не меньше, чем они сами. Элли задумалась. «Ну, не совсем!» — исправилась она и слабо улыбнулась: никто не мог радоваться будущему появлению малыша больше, чем Клэр и Кейт.

Затем Элли вспомнила об отъезде Люка. Мамин любимчик. Во всяком случае, он был им много-много лет, но это время подошло к концу. Элли видела, как матери тяжело прощаться с Люком. А вскоре после этого состоялась свадьба Арни. Ему не терпится быстрее оказаться дома, где его ждет Анна, и он редко заходит к ним даже для того, чтобы поздороваться. Элли любила Арни. Ей нравилось, что он так предан жене. Когда (если это будет) Элли выйдет замуж, ей бы хотелось, чтобы муж так же заботился о ней.

Она вновь вспомнила о Лейне, и по ее щекам побежали слезы. Она его любит. Ах, как она его любит! Она бы гордилась, став женой такого человека. Но она не может этого сделать, просто не может. Мать этого не выдержит. Она не переживет, если еще одна дочь уедет на Запад. Элли никогда так с ней не поступит.

Она, спотыкаясь, подошла с фонарем к двери амбара и услышала взволнованное тьяканье. Собаки уже поджидали ее. Элли вошла внутрь и заботливо повесила фонарь на крюк у двери, прежде чем ответить на их буйные ласки.

— Ох, Рекс! — всхлинула она, взяв подросткового Рекса на руки и прижимая к себе.

Кажется, щенок почувствовал, что хозяйка грустит, и, вместо того чтобы весело барахтаться, свернулся на ее руках и нежно облизывал мокрую от слез щеку. Он тихонько скулил.

— Ох, Рекс! — повторила Элли и залилась слезами. — Скоро он вернется домой. Он уедет на Запад, и, возможно, я никогда его не увижу. Никогда.

Она прижалась лицом к шерстке единственного друга, с которым могла поделиться своим горем, и плакала, пока не обессилела.

Лейн тоже измучился. Он вернулся домой из леса, переделал все дела и целый вечер бесцельно расхаживал по дому. Настроение было ужасное. Наконец он лег в постель, но тяжелые мысли не давали ему уснуть. Время летит быстро. Скоро ему придется возвращаться на ранчо Вилли. Когда он окажется на Западе, много миль и много дней будут отделять его от Элли. Как он переживет разлуку? Ах, лучше бы он никогда ее не видел. Тогда бы он не знал, как сильно она ему нужна, как сильно он ее любит. Она — та самая женщина, с которой он мечтал разделить свою жизнь. Мягкий характер, лучистые глаза, чуткость...

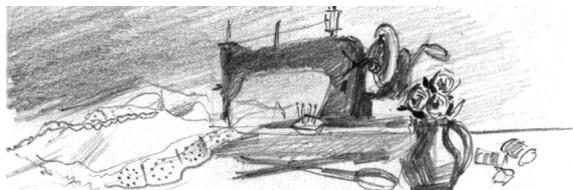
Лейн не сомневался, что они подходят друг другу, и даже надеялся и мечтал, что она тоже так думает. Как глупо! *«Нет, она тоже это чувствует, — спорил сам с собой Лейн, — уверен, она бы полюбила меня, если бы только...»* Ну вот, опять. Как бы Лейн ни мечтал, ситуация не изменится. Несправедливо просить Элли уехать с ним на Запад, ведь это причинит Марти ужасную боль. Нехорошо. Элли такая чувствительная! Она никогда не будет счастлива, зная, что ее мать страдает. Это невыносимо. Лейн понимал это, несмотря на то, что у него сильно болело сердце.

«Но посто́й, — сказал он себе, — кто сказал, что я обя-
зан возвращаться на Запад?» Он вполне может остаться
здесь. Работать на ферме или найти себе место в городе. Элли
не придется уезжать от матери. Ну да, точно! Они поселятся
на ферме, и он сможет показать Элли, как сильно он ее лю-
бит и мечтает провести с ней всю жизнь.

Он чуть с ума не сошел от волнения, так ему не терпелось
поговорить с Элли. Если бы не было так поздно, он бы не-
медленно поехал к ней. Но что подумают Дэвисы, если он
ворвется на ферму верхом на лошади, выкрикивая, что он на-
шел решение? Нет, он должен подождать. Но сможет ли он?
Да, потому что должен. Он при первой возможности отпра-
вится повидать Элли. Например, в субботу вечером. Кроме
того, он может и не ходить рубить дрова, чтобы раньше за-
кончить работать по хозяйству. Лейн почувствовал глубокое
облегчение, как будто ему удалось распутать сложное дело.
«Спасибо, Господи! — прошептал он. — Спасибо, что под-
сказал мне решение!» Лейн повернулся на бок и впервые после
Рождества спокойно уснул.

Глава семнадцатая

РАЗМЫШЛЕНИЯ И ПИСЬМА

Медленно тянулись дни снежного января. Марти закончила приготовления к появлению на свет ребенка. Теперь она с нетерпением ждала родов. Двенадцатого января она встала и посмотрела на календарь на стене. *«Нет, месяц уже должен подойти к концу!»* — сказала она себе. Но уввы. Цифры написаны черным по белому. Еще всего лишь двенадцатое января. Марти беспокойно расхаживала по дому в поисках какого-нибудь занятия. Ничто не вызывало у нее интереса и не казалось достойным того, чтобы потратить на него время. Она подошла к окну и посмотрела на снег, который мягко ложился на землю. Когда же он перестанет идти? У нее было такое чувство, словно она много месяцев подряд смотрит на сугробы. Со вздохом отвернувшись от окна, она опять посмотрела на календарь. Сколько недель еще ждать?

Наверное, Элли заметила беспокойство Марти и потому сказала:

— Почему бы тебе не сходить к Кейт? Пусть угостит тебя кофе. Наверняка она также не находит себе места, как ты.

Марти удивленно повернулась к Элли:

— Прости, — извинилась она. — Я чудачка, верно? Не помню, чтобы я так нетерпеливо ждала появления ребенка на свет.

— Ты была занята воспитанием других детей, домашними хлопотами, стиркой, стряпней...

Марти веселым смехом прервала рассуждения Элли. Ей показалось, что дочь взглянула на нее с облегчением.

— Как приятно слышать, что ты смеешься, мама! — воскликнула она. — В последнее время в нашем доме смех раздается нечасто.

— Ты права, — согласилась Марти. — В основном я ною. Благодаря твоей заботе я превратилась в ленивую нюню.

Элли возразила, но Марти продолжала говорить:

— Да, наверное, жить со мной в одном доме нелегко. Я себя жалела, а ведь на самом деле мне следовало благодарить Господа! Но ты права. Проведаю-ка я Кейт. Возможно, она тоже сходит с ума от нетерпения, хотя наверняка она ведет себя более разумно, чем я. Во всяком случае, ей хватило здравого смысла, чтобы не скучать, а заняться работой.

Марти укуталась в шаль, чтобы пройти несколько шагов через двор:

— И еще я беспокоюсь о Ма. Интересно, как она поживает? Мы давно не виделись. Представляю, как она тоскует по

Бену! Мне бы хотелось поехать к ней в гости, но отец никогда не разрешит — в такую-то погоду.

Элли подняла глаза от книжки с рецептами, которую перелистывала.

— По-моему, мы могли бы поехать к Ма и привезти ее сюда, — предложила она.

Марти пришла в восторг от этой идеи:

— И правда, почему бы и нет? Нет, правда! Может, завтра? Вы бы уехали сразу после завтрака, чтобы Ма осталась на обед. Я помою тарелки и уберу утром на кухне, а ты...

— Хорошо, — с улыбкой ответила Элли. — Если ты так этого хочешь, я поеду рано утром.

— Спасибо! — воскликнула Марти.

— Я поговорю с па, как только он вернется из города, — пообещала Элли.

— Спасибо, — еще раз сказала Марти. И она с улыбкой повернулась, чтобы отправиться в гости к Кейт.

Кейт очень обрадовалась, увидев, что Марти вошла в дом.

— Ах, я надеялась, что кто-нибудь меня навестит! — воскликнула она. — Я сама подумывала сходить к вам, но Клэр заставил пообещать, что я не выйду на улицу одна — ведь там так скользко...

Марти улыбнулась, вспомнив, сколько раз Кларк предупреждал ее о том же.

— Я шла очень осторожно, — сказала она и призналась: — У меня никогда не было трудностей — ни с одним из моих детей, которых я носила под сердцем.

Прежде чем помешать в камине и поставить на плиту чайник, Кейт пригласила Марти посмотреть детскую комнату.

— Уже все готово, — объяснила она, когда они подходили к двери спальни. — Мне она так нравится! Наш ребеночек и не понимает, какой он чудесный! Если бы он только знал, с каким нетерпением мама и папа ждут его появления на свет... — Кейт не закончила предложение и рассмеялась.

Они вошли в комнату, и Марти ахнула:

— Какая красота!

Она приблизилась к новой колыбели, на которую Клэр потратил много часов, и любовно провела рукой по отшлифованному дереву.

— Прекрасная работа, Кейт, — сказала она, но почувствовала, что этих слов недостаточно. Наверное, невестка тоже так подумала. — Чудесная колыбелька! — восторженно произнесла она. — Я и не знала, что у Клэра золотые руки. Никогда не видела более хорошенькой детской кроватки. И посмотри: он сделал такой же маленький комод!

Марти оглядела комнату: легкие занавески, зеленые стены, одеяла ручной работы, подушки, комод, заботливо отобранные картины и особенно колыбель — и ее глаза засияли так же ярко, как глаза Кейт.

— Вот, посмотри! — предложила Кейт и стала открывать разные ящики комода, в котором лежали детские одежды.

— Мы готовы. Все здесь... Осталось только подождать.

— Подождать, — эхом откликнулась Марти. — Кажется, время тянется так медленно! Надеюсь, все пройдет хорошо... у нас обеих.

Кейт потянулась, чтобы обнять ее, и две женщины тихо рассмеялись, коснувшись друг друга животами, в которых лежали еще не рожденные дети.

— Все будет хорошо, — пообещала Кейт. — Мы справимся, потому что оно того стоит. Ах, мама, как мне хочется иметь ребенка! Мы и так счастливы, но это будет... райским блаженством!

Марти улыбнулась. Она хорошо помнила, с каким волнением ждала появления первенца. Она радовалась рождению каждого из них, но никогда не волновалась так, как в первый раз. Она кивнула Кейт. От приятных воспоминаний у нее увлажнились глаза.

— Ну что ж, пойдем выпьем чаю, — предложила она, — а то я становлюсь слишком чувствительной и слезливой.

Кейт повела ее в кухню. Они склонились над чашками. Марти рассказала Кейт о том, что Элли предложила привезти к ним Ма Грэхам.

— Мы так давно не виделись, — с чувством сказала она, — и я беспокоюсь о ней.

Кейт согласилась, что будет здорово, если они обе всласть наговорятся.

— Кроме того, мне кажется, что и Элли не помешает отдохнуть, — рассудила она. — В последнее время она сильно осунулась и... и... изменилась.

— Ты тоже это заметила?

Кейт кивнула в знак согласия.

— Мы с Кларком недавно говорили об этом, — сказала Марти. — Думаю, ей нужно больше развлекаться, но она не хочет, даже когда предоставляется такая возможность.

— Например? — поинтересовалась Кейт.

— Ну, я помню, как молодежь говорила о катании на коньках. Я предложила Элли пойти, но она наотрез отказалась.

— Что ж, я могу понять: ей не хотелось идти одной.

— Она бы пошла не одна. Я попросила Лейна ее сопровождать.

— Ты попросила Лейна? — в шоке переспросила Кейт.

— И он с радостью согласился, — уверила ее Марти, — но Элли ответила, что никуда не пойдет.

— А что еще она сказала? — задумчиво спросила Кейт.

— Что там соберутся одни дети.

— Может, она не хотела идти туда с Лейном?

— Вряд ли, — медленно проговорила Марти. — По-моему, он ей нравится. Они всегда болтают и смеются. Он помогает ей вытирать тарелки, а она подарила ему любимого щенка, над которым так трясется. Элли была бы рада, если бы Лейн чаще к нам приходил, ведь Арни и Люк уехали, но в последнее время он редко у нас появляется, а Элли не захотела идти на ту вечеринку и...

— Мама, — перебила ее Кейт. — Тебе не кажется, что Элли и Лейн поссорились... ну, как часто бывает между влюбленными?

— Влюбленными? — удивленно повторила Марти. — Святые небеса, но они же не влюблены! Они относятся друг к другу, как брат и сестра.

Кейт это не убедило:

— А ты когда-нибудь говорила это Элли?

— Что?

— Называла их братом и сестрой?

Марти задумалась.

— Ну, было что-то в этом духе, пожалуй, — наконец согласилась она.

— И что сказала Элли?

— Она сказала, что ей не нужен брат, — ответила Марти, вспомнив тот случай.

Она нерешительно помолчала, затем нахмурилась.

— Почему она так сказала? — спросила она Кейт.

— Все сходится, не так ли? — сказала та. — Похоже, между Лейном и Элли произошла размолвка.

— Неужели? Я и подумать не могла, что они способны заинтересоваться друг другом... в этом смысле.

Марти стала помешивать ложечкой в чашке с чаем, вспоминая различные события, которые сбивали ее с толку. Пожалуй, Кейт права. *Все вставало на свои места.*

— Если подумать, — медленно рассудила Марти, — они прекрасная пара. Я бы не хотела для Элли лучшего жениха. Он самый благоразумный и заботливый молодой человек из всех, кого я когда-либо встречала.

Она рассеянно продолжала помешивать чай.

— Интересно, что случилось? — вслух рассуждала она. — Ведь они прекрасно ладили. Боюсь, я виновата в том, что относилась к Лейну, как к своей собственности.

— Вряд ли проблема в этом, — возразила Кейт.

— Должно быть, что-то случилось. Да, меня это беспокоит. Не представляю, что за кошка между ними пробежала. Забавно, что Кларк ничего не заметил. Он ведь такой наблюдательный.

— Иногда сложнее всего понять самых близких людей, — сказала Кейт, и Марти мысленно с ней согласилась.

— Ну что ж, теперь все ясно, — уверенно произнесла Марти, выпрямляясь в кресле. — Наверняка это можно исправить. Никто не захочет терять такого зятя, — улыбнулась она Кейт.

— Лучше не торопиться, мама, — предостерегла ее Кейт. — А что, если мы на ложном пути? Или же им совсем не хочется, чтобы кто-то вмешивался?

— Я не буду пороть горячку, — заверила ее Марти. — Сначала я поговорю с Кларком. Интересно, что он скажет? Он знает, что нужно делать — и нужно ли вообще.

Они заговорили на другую тему и допили чай.

— Спасибо, дорогая, — сказала Марти у двери, целуя невестку в щеку. — Мне так этого не хватало! Если мы правильно догадались, то у меня такое чувство, словно гора спала с плеч. Я очень волновалась за Эли. Но обещаю, — засмеялась она, подняв руку, — что не буду действовать нахрапом.

Кейт тоже рассмеялась. Марти плотнее обернула вокруг себя шаль и направилась к дому. Воздух по-прежнему был морозным, снег так и не перестал идти, но у Марти появилась смелость и цель — они помогут ей лицом к лицу встретить дни, которые ждут впереди.

Когда Марти вошла в теплую кухню, она узнала, что у нее появилась еще одна причина для радости. Кларк вернулся из города и привез с собой три письма! Письма от детей! Марти с трудом верила своему счастью.

Мисси писала, что у них довольно тепло, и Вилли говорит, что скоту легче пережить эту зиму. Они прекрасно проводили время с братом и другими родственниками Вилли. Мисси сокрушалась о том, с кем будут играть Джосайя и Натан, когда уедут их двоюродные братья и сестры. Им так весело вместе!

Строительство церкви продолжается. Две семьи уехали, но Генри побывал на нескольких соседних ранчо в округе, и у них появились новые прихожане. Еще одна семья заинтересовалась, и все они молятся о том, чтобы те скорее присоединились к ним во время воскресной службы.

Маленькая Мелисса растет не по дням, а по часам. Она очень спокойный ребенок и всей душой верит, что старшие братья — самые важные люди в мире. Все ее любят, и Мисси немного беспокоится, что работники ранчо ее избалуют.

Мальчики тоже выросли. Натан, как и планировалось, пошел в школу. Кажется, он будет хорошим учеником. Он усердно учит читать младшего брата Джосайю. Тот полон желания овладеть знаниями и благодаря урокам Натана сумел распознать дюжину слов. Вся семья смеется, вспоминая об этом, и старается отговорить Натана от выполнения тяжелого учительского долга.

Мисси писала, что они скучают по Лейну и будут рады увидеть его снова. Марти перестала читать. Впервые после

разговора с Кейт она осознала, что если Лейн и Элли влюблены друг в друга и сумеют преодолеть разногласия, в чем бы они ни заключались, она потеряет еще одну дочь. Это нелегко, но теперь она готова. Бог помог ей отпустить Мисси, Клэ и Люка. Несомненно, Он поможет и в случае с Элли, если она решит их оставить. Марти дочитала письмо Мисси и открыла послание Клэ.

Та восторженно писала о маленькой церкви, в которой Джо служит пастором. Она никогда не видела Джо более счастливым, хотя у него почти не остается свободного времени. Люди относятся к ним по-доброму, и среди них они чувствуют себя как дома. Это ощущение появилось впервые с тех пор, как они уехали из родных мест и направились на Восток. Что ж, Клэ откровенно описывала чувства, связанные с переездом. Сначала, говорила она, ее переполняла невыносимая тоска. Она каждый раз молилась о том, чтобы время бежало быстрее, и они могли снова поехать домой. Бог неожиданно ответил на ее молитву. По Своей милости Он подарил ей любовь, дружбу и счастье, о которых она даже не мечтала. Больше Клэ не тоскует по родине, хоть и скучает по родным. Она чувствует себя дома там, где живет сейчас: ведь Джо счастлив, и у нее есть семья и близкие друзья.

Эстер Сью стала совсем взрослой. Она помогает воспитывать маленького братика. Все рады его появлению. Он очень похож на папу, хотя кожа, волосы и глаза у него такого же цвета, как у мамы.

Они все еще раздумывают, не принять ли им приглашение поехать в церковь на Востоке, но пока решили, что лучше

вернуться в деревню. Джо считает, что фермерский округ подходит ему куда больше, чем большой город, но ему нужно многому научиться, прежде чем уехать оттуда, где находится семинария. Он может служить пастором и учиться по вечерам, чтобы лучше подготовиться к работе священника.

У них все хорошо. Они были рады видеть Люка, когда он приехал навестить их после Рождества, и услышать новости из дому. Клэ благодарила их за посылки, которые они передали через Люка. Клэ писала, что даже заплакала, когда их разворачивала, но это были слезы счастья, утверждала она. Они пролились из благодарного сердца, ответившего на любовь, которую выражали эти подарки.

Марти со смешанными чувствами отложила письмо в сторону. Какое счастье, что Клэ и Джо прижились на чужбине как дома и всем довольны. Как приятно, что она может доверить их заботе всезнающего и любящего Отца!

Марти потянулась за письмом Люка и нетерпеливо разорвала конверт. Он тоже сообщил несколько хороших новостей. Он опять с головой погрузился в учебу. Ему очень понравилось дома. Он выражал надежду, что все его родные здоровы и счастливы. Он виделся с Клэ и Джо, и они вполне довольны жизнью. Джо буквально лопается от новых знаний, которые с готовностью впитывает. Больше всего ему нравится изучать Божественную природу Христа — поразительно, что Бог с такой заботой относится к грешному человеку!

Люк тоже вернулся к занятиям. Теперь он еще больше, чем раньше, уверен в том, что медицина — его призвание.

Наука сделала огромный шаг вперед, и ему тоже хотелось внести свою лепту.

Письмо было коротким, потому что Люк торопился. Нужно много работать, чтобы подготовиться к занятиям на следующий день, писал он, но ему хотелось послать привет домашним и поблагодарить их за поддержку.

Марти впитывала слова писем, пообещав себе, что еще раз перечитает их перед сном. Закончив страницу, она передавала ее Элли, которая также внимательно погружалась в содержание каждого письма.

— По-моему, у них все отлично, верно, мама? — сказала Элли, прочитав последнюю страницу.

— Да, и я так благодарна за это Господу, — ответила Марти. В ее глазах блеснули слезы. — Ничто не может сделать мать счастливее, чем уверенность в том, что ее дети счастливы.

Элли встала с места, чтобы проверить, как готовится ужин, и Марти с довольным вздохом бережно засунула каждое письмо обратно в конверт, чтобы Кларк мог прочитать их, когда вернется из амбара.

Она сказала правду. Ничто не может сделать мать счастливее, чем уверенность в счастье ее детей. Кейт и Клэр нетерпеливо ожидали появления первенца. Мисси радовалась визитам родственников и приходила в восторг от самых скромных достижений малышей. Клэ и Джо с радостью выполняли работу, которую считали своим призванием. Люк, будущий врач, взволнованно писал о том, что ему удалось узнать. Арни каждый вечер сгорал от желания быстрее увидеть Анну.

Семья Нандри увеличивалась и процветала. Оставалась только Элли. В ее глазах поселилась печаль. Сегодня вечером она поговорит с дочерью, но сначала ей нужно обсудить догадку Кейт с Кларком. Марти очень хотелось, чтобы ее милая Элли тоже была счастлива.

Глава восемнадцатая

РАЗГОВОР С ЭЛЛИ

— Кларк, — тихо позвала Марти и подождала, пока Кларк поднимет голову от книги, которую читал.

Он ничего не ответил, но молча посмотрел на нее, ожидая, что она скажет.

— Сегодня я разговаривала с Кейт, — начала Марти.

— Да, ты говорила.

— Она с радостью ждет родов. У них все готово. Не знаю, как они с Клэром выдержат еще шесть недель или около того. — Марти засмеялась и продолжала: — Но мы говорили не только об этом. Она тоже беспокоится об Элли. Кейт заметила, что она изменилась.

Кларк медленно кивнул. На его лице показалась тревога.

— Кейт предположила кое-что, и я задумалась. Тебе не кажется, что Элли нерав-

нодушна к Лейну? Может, они понравились друг другу, а потом из-за чего-то поссорились?

Уголки рта Кларка удивленно опустились вниз.

— Никогда об этом не думал. Но почему бы и нет? — наконец произнес он. — Ведь Лейн — привлекательный молодой человек, он любит людей; а Элли — милая, добрая девушка. Почему нет? Почему это не пришло нам в голову? Это не только возможно, но и наиболее вероятно.

Кларк на секунду задумался:

— Как ты считаешь, она это имела в виду, когда воскликнула, что не хочет, чтобы Лейн был её братом?

— По-моему, так оно и есть, — ответила Марти, покачивая головой. — Не понимаю, почему я раньше ничего не замечала.

— Наверное, потому, что мы считали Лейна членом семьи.

— Видимо, так. Думаешь, это беспокоит Элли?

— Что ж, они вполне способны понравиться друг другу, теперь я ясно это вижу. Но из-за чего они поссорились? Ума не приложу. Оба лишены эгоизма и гордыни. Не понимаю, что мешает им разрешить противоречия, если между ними вообще есть какие-либо противоречия.

— Может, нам стоит поговорить с Элли и выяснить, нельзя ли им как-нибудь помочь?

— А где Элли?

— Она опять ушла в амбар, чтобы поиграть со своей собакой.

— Ты имеешь в виду, с *его* собакой?

— Да, верно.

— Не знаю, — рассуждал Кларк, потирая подбородок. — Мне всегда казалось, что не стоит вмешиваться в чужие

сердечные дела. Обычно влюбленные находят способ примириться.

— Кейт именно так и сказала.

Марти запустила петлю и продолжила вязать.

— Но я очень беспокоюсь, — тихо призналась она. — Я вижу, что Элли страдает. Да и Лейн выглядит осунувшимся.

— Может, стоит потихоньку все выведать? Тогда мы что-нибудь придумаем.

— Элли очень проникательна. Вряд ли тебе удастся обвести ее вокруг пальца.

— Тогда, наверное, лучше поговорить с Лейном.

Марти перестала вязать:

— Да, а что ты скажешь: «Ты что, влюбился в мою дочь, а потом вы поссорились? У нее сердце кровью обливается, и я хочу знать, почему?»

— Ты права, — согласился Кларк. — Это будет нелегко.

Марти вновь звякнула спицами. Обычно она вязала быстро, но сейчас редкие звуки показывали, что ее мысли заняты чем-то другим.

— Что же нам делать? — наконец спросила она.

— Если бы я только знал! Одно ясно: нам следует помолиться.

Марти кивнула, и Кларк опустил голову и стал истово молиться за родную дочь. И за Лейна.

— Я думаю, единственный способ — откровенно поговорить об этом, — наконец сказал Кларк, поднимая голову.

— Пожалуй, ты прав, — согласилась Марти, и Кларк отложил книгу в сторону и поднялся.

— Наверное, мне не помешает пройтись, — заявил он, — и выяснить, что такого особенного в этом щенке.

Марти пристально взглянула в глаза Кларку, показывая, что доверяет ему. Она была уверена, что он скажет дочери правильные слова. Ее вязальные спицы стали быстрее удаляться друг о друга.

Кларк пошел в кухню и надел пальто, потому что на улице было холодно. Он не стал зажигать еще один фонарь. В зимнем небе ярко светила луна, над головой сияли миллионы звезд. Дорога к амбару прекрасно видна, а когда он придет туда, фонарь Элли будет освещать амбар внутри для них обоих.

Кларк не торопился. Ему нужно подумать. И еще раз помолиться. Он понятия не имел, как разговаривать с дочерью о столь деликатном предмете. Хорошо, что они всегда были честны друг с другом. В подобные моменты Кларк радовался тому, что в течение многих лет создавал крепкую связь между собой и детьми. Он верил, что это время не прошло даром.

Снег скрипел под ногами, и он видел перед собой клубы собственного теплого дыхания. Он открыл амбарную дверь и вошел внутрь, а потом повернулся, чтобы плотно ее прикрыть. Он не хотел, чтобы его присутствие стало для Элли неожиданностью. Девушка сидела на куче соломы и нежно гладила щенка, которого назвала Рексом. Кларк откашлялся, сделал несколько шагов вперед и облокотился на перегородку. Минуту они молчали.

— Он здорово вырос, верно? — наконец сказал Кларк.

— Верно, — ответила Элли.

— По-моему, из него получится хорошая собака. Как идет дрессировка?

— Он быстро учится, — ответила Элли.

— Ты всегда считала его особенным.

Элли согласилась. Кларк опустился на колени и погладил щенка большой натруженной рукой. Тот пискнул от удовольствия, но остался лежать рядом с хозяйкой.

— Ты как будто не щенка обнимаешь, а кого-то другого, — заметил Кларк.

Элли быстро вскинула голову, но не уточнила у отца, что он имеет в виду.

Кларк продолжал гладить щенка.

— Словно держишь в руках мечту, — сказал он, и Элли опустила голову. — Мечту... или любовь.

В глазах Элли показались слезы. Они потекли по щекам, и Кларк потянулся, чтобы нежно их вытереть.

— Что случилось, доченька? — мягко спросил он. — Ты безответно влюблена?

— Ах, нет. Он тоже меня любит, — быстро ответила Элли. — Он... он хотел подарить мне медальон на Рождество. Он бы стал за мной ухаживать, если бы я дала ему хоть малейшую надежду. Я знаю это, папа.

— Почему же ты отказала? — просто спросил Кларк.

— Почему?

— Да, почему? Разве тебе не кажется, что он такой человек, которого ты могла бы полюбить?

— Да я люблю его, люблю! — всхлипнула Элли.

Кларк привлек к себе дочь и обнял ее. Она плакала, прижимаясь к нему, а он, ничего не говоря, гладил золотые кудряшки. Когда Элли успокоилась, он заговорил снова.

— Боюсь, ты не ответила на мой вопрос, — сказал он, прижимаясь губами к ее волосам. — Ты сказала, что он готов посвататься и что ты его любишь. Так почему же вы оба так несчастны и он не ухаживает за тобой?

Элли отпрянула от отца и изумленно воззрилась на него.

— Не могу, — снова всхлипнула она. — И я это знаю. Не могу.

Кларк ничего не ответил, и она проговорила:

— Мама нуждается во мне.

Кларк не сразу понял, о чем она, а потом легонько отстранил ее от себя и посмотрел ей в глаза.

— Ну и ну! — воскликнул он. — Что ты имеешь в виду?

— Мама во мне нуждается, — повторила Элли.

— Конечно, она в тебе нуждается, но никто не ожидает, что ты будешь работать по дому до скончания века.

— Но ребенок...

— У мамы и раньше были дети, и она прекрасно справлялась. Да, конечно, сперва я тоже волновался, но сейчас она в полном порядке. Твоя мать — не неженка. Она способна о себе позаботиться, и вряд ли ребенок причинит ей много хлопот.

— Дело не только в этом, — возразила Элли.

— Не в этом?

— Нет.

— А в чем же? — спросил Кларк, видя, что в глазах Элли набухают новые потоки слез.

— Как только Ла Хэй вернутся, Лейн уедет на Запад.

— И что?

— Мама страдает, когда ее дети уезжают. Ты же знаешь, как больно ей было расставаться с Мисси, Клэ, а потом с Люком. Если я тоже уеду, это ее убьет.

— Понимаю, — сказал Кларк, — ты думаешь, мама не сможет тебя отпустить, да?

Элли опять опустила голову на его плечо.

— Мама, конечно, предпочла бы, чтобы все дети жили поблизости. Но я знаю, что больше всего на свете она хочет, чтобы вы были счастливы. И если ты думаешь, что счастье ожидает тебя с молодым мужчиной по имени Лейн, то мама хочет именно этого, даже если ты уедешь за тридевять земель.

В глазах Элли появилось сомнение.

— Ах, папа, — воскликнула она, — ты правда так думаешь?

— Я знаю это наверняка, — заверил ее Кларк. — Дело в том, что я разговаривал с мамой. Она о тебе беспокоится. И уже давно. Мы никак не могли взять в толк, что случилось, а не то давным-давно успокоили бы тебя. Кейт первая заподозрила, в чем причина. Наверное, потому, что мы давно считаем Лейна членом семьи, мы никогда бы не догадались, что для тебя он вовсе не родственник.

Глаза Элли заблестели.

— Папа! — взволнованно произнесла она. — Я так сильно вас люблю! Я боялась причинить ей боль. Очень боялась!

— Мама никогда бы не стала препятствовать твоему счастью. Ну, утри слезы, и пойдем поговорим с ней.

Элли так и сделала, потом еще раз погладила терпеливого Рекса и поспешила к двери амбара. Кларк снял фонарь с крюка и последовал за ней.

Вдруг Элли остановилась.

— Но, папа, — испуганно произнесла она, — я уже отказала Лейну.

— Не думаю, что он быстро сдастся, — успокоил ее отец. — А если он это сделает, то, значит, он не тот мужчина, которым я его считал.

Страх исчез из глаз Элли, и она пошла быстрее. Кларк едва поспевал за ней. Когда он повесил пальто на крючок в кухне, то услышал, как она сказала: «Ах, мама!» Потом слышались звуки, которые напоминали плач и смех одновременно.

Глава девятнадцатая

ТЕМНЫЕ ТЕНИ

Кто-то с силой постучал в дверь. Марти попыталась открыть глаза. Ей ужасно хотелось спать. Она чувствовала, что еще не время вставать, хотя в темноте не было видно часов.

Кларк уже вскочил с кровати и быстро одевался. Марти вдруг вспомнила о Бене: *«Так случилось, когда Бен...»* Нет, это не может повториться! Но почему же кто-то молотит в дверь? Страх охватил ее сердце. Должно быть, плохие новости.

Кларк, не сказав ни слова, поспешно вышел из комнаты. Марти отбросила одеяло и встала на холодный пол. Она была рада, что лежащий рядом коврик хоть немного защитил ее от зимнего холода. Она нащупала ногой носки и подошла к гардеробу, чтобы взять домашнее платье. До нее доносились голоса. Взволнованные голоса. Кажется, это Кларк. Почему он проснулся? Что произошло?

Марти, спускаясь по лестнице, старалась не торопиться. Вряд ли ей удастся быстрее выяснить, в чем дело, если она упадет в темноте. Она крепко схватилась за перила и осторожно ступала по ступенькам. Да, это голос Клэра. Ему отвечал Кларк. Она услышала громкие рыдания и ускорила шаг.

Когда она вошла в кухню, то разволновалась еще больше. Кларк зажег на кухне лампу, и в неярком свете она увидела очертания двух мужских фигур. Кларк поддерживал Клэра, а тот рыдал не переставая. Марти пыталась задать вопрос, но слова не сходили с ее губ.

— Кейт, — объяснил Кларк, оглянувшись, — ее мучает сильная боль.

— Что случилось? — выдохнула Марти.

— Он не знает. Вдруг она почувствовала ночью приступ боли. Я поеду за доктором. Как ты думаешь, ты сможешь...

Он не успел закончить вопрос. Марти подошла к взрослому сыну и повернула его к себе.

— Ах, мама! — простонал он. — Мне страшно. Я никогда не видел таких страданий. Нам нужно вернуться туда, мама. Мы...

— Конечно, — заверила его Марти. — Только надену ботинки и накину шаль.

Клэр взял Марти за руку, и они поспешили к маленькому деревянному домику. Он сумел совладать с собой, перестал рыдать и начал рассуждать более разумно.

— Может, у нее начались схватки? — предположила она, чтобы его успокоить.

— Слишком рано.

— Иногда дети появляются раньше, чем их ждут.

— Но не настолько.

— А что, если Кейт неправильно подсчитала?

Клэр ничего не ответил, и Марти поняла, что он сильно в этом сомневался.

— Некоторые женщины ужасно мучаются, когда...

Но он не хотел этого слышать.

— Мы боимся, что ребенок родится сейчас, — сказал он. — Слишком рано. Для него опасно рождаться в такое время.

Марти повернулась, услышав, что кто-то торопливо идет к конюшне. Клэр поскачет к доктору. Мысленно она пожелала ему успеха и пошла дальше по обледеневшей тропинке.

— Отец уже вышел из дому, — сказала она Клэру. — Скоро и доктор приедет.

Марти услышала крики Кейт еще до того, как они приблизились к дому. Бедная! Ведь она не из тех, кто жалуется из-за пустяков. Несомненно, Клэр прав. Что-то пошло не так. Они поспешили в дом. Марти скинула ботинки в углу у двери и бросила шаль на стул. Клэр уже вбежал в комнату. Лампу не зажигали, и Марти стала суетливо искать в темноте спички. Кейт металась в постели и стонала, и Клэр, упав на колени, постарался успокоить ее словами и прикосновениями:

— Отец поехал за доктором. Ждать осталось недолго. Так что держись, голубка моя. Держись!

Клэр повернулся к Марти и умоляюще посмотрел на нее. «*Мама, сделай что-нибудь*, — казалось, говорили его глаза. — *Помоги Кейт!*»

Марти подошла к кровати и нежно притронулась к девушке:

— Кейт, — позвала она, немного повысив голос, чтобы заглушить стоны невестки. — Кейт, ты слышишь меня, дорогая?

Девушка ответила, кивнув и тихо застонав.

— Когда это началось?

Кейт сумела ответить, что она почувствовала слабую боль, когда леглась спать, но ночью она усилилась.

— А где у тебя болит?

Кейт положила руку на низ живота.

Марти тоже дотронулась до этого места. Она почувствовала, как напряглись мускулы. С губ Кейт сорвался еще один стон.

Когда схватка закончилась, Марти спокойно обратилась к Кейт, стараясь рассеять повисшее в комнате напряжение.

— Кейт! — сказала она. — Полагаю, что скоро ты станешь матерью.

— Нет! — выдохнула девушка. — Нет! Еще слишком рано. Слишком скоро. Я не хочу, чтобы ребенок родился сейчас. Ему нужно подрасти.

— Послушай, — строго сказала Марти. — Послушай, Кейт. Не сопротивляйся. Не нужно напрягаться. Постарайся расслабиться. Возможно... возможно, это пройдет. Но ты должна успокоиться. Ради ребенка.

Марти видела в неярком свете, который отбрасывала лампа на комод, фиалковые глаза Кейт. Она знала, что та думает о ребенке. Она хотела родить и ради безопасности малыша была готова на все, что угодно.

— Я постараюсь, — прошептала она, — постараюсь.

— Умница, — сказала Марти, опускаясь на колени рядом с Клэром, и погладила холодную руку невестки. — Клэр, я знаю, ты молишься. Давай сделаем это вместе.

Он произнес слова молитвы вслух.

— Господи, — замирая, сказал он, — Тебе ведомо, о чем мы тревожимся. Мы не хотим, чтобы Кейт так сильно страдала. Маленькому еще рано появляться на свет. Пошли нам утешение, Господи. Пусть в эту минуту Кейт почувствует Твою любовь и нашу. Господи, мы знаем, чего мы хотим, — чтобы наш сын в целости и сохранности появился на свет. И чтобы моя Кейт... — у Клэра сорвался голос. Марти подумала, что продолжать придется ей, но он быстро взял себя в руки: — Но каковы бы ни были наши желания, мы говорим то, что должно сказать: «На все воля Твоя». И мы действительно так думаем, Господи, потому что знаем: Ты нас любишь и желаешь всего наилучшего. Аминь.

Во время молитвы Кейт лежала тихо. Сказав «аминь», Клэр наклонился к ней и поцеловал в щеку. Кейт опять заворочалась, и Марти поняла, что, несмотря на страшную боль, она пытается расслабиться.

— Клэр, — попросила Марти, — не мог бы ты развести огонь в плите? И поставь пару чайников, чтобы нагреть воду.

Клэр послушно направился на кухню, а Марти подошла ближе, чтобы помочь лежащей на кровати девушке: откинула со лба волосы, расправила сбившееся одеяло, погладила разругавшиеся щеки. Суется и устраивая невестку поудобнее, она нежно разговаривала с ней, надеясь отвлечь внимание от боли.

Кейт держалась героически, она старалась изо всех сил. Марти видела, что она сопротивлялась боли, а потом, несмотря на нее, всем существом стремилась расслабиться. Клэр развел огонь и налил воду в чайники, как велела Марти. Он принес кастрюлю с водой, чтобы мать обтерла лицо Кейт. Часы медленно тянулись. Марти поняла, что доктор опаздывает, и испугалась, предположив, что его задержал другой срочный вызов. Она начала сходить с ума от беспокойства, но услышала во дворе конский топот. Она повернулась к окну и возблагодарила Господа, увидев, как спешиваются два всадника.

Кларк повел обеих лошадей к амбару, и доктор поспешил к маленькому домику, крепко сжимая в руке черный саквояж. Никогда Марти так сильно не радовалась чьему-то появлению, как появлению доктора.

Клэр уже стоял у двери, снимая с гостя пальто и рассказывая ему о том, что произошло. Марти оставалась в комнате Кейт, пока врач не вошел туда, а затем оставила его наедине с девушкой и отправилась на кухню, чтобы подождать Кларка.

Она решила сварить кофе. Марти сомневалась, что кому-нибудь захочется его пить, но ей нужно было отвлечься. Она вверила Кейт заботе доктора, и у нее нашлось время подумывать.

Что если Кейт и впрямь *рожает*? Достаточно ли младенец подрос, чтобы выжить? Что будет с Клэром и Кейт, если они потеряют ребенка? Не утратят ли они веру?

Марти положила руку на живот. Младенец ответил сильным толчком. Ее глаза наполнились слезами.

— Пожалуйста, Господи! — взмолилась она. — Лишь бы с ребенком ничего не случилось. Они этого не выдержат. Они так долго работали, мечтали и молились о маленьком. Если они его потеряют, это разобьет им сердце. Если... если... — Марти положила руку на то место, где лежал ее малыш. — Если Тебе нужно забрать одного из них, то пусть это будет мой ребенок. Мне кажется, я смогу это выдержать, а Кейт — нет.

Как только Марти вымолвила про себя эти слова, она тут же представила, какую ужасную боль принесет ей эта потеря. Она никогда не видела своего малыша, но уже любила его. Если бы только она могла найти способ уберечь Кейт и Клэра от страшного горя — смерти первенца, которого они так любят! Вдруг ей в голову пришла другая мысль, и Марти чуть не задохнулась. А что если что-нибудь случится с Кейт? Как Клэр это выдержит? Марти стала молиться: *«Пожалуйста, только не Кейт, Господи, защити ее... ради Клэра!»*

В кухню, потирая замерзшие руки, вошел Кларк.

— Ну, какие новости? — с серьезным лицом спросил он.

— Пока никаких. Доктор осматривает ее.

— А ты что думаешь? — Кларк положил перчатки на соседний стул.

— Я думаю, что... она скоро родит.

— Она сможет родить?

Марти устало пожала плечами:

— Не знаю. Еще рано... слишком рано. Но некоторым это удается. Я не знаю. Мне страшно, Кларк. Правда, очень страшно.

Муж подошел к ней и привлек к себе. Их ребенку это не понравилось, и, несмотря на беспокойство, на лице Кларка промелькнула улыбка.

— Какой обидчивый шалунишка! — пошутил он, и Марти немного успокоилась.

— Это девочка, — с улыбкой тихо прошептала она и подошла к плите. — Может, кофе?

— Пожалуй. Поможет мне согреться.

Марти налила две чашки, хотя не была уверена, что станет его пить. Ей не хотелось кофе. Вдруг, подходя к столу, она поняла, что в спальне стало тихо. Она была рада, что Кейт перестала метаться и стонать, и надеялась, что молчание — хороший знак.

Клэр вошел в комнату. У него был тяжелый взгляд и осунувшееся лицо.

— Да, все дело в ребенке, — сказал он измученным, безнадежным голосом.

— А как чувствует себя Кейт?

— Доктор дал ей какое-то лекарство, чтобы облегчить боль. Он не слышит, как бьется сердце маленького, и боится, что с ним что-то случилось.

Клэр опустил на стул и обхватил голову руками. Марти растерялась. Что сказать несчастному сыну? То, с чем ему пришлось столкнуться, нельзя назвать детским разочарованием. Это жизнь. Две жизни. Как поддержать человека в такую минуту?

Кларк подошел к сыну и сжал его плечо твердой рукой. Клэр даже не шелохнулся, но Марти знала: он чувствует любовь и поддержку отца.

Собравшись с силами, Клэр медленно продолжал рассказывать:

— Доктор говорит, что Кейт сильная. У нее ровный пульс, и она борется изо всех сил. Когда все закончится, с ней все будет в порядке.

Марти выдохнула благодарственную молитву.

— Как долго это продлится? Что сказал доктор? — спокойно спросил Кларк.

— Он не знает.

Марти принесла Клэру кофе. Она удивилась, увидев, что он его пьет. Наверное, и сам не понимал, что делает.

Ночные часы медленно тянулись. Время от времени члены семьи тихо входили в спальню, чтобы поговорить с доктором. Он утешал их, уверяя, что Кейт держится хорошо.

Наступил рассвет. Воздух был чистым и морозным. В маленький домик пришла Эли. Поразительно, но она спала так крепко, что не слышала шума ночью: ее спальня находится в задней части дома. Она побледнела, когда Кларк объяснил ей, что случилось, а потом направилась в кухню Кейт, чтобы приготовить завтрак. Марти и не подумала о том, что им нужно поесть.

Кларк вышел из дома, чтобы заняться хозяйством. Клэр собирался пойти с ним, но Кларк махнул рукой, приказывая ему не вставать с кресла. Тогда Клэр решил посмотреть, как чувствует себя Кейт, и вернулся с помрачневшим лицом.

— Доктор думает, что осталось недолго, — сказал он, опускаясь в кресло. Марти подумала, что ему было бы легче, если бы он чем-нибудь занялся, а не сидел здесь, со страхом думая о Кейт.

Элли накрыла на стол. Они поели совсем немного, хотя никто не притворялся потерявшим аппетит. Марти отнесла тарелку с блинами, бекон и кофе доктору. Он сел в кресло рядом с кроватью Кейт: опыт подсказывал ему, что нужно есть, чтобы сберечь силы.

В одиннадцать часов утра родился крошечный мертвый ребенок. Ничего нельзя было сделать... или сказать. Клэр взяла дочь на руки и, рыдая, стал ее покачивать. Он передал ее Марти, и та, сдерживая слезы, любовно омыла маленького человечка. Он мог принести в дом столько радости... Клэр пошел в детскую и нашел одежды, в которые Кейт собиралась наряжать малыша. Их шили с такой любовью и радостью... Любимый ребенок был бы счастлив их носить. Теперь, чтобы выразить свою любовь, они укутали в них крошечного младенца и положили его в маленький гробик — Клэр и Кларк вместе вытесали его.

Кейт чувствовала себя нормально. Клэр благодарил Бога за то, что с женой ничего не случилось. Благодаря лекарствам доктора, она проспала большую часть дня и целую ночь. На следующее утро Клэр осторожно рассказал Кейт о том, какое горе их постигло. Но она уже заподозрила это до того, как уснула. Они обнялись и заплакали, а потом Клэр внес в комнату маленький гробик, в котором лежала дочь, чтобы мать могла на нее посмотреть. Кларк и Марти ушли в свой дом, оставив супругов наедине.

Похороны стали тихим семейным событием. Священник произнес перед членами семьи, стоявшими вокруг крохотной могилы, знакомые слова, призывая собраться с силами и ободриться.

В последующие после тяжелого испытания дни Кейт быстро выздоравливала, хотя в ее глазах застыла печаль. В горе она обращалась за поддержкой к Клэру. Кларк и Марти каждый день — а иногда и каждый час — молились, чтобы облегчить боль детей. Марти снова и снова думала о том, как бы ей хотелось переложить их страдания на себя, но она могла им только сочувствовать. Они кое-как пережили первые трудные дни. Потом им станет легче, но это потребует времени, а любовно устроенная детская будет постоянно напоминать об утрате. Марти стоило больших трудов сдерживаться, и она, даже не понимая, что делает, стала постепенно отстраняться от источника сильной боли.

Глава двадцатая

НАНДРИ

Лейн приехал, как только услышал печальную новость. Он долго разговаривал с Клэром, и тот излил перед ним горькие размышления о смерти маленькой дочери.

Элли не совсем понимала, как ей обращаться с Лейном после разговора с родителями. Они заверили, что она вольна сама определять свое будущее. Элли надеялась, что отец прав, и Лейн не сдастся слишком быстро. Но в глубине души она боялась, что Лейн счел ее ответ окончательным.

А что если он больше не собирается за ней ухаживать? Горе ей, горе! Найдет ли она в себе смелость, чтобы самой заговорить с Лейном? Ее воспитывали по-другому, и Элли сильно сомневалась, что сможет это сделать. А пока она вежливо разговаривала с Лейном, но старалась не затягивать беседы.

Марти переживала сложные дни. Каждый раз, ощущая толчки ребенка, она вспоминала, как отталкивала мысль о том, что забеременела. Она не хотела этого ребенка. Да, если бы ее желание сбылось, то его вообще бы не было... Так она думала сначала, а теперь она полюбила малыша. Кем бы он ни был, он завоевал ее сердце. И все же она чувствовала себя виноватой.

Да, она его не хотела, но с ним ничего не случилось, а маленькое тельце девочки, появлению которой Клэр и Кейт так радовались с самого начала, теперь лежит под снежным сугробом на церковном дворе. Наверное, это неправильно, несправедливо.

Поэтому горе, которое Марти переживала вместе с сыном и невесткой, смешивалось со стыдом. Понимают ли они это? Может, они тоже думают, что обстоятельства сложились несправедливо и что она недостойна того, чтобы носить ребенка?

Да, когда Кейт страдала, и ее младенец оказался в опасности, Марти была готова отдать жизнь своего малыша за жизнь другого, если бы Господь согласился на такой обмен. Теперь она начинала понимать, как тяжело было бы ей это пережить. Она любила живущего в ней маленького человечка больше, чем ей раньше казалось возможным! Бедная, бедная Кейт! Она тоже любила свою малышку. Марти боялась, что Клэр и Кейт затаили злобу на нее и на еще не родившееся дитя. Она не хотела с ними встречаться. После смерти младенца и похорон, на которые собрались все родные, Марти искала предлог, чтобы держаться от молодой семьи подальше.

Что она им скажет? Что они чувствуют по отношению к ней? Что они думают о скором появлении на свет маленького братца или сестры Клэра?

К счастью, Элли ежедневно виделась с Кейт. Она помогала ей по дому, пока к ней не вернулись силы, чтобы заниматься этим самостоятельно. Но Элли не перестала навещать ее, заходила поболтать или выпить чашку чая. Марти понимала, что тоже должна пойти туда, но жаловалась на «мерзкую погоду» и оставалась сидеть у огня.

Как ни удивительно, но именно Нандри привела Марти в чувство. Несмотря на плохую погоду, она пришла к ней в гости. Дети остались дома вместе с Джошем. Как только Марти заметила дочь во дворе, она сразу поняла, что в такой день Нандри явилась сюда одна не потому, что ей захотелось с кем-то поболтать.

Марти беспокоилась о ней. Она видела, что ее что-то гнетет с тех самых пор, как они вернулись домой. Нандри ничего не говорила, но Марти понимала, что что-то не так. Ей казалось, это каким-то образом связано с Кларком и его ногой. Но, конечно, времени прошло достаточно, чтобы Нандри привыкла к тому, как он теперь выглядит и что ему нужен костыль.

Марти открыла перед дочерью дверь и тепло приветствовала ее. Сначала гостя объяснила: решила навесить их потому, что ей всего лишь хотелось на пару часов выйти из дому. Дети с ума ее сведут, пожаловалась она. Марти кивнула: она прекрасно помнила это чувство.

Нандри осведомилась о здоровье Кейт, и Марти уверила ее: судя по тому, что она слышала, невестка поправилась. Элли сейчас как раз у нее.

Марти стала варить кофе и резать испеченный Элли каравай. Нандри беспечно рассказывала о будничных заботах. Она хотела, чтобы Элли написала ей рецепт тыквенного хлеба. Энди упал и прикусил язык, говорила она. Все не так плохо, но крови вытекло очень много, и Мэри от страха плакала всю ночь, думая, что брат истечет кровью и умрет. Малышка Джейн сделала несколько первых шагов и упала; она не сильно поранилась, но все испугались. Тина получила в школе золотую ленту, потому что лучше всех в классе знает правила орфографии, и Джош ужасно ею гордится. Сам-то он никудышный грамотей.

Нандри продолжала болтать, пока Марти налила кофе и села за стол рядом с ней. Раньше дочь не отличалась разговорчивостью. Затем Нандри поменяла тему будничного разговора, и так быстро, что Марти не сразу осознала, о чем она спрашивает:

— Как Кейт восприняла это?

Марти удивилась. На самом деле, она не знала. Внешне невестка неплохо справлялась — судя по тому, что говорила Элли. Но Марти не имела ни малейшего представления о том, что творится у нее в душе. Она не могла признаться в этом Нандри, и потому, словно защищаясь, ответила:

— Разумеется, ей очень тяжело.

— Я не это имею в виду, — ответила Нандри. — Я хотела узнать: сумела ли она это принять?

— Принять?

Нандри испытующе смотрела на Марти, и в ее глазах отразился тот же вопрос.

— Принять? — повторила Марти. — Ну, так уж случилось... И это нужно принять, хочется тебе или нет.

— Мама, — сказала Нандри, — не надо ходить вокруг да около. Ты знаешь, что я имею в виду.

— Нет, — медленно произнесла Марти, — боюсь, что нет.

— Кейт считает, что у Бога есть такое право, и Он поступил справедливо?

— Бог? — не веря своим ушам, воскликнула Марти. Неужели Нандри действительно задала тот самый вопрос, который она услышала?

— Ма, мы же знаем, что Бог мог спасти ребенка Клэра и Кейт, если бы захотел. Или оставить папе ногу. Но Его это не волновало.

Так вон оно что! В глазах Нандри отразилась боль, боль и гнев. Марти взглянула на дочь. Ее слова привели Марти в замешательство, ее переполнял страх, у нее разболелось сердце.

— Да, это правда, — непреклонно повторила Нандри. — И кто-то должен это сказать. Не имеет смысла притворяться, что я не права.

Марти дотронулась до плеча Нандри. Она и не знала, что дочь таила в себе столько гнева и негодования.

Нандри отбросила ее руку.

— Но... но... все не так! — протестовала Марти, мысленно умоляя Господа прибавить ей мудрости.

— Не так? А как? Наверное, мне привиделось, что отец прыгает на одной ноге, да?

— Я не это имею в виду. Понимаешь, Бог забрал у отца ногу не по злобе. Он...

— А откуда тебе знать, что Он сделал и почему?

— Когда это произошло, — спокойно продолжила Марти, — я тоже не понимала и сопротивлялась этой мысли. А теперь я могу искренне сказать: «На все воля Твоя». Господь поступил так, как считал нужным, и горе превратилось в радость.

— И этой радости достаточно, чтобы оправдать то, что хорошему человеку отрезали ногу?

Марти колебалась, раздумывая над резкими словами, которыми они обменялись за столом. Нандри всегда была предана Кларку. Марти надеялась, что она давно разобралась в отношениях с настоящим отцом.

— Думаю, да... — нерешительно промолвила Марти, а затем с убеждением сказала: — Да, я знаю! Множество событий свидетельствует об этом. Мы начали строительство церкви. Доктор де ла Роза отправился домой и помирился с родителями. И... самое важное — то, что случилось с Джедом, твоим первым отцом. Он...

Но Нандри перебила ее, поднявшись со стула. Ее глаза загорелись от злости.

— А что он сделал, чтобы заслужить Божью милость? Он забыл о нас, оставил маму умирать, а сам сбежал, чтобы чесать языком и жевать табак со старыми друзьями. Хочешь сказать, что такой человек угодней Богу, чем честный, заботливый и...

Но Нандри не смогла продолжать. Она зарыдала, и ее плечи сотрясались при каждом всхлипе. Марти медленно поднялась на ноги: ей мешал округлившийся живот. Она была поражена. Что ответить обозленной, негодующей дочери? Как убедить ее, что Бог — это любовь, и Он щедро одаривает ею, «заслуживает» того человек или нет? Как помочь ей понять, что горечь и ненависть к отцу — не то, ради чего Бог подарил ей жизнь, потому что они не принесут ей счастья, покоя или пользы? Ах, бедная Нандри! Как давно ее душит эта тяжелая ноша!

Марти подошла к ней и заключила в объятия. А когда подняла глаза, то увидела изумленную Элли, которая молча стояла у кухонной двери. Марти не слышала, когда она вернулась, и была уверена, что и Нандри не подозревала о присутствии сестры. Элли побледнела и приоткрыла рот, словно не в состоянии уразуметь сказанное. Марти подумала о том, как долго она здесь стоит и как отреагирует на то, что слетело с губ приемной старшей сестры.

Элли набрала в грудь воздуха и вошла в кухню. Она взяла Нандри за руку и нежно отвела обратно к стулу. Нандри села. Нервная вспышка физически и эмоционально утомила ее. Элли передала ей платок, и Нандри громко высморкалась.

Элли подождала немного, а потом спокойно сказала:

— Нандри, я понимаю, что ты чувствуешь. Сначала, когда я услышала о том, что случилось с папой, я тоже этому не поверила. Я винила Бога... немного. Я осуждала Его за то, что Он испортил жизнь хорошему человеку. Знаешь, о чем

я думала? Я думала, что больше не буду гордиться, когда пойду с папой по улицам нашего города. Можешь себе представить? Мне было стыдно идти рядом с таким человеком, как отец, только потому, что он потерял ногу! — Элли грустно покачала головой, потому что стыдилась своих мыслей. — Я всегда считала отца идеальным, но боялась, что он больше не будет мне таким казаться. Я стеснялась его. Люди станут его разглядывать. Я смотрела на других мужчин и думала: «Он не такой хороший, как мой папа, но все же у него две ноги». Я знала, что это неправильно, и вскоре Бог заговорил со мной об этом. Он указал на мою жизнь. Я горда, я тщеславна, мне даже случалось обманывать. «Вот видишь, — упрекнул меня Бог, — ты не идеальна. Но разве отцу стыдно идти с тобой по улице? А ведь ему должно быть стыдно, раз ты так печешься о совершенстве». Я знала, что Он прав. Я куда больше похожа на калеку, чем отец, и мои болезни куда серьезнее. Я больна духовно, а он только телесно. Я молилась и просила Бога простить меня и помочь благодаря этой трагедии чему-то научиться, получить нечто ценное. Я хотела исправить свои недостатки и сделать так, чтобы отец мной гордился. Что касается твоего отца, Нандри, то у него было много пороков, — мягко проговорила Элли. — Наверное, ты была права, когда говорила о нем. Я не знаю, ведь я никогда его не видела. Но Бог знает, кто заслуживает спасения. И даже если он был совсем никчемным человеком, Бог любил его. И папа его любил. Любил так сильно, что позаботился о том, чтобы подарить ему возможность спастись перед смертью... Отец также

не знал, что потеряет ногу, когда делал доброе дело, спасая из шахты мальчишек. Но я думаю, он бы все равно так поступил, даже если бы знал. Уверена, что он бы ничего не изменил. Потому что отец верит: нога не так важна, как душа. Наверняка папа очень расстроится, если услышит, что ты так озлобилась из-за того, что ему отрезали ногу. Он хочет, чтобы события его жизни помогли нам стать сильнее и мудрее. Если этого не происходит, он чувствует боль и разочарование. Это куда сильнее боли, которую причинила ему отрезанная нога.

Нандри молча слушала Элли. Марти тихо молилась о том, чтобы Бог вложил в уста дочери правильные речи, способные утолить жажду молодой женщины. Она также молилась о том, чтобы Нандри поняла и приняла слова Элли.

Вдруг Нандри опять расплакалась, но теперь едва слышно. Элли обняла ее, но не стала успокаивать. Наконец Нандри подняла голову.

— Ты права, — признала она, — а я ошибалась. Я ошибалась все эти годы. Отец поступил неправильно, но это не дает мне права вести себя так же. На мне лежит большая вина, чем на нем, потому что я знаю, как должно поступать. Мне следовало молиться о нем. А вот Клэ так и делала. Я злилась на нее из-за этого. «Пусть получает то, что заслужил», — думала я. Это ошибка, ужасная ошибка! — Нандри уронила лицо на руки и заплакала еще сильнее. — Ах, Элли! — всхлинула она. — Простит ли меня Господь?

— Если бы Он не умел прощать, — сказала Элли, — нам бы всем пришлось тяжело.

— Ма, — промолвила Нандри, как будто только сейчас поняла, что Марти по-прежнему сидит рядом, — ты помолишься за меня?

Марти так и сделала. Элли последовала ее примеру, а затем Нандри долго плакала и молилась, умоляя Господа о прощении. После молитвы они налили кофе и стали обмениваться мыслями о том, чему им удалось научиться.

Наконец Нандри взглянула на часы и объявила, что Джош наверняка беспокоится. Кроме того, ей не терпится рассказать ему о том, что произошло и как ей удалось избавиться от тяжелой ноши.

Элли надела пальто и вышла с ней, чтобы отвязать лошадей, а Марти осталась за столом: ее переполняли радостные, но серьезные мысли.

Нандри поступила неправильно, затаив в себе горечь на долгие годы. Она должна была довериться Богу. С тех пор как она оказалась в доме Дэвисов, ее учили, что Бог остается Богом в любых обстоятельствах. Он любит Своих детей. Его не удивляет ничего из того, что с ними происходит. Он всегда видит, кто испытывает трудности, и возносит человека на крыльях любви. Бог следит за тем, как мы идем по дороге скорби. И если человек любит Господа, то самые печальные события обернутся радостью.

Марти все это знала. И верила. Так почему же она сидит за кухонным столом, когда невестка, живущая в соседнем дворе, сильно в ней нуждается? *«Что мне ей сказать?»* — трусила Марти, — *Понятия не имею. С моим ребенком ничего не случилось. И Ты видишь, Господи, как я хочу его!*

Я эгоистка? Могу ли я пойти к Кейт, несмотря на то, что нахожусь в положении? Ведь она недавно потеряла ребенка!» Марти молча плакала, мысленно обращаясь к Богу.

«*Доверься Мне*», — ответил тихий голос, и Марти вытерла слезы фартуком и поднялась из-за стола. Она отнесет Кейт новую шаль, которую недавно связала. Возможно, новая яркая вещь порадует ее в этот мрачный зимний день.

Марти встретила Элли у двери.

— Пойду повидаться с Кейт, — предупредила она. — Я ненадолго.

— О, хорошо! — ответила Элли. — Кейт по тебе соскучилась. Но ты же ее знаешь. Она бы никогда не решилась пригласить тебя, ведь на улице очень холодно.

— Она хотела меня видеть?

— Кейт каждый день о тебе вспоминает.

— Почему же ты не сказала?

— Кейт попросила меня не говорить об этом. Она боится, что ты чем-нибудь навредишь ребенку. Теперь она еще сильнее, чем раньше, ждет, когда появится маленький.

Марти повернулась, чтобы выйти из дому, но замедлила шаг и стала осторожно ступать по дорожке. В глазах застыли непролитые слезы. Какая она черствая! Кейт встречала ее у двери. Должно быть, заметила издали. Она быстро провела Марти в маленькую кухню и поддерживала, пока та снимала ботинки. Она заметила, что невестка очень бледна.

— Как ты себя чувствуешь, мама? — тревожно спросила ее Кейт.

Марти подумала, что это ей следовало бы задать такой вопрос:

— Все хорошо, дорогая. А у тебя?

Кейт улыбнулась. Смелая улыбка женщины, пережившей большое горе.

— У меня тоже... теперь. Хочешь чаю?

— Пожалуй, нет.

— Тогда кофе?

— Нет. Дело в том, что мы только что пили кофе с Нандри.

— *Нандри* приходила в гости? В такой холодный день?

— Похоже, ей очень нужно было поговорить.

— Я не видела, что она идет. Хотя, конечно, в это время мы болтали с Элли.

Марти села на стул и вытащила ярко-голубую шаль.

— Я кое-что принесла, — сказала она. — Подумала, что, возможно, тебе хотелось бы обновки.

Кейт улыбнулась:

— Чудесная шаль, мама! Мне очень нравится этот цвет... ты знала, что голубой — мой любимый?

Да, Марти помнила об этом. Кейт взяла шаль и стала вертеть длинные кисти вокруг изящных пальцев.

— Мне следовало прийти раньше, — медленно проговорила Марти, но...

— Ничего страшного, мама. Мы с Клэром понимаем, что ты очень за нас переживаешь. Я боялась, что наше горе каким-то образом навредит новому брату или сестричке Клэра. Ты уверена, что хорошо себя чувствуешь?

- Все прекрасно.
- Он толкается?
- Да. Она очень энергичная девочка.

Кейт улыбнулась, услышав слово «она», и вздохнула с облегчением.

— Раньше я не думала об этом, но потом вспомнила, что несколько дней не чувствовала толчков. Я решила, что ребенок отдыхает, или это я так привыкла к его движениям, что перестала их замечать.

— Так ты думаешь... — Марти не нашла в себе сил, чтобы закончить вопрос.

Но Кейт поняла ее:

— Доктор сказал, что малышка умерла за два или три дня до...

У нее сорвался голос, и Марти поторопилась закончить:

— Мне очень жаль, Кейт.

Кейт заморгала, чтобы прогнать слезы:

— Мне тоже очень жаль, мама. Но доктор сказал, что иногда Бог выбирает этот способ, чтобы позаботиться о ребенке, который... у которого есть какие-то проблемы. И я подумала о Ванде, мама. Я знаю, что она любит своего Ретта и не отдаст его за все богатства мира, но... я не уверена, что смогла бы такое выдержать. Если наша девочка была... больной... не совсем нормальной, то я благодарю Бога за то, что Он забрал ее. Трусливо так думать, да?

— Трусливо? Нет, Кейт. Ни в коем случае. Я... я считаю, что в жизни есть вещи, пережить которые труднее, чем... чем смерть.

— Мы с Клэром говорили об этом. Сначала нам было очень тяжело. Ведь мы так ждали ребенка! А потом Клэр сказал: «Давай подумаем, что в этом было хорошего». Сперва я не понимала, что он имеет в виду. Но Клэр объяснил мне: «Мы по-прежнему живы, — сказал он, — мы сильные и здоровые. Доктор уверяет, что такое вряд ли случится снова, и у нас будут другие дети. Наш ребенок не болен — ни умом, ни телом. Он не будет страдать. На небесах ей хорошо, она не испытает тягот земной жизни. Так что нам есть за что благодарить Господа».

Марти поморгала, чтобы сдержать слезы.

— Мы переживем это, мама. Мы стали ближе друг другу. Я всегда любила Клэра, но последние события... Я поняла, какой чудесный, заботливый, самоотверженный и набожный человек взял меня замуж. Я не только люблю его, но вижу в нем духовного наставника в доме.

Марти наклонилась и взяла Кейт за руку.

— Мы многому научились, мама. А главное — мы узнали, что все, чему нас учили о Боге, — это правда. Он помогает тем, кто в Нем нуждается, пережить сложные времена и облегчает боль. Мы чувствовали, как друзья и родные молятся за нас. Я никогда не ощущала, что меня так... так... любят и защищают, как в последние несколько дней.

Марти полезла за платком. Она пришла, чтобы утешить Кейт, но Кейт утешает ее.

— Клэр сказал, что мы могли бы прийти на ужин, когда нас пригласят, конечно, — сказала невестка, внезапно меняя тему. — Так как насчет приглашения? Мне не терпится хоть

ненадолго выйти из дому. — Она улыbnулась и добавила: — Я бы могла кое-что добавить к столу...

Марти рассмеялась сквозь слезы:

— Счита́й, что вас уже пригласили, — твердо сказала она. — Сегодня вечером. Мы очень хотим вас увидеть, ведь мы очень по вас скучали! Кажется, мы так давно не виделись!

— Мне тоже так кажется, — призналась Кейт. — Но силы прибавляются с каждым днем. В следующее воскресенье я собираюсь пойти в церковь, если будет не слишком студено. Доктор сказал, что мне следует опасаться простуды. Я молюсь о том, чтобы день выдался ясным.

— Я тоже помолюсь об этом, — пообещала Марти.

— Ах, мама! — воскликнула Кейт. — Я считаю дни и жду не дождусь, когда родится маленький! Мне так хочется его обнять и поиграть с ним!

— С ней, — исправила Марти.

— Ну да, — с ней. Ведь этот *наш* ребенок должен был родиться мальчиком. Но я рада, что это была девочка. Она была красивая, правда? Клэр сказал, что понял одну вещь. Раз Бог создает девочек такими хорошенькими, то в следующий раз он не станет просить послать нам мальчика.

— Пожалуй, для меня это тоже неважно, — согласилась Марти. — Но мы с домашними всегда играли в такую игру: мальчик или девочка? Сейчас девочки думают, что их меньше, чем мальчиков. Это не совсем так — если учесть Нандри и Клэ. Их то принимают в расчет, то нет, — в зависимости от того, что нужно в данный момент, — рассмеялась Марти.

— Может, попросить Бога, чтобы он прислал нам и мальчика, и девочку?

— Ну вот еще! — воскликнула Марти, подняв руку. — Мне хоть бы с одним управиться!

Они дружно рассмеялись, а потом Марти поднялась, чтобы уйти.

— Я рада, что ты пришла меня навестить, мама, — тепло сказала Кейт. — Я очень по тебе скучала. Па заходит время от времени, и это здорово нас поддерживает. Клэр рад, что у него такой отец.

Марти тепло обняла Кейт, и они обе почувствовали, как ворочается в животе младенец.

Кейт со смехом отпрянула назад:

— Да она живехонька! Как толкается! Маленькая проказница! Мне не терпится с ней познакомиться.

Марти тоже этого хотелось.

— Ну, увидимся за ужином! Я поспешу домой, чтобы поделиться хорошими новостями с Элли.

— Придем с удовольствием. Будет приятно увидеть вас всех снова, — сказала Кейт и добавила: — Пожалуйста, осторожнее, когда идешь по льду!

Марти пообещала ей это и не спеша направилась к дому, глубоко вдыхая морозный воздух. Да, ей следует чаще выходить на улицу. Свежий воздух полезен. Да и физические упражнения не помешают.

Кейт тоже полезно прогуляться. Марти молилась о том, чтобы скорее потеплело и Кейт могла выйти на прогулку, — это поможет вернуть на ее щеки румянец. Милая Кейт!

Какая она смелая! Марти вспомнила о детской комнате. Они оставят ее такой же, как раньше? Ей не хватило духу спросить об этом. С Божьей помощью, вскоре она вновь им понадобится.

Глава двадцать первая

ЛЕЙН ПРИХОДИТ НА УЖИН

— Смотрите, кого я привел! — объявил Кларк. Марти подняла глаза, ожидая увидеть Клэра. Но вместо него в дверном проеме молча стоял Лейн. Он нервно снимал перчатки.

— Лейн! Как я рада тебя видеть!

Марти скорее почувствовала, чем увидела, как Элли подняла голову.

— Мы по тебе скучали, — продолжала она. — Как идут дела на ферме Ла Хэй?

— Прекрасно, — ответил Лейн, — просто прекрасно. Вчера получил письмо от хозяина. Он говорит, что на следующей неделе семья возвращается домой. Мистер Ла Хэй, отец Вилли, решил остаться на Западе. Брат Вилли присоединится к ним, когда найдет покупателя для фермы.

— Он хочет ее продать? — удивленно спросила Марти.

— Похоже, ему понравился Запад, — объяснил Лейн.

— Ну же, входи, погрей руки у огня, — предложила Марти. — На ужин у нас отличный жареный цыпленок. А еще Элли испекла к нему свежий кукурузный хлеб.

Лейн вошел в комнату, и Марти добавила:

— А я вот сижу целыми днями напролет и наблюдаю, как работают другие.

Все дружно рассмеялись и сели за стол.

Лейн не смел посмотреть Элли в глаза. Ему казалось, она способна прочесть его мысли.

Он раздумывал о том, сможет ли он обеспечить ее, если останется здесь, и она согласится выйти за него замуж. Да, он может работать на ферме. Он научился ухаживать за домашней скотиной, но понятия не имел, как сажать и собирать урожай. Но он научится, пообещал себе Лейн. Он спросит, как это делается. Будет умолять, чтобы ему рассказали — на коленях, если потребуется, — лишь бы это помогло ему добиться Элли. Но нужно подумать о деньгах. На Западе, если у человека достаточно смелости, чтобы самостоятельно заниматься хозяйством, цены невысоки. Но здесь всю землю уже распродали и обрабатывали. Если человек хотел продать ферму, он назначал за нее высокую цену. Лейн знал об этом наверняка, потому что уже наводил справки. Например, брат Вилли. Его цена была так далека от той суммы, которую удалось собрать Лейну, что, если он назовет ее банкиру, тот рассмеется ему в лицо.

Нет, выхода нет. Вряд ли ему удастся обеспечить Элли достойное существование. А Элли не может допустить, чтобы

мать страдала, и потому не согласится поехать на Запад. Лейну казалось, что он зашел в тупик.

Он не смотрел Элли в глаза, чтобы она не увидела в его взгляде боль. А может, это для нее не так важно, рассудил он. Может, он не нравится ей так, как она нравится ему. Вокруг полно ребят с ферм, которые с удовольствием привели бы Элли в собственный дом. Лейн понял это, когда они были на празднике. Элли будет лучше с кем-нибудь из них. С другим мужчиной она будет счастливее, чем с ним. А Лейн больше всего на свете хотел, чтобы Элли была счастлива.

— Когда ты сказал, что привел какого-то гостя, — обратилась к Кларку Марти, — я решила, что ты говоришь о Клэре или Кейт. Они придут к нам сегодня вечером.

Кларк обрадовался.

— Чудесно! — воскликнул он. — Должно быть, Кейт уже лучше. Хорошо, что семья опять собирается вместе.

Элли грациозно двигалась по кухне, накрывая на стол и накладывая в тарелки аппетитные блюда. Лейн незаметно наблюдал за ней. Она взяла с подоконника маленькую фиалку с нежными лиловыми цветками и поставила ее в центр стола.

— Почти как прекрасные глаза Кейт, — сказала она Марти.

— Так мы вскоре простимся с Ла Хэй? — спросил Кларк, подвигая стул к Лейну. — Никогда бы не подумал, что им так понравится Запад. Впрочем, к нему постепенно привыкаешь.

Лейн вспомнил о Западе. Он любил его. Постепенно привыкаешь? Он не знал на земле места прекраснее.

— Наверное, тебе не терпится туда вернуться? — спросил Кларк.

Лейн хотел быть искренним, но не знал, как ответить на этот вопрос.

— Здесь тоже есть кое-что, к чему постепенно привыкаешь, — произнес он и порадовался, что Кларк не стал уточнять, что он имеет в виду.

Шаги на крыльце возвестили о прибытии Кейт и Клэра. Кларк подошел к двери, чтобы приветствовать гостей и помочь им раздеться. Он поцеловал Кейт в лоб и сказал: он очень рад тому, что она решила к ним присоединиться.

Клэр и Лейн энергично пожали друг другу руки. Хотя они пробыли в лесу совсем недолго, между ними сразу установились теплые, дружеские отношения, что было очень приятно Лейну.

Кларк распределил места за столом, и гости уселись. Сам он, как обычно, сидел во главе стола, а Марти — напротив него, на другом конце. Кейт и Клэр сидели слева от Кларка, а Элли и Лейн — справа. Молодого человека волновало присутствие возлюбленной, но он был рад, что ему не приходится смотреть ей в глаза, сидя напротив.

Они весело, оживленно болтали. Даже Кейт с горящими глазами присоединилась к разговору. Только Элли помалкивала. Она неусыпно следила за тем, чтобы в тарелках хватало еды, и не забывала класть новые ломти хлеба на стол. Затем она деловито наливала кофе и чуть дольше, чем обычно, готовила десерт. Марти переживала, что дочери некогда поесть.

После ужина Кларк подбросил несколько поленьев в открытый камин в гостиной и пригласил гостей сесть возле него и насладиться теплом. Марти помогала Элли вымыть тарелки,

но дочь отослала ее из кухни, сказав, что Кейт нуждается в ней гораздо больше. Марти послушно вернулась к домашним.

Лейн места себе не находил, не зная, куда деваться. Время от времени он помешивал в камине кочергой, добавлял пару замечаний к разговору, чтобы его не сочли невежливым, и то и дело перекидывал подушки на кресле. Ему всем сердцем хотелось оказаться наедине с Элли на кухне, но он не смел. Он себе не доверял: наверняка станет запинаться, бормотать и умолять ее, и она сразу поймет, как она ему нравится. Так не должно быть. Он только причинит боль себе и ей, а этого ему совсем не хотелось.

Если бы только он мог уйти, раздумывал Лейн. Какой мукой было сидеть там и слушать семейные разговоры...

Он все время напряженно прислушивался к тому, что происходит в кухне, ловил каждый звук, который производила Элли. Ему было известно, сколько тарелок она вымыла и высушила. Ну вот... она расставляет их по полкам. А теперь столовые приборы. Повесила чашки на крючки. Вытерла стол и буфет. Элли потрясла кастрюлю, прежде чем вылить оттуда воду, и лежащая в ней тряпка тихо зашуршала. Теперь она повесила кастрюлю на крючок и аккуратно развесила рядом с черной плитой кухонные полотенца, чтобы они высохли. Так... все готово. Сейчас Элли снимет фартук и вытрет руки о кухонное полотенце. Придет ли она в гостиную или скроется в комнате?

Элли спокойно вошла в гостиную и села у огня. Она смотрела на огонь, словно пыталась прочитать некое послание.

Вечер казался ей неудачным. Она видела Лейна впервые с тех пор, как... с Рождества, если не считать воскресной службы и похорон ребенка Клэра и Кейт. Она долго думала, что сказать, когда его увидит. И что *он* ей скажет? Спросит ли он, не передумала ли она? Па был уверен, что Лейн не из тех, кто быстро сдаётся. И все-таки он сдался. Может, не так уж она ему и нравилась. «*И все-таки нравилась!*» — спорила сама с собой Элли. Она была в этом уверена. Так почему же он ничего не говорит... и не делает? Наверное, боится, что она опять ему откажет. Элли недоумевала. Неужели девушка может... Нет-нет, ни в коем случае!

Элли пыталась участвовать в разговоре, но вскоре поняла, что это бесполезно. Она извинилась и вернулась в кухню. Заливаясь слезами, она сложила объедки для Рекса на тарелку и тихо вышла из дому.

Лейн просидел в гостиной еще несколько минут. Он был прав: Элли наплевать на него. Наконец он поблагодарил хозяев за вкусный ужин и сказал, что ему непременно нужно ехать домой, чтобы завтра присоединиться к мужчинам в лесу. Заготовка дров на зиму почти закончена, осталось только распилить и нарубить их.

Кларк и Клэр поднялись с кресел проводить Лейна к лошади, но он махнул, чтобы они не вставали.

— Это ни к чему, — заверил он. — Посидите у огня, поговорите в хорошей компании. Я же знаю, где стоит Джек.

Он вышел из дома и молча побрел к амбару. На сердце у него было тяжело. «*На следующей неделе, — повторял он себе, — уже на следующей неделе я уеду.*»

Лейн открыл амбарную дверь и с удивлением увидел мягкий отблеск фонаря. Он и не знал, что Дэвисы оставляют ночью в амбаре зажженный фонарь. Это рискованно, и ни один фермер... И тут он увидел Элли, склонившую голову над подросшим Рексом. Она нежно гладила его, а на ее щеках блестели слезы. Лейн не знал, стоит ли ему заявить о своем присутствии или идти домой пешком, оставив здесь лошадь. В этот момент Элли подняла голову. Она тихо ахнула и вскочила на ноги.

— Я... я... принесла ему ужин, — быстро объяснила она. Лейн откашлялся. Он не знал, что сказать.

— Он так вырос, да? — запинаясь, произнес он.

Элли смущенно вытерла слезы.

— Да, верно.

Она попыталась рассмеяться, отталкивая Рекса, который отчаянно махал хвостом. Последовала пауза.

— Ты уже домой? — наконец спросила Элли.

— Да. Пора. Я... я... спасибо за вкусный ужин. Совсем не то, что я стряпаю себе на скорую руку.

— Пожалуйста. Всегда пожалуйста. Тебе уже недолго осталось готовить для себя бутерброды?

— Похоже, нет.

Молчание.

— Но ты готовишь намного лучше, чем наш повар.

Они оба не очень весело рассмеялись. Элли потянулась за тарелкой, в которой принесла Рексу ужин.

— Когда ты его заберешь? — спросила она. — И сможешь ли ты его забрать?

— О, обязательно! — поспешно ответил Лейн.

Он не сказал, что плохо представляет, как повезет собаку на Запад в поезде. «Ну, наверняка есть какой-нибудь способ», — подумал он.

— Интересно, зачем ковбою овчарка? — спросила Элли. — Рекс прекрасно научился управляться со скотом. Он уже умеет приводить животных с пастбища и сторожить их. Отличная овчарка.

— Я бы хотел стать фермером, — медленно проговорил Лейн.

Элли удивилась:

— А я думала, тебе нравится жить на Западе и работать на ранчо...

— Да, правда. Конечно, но... — Лейн замолчал.

— Слушай, Элли, — сказал он, — мы должны поговорить. Но не здесь. Мы можем вернуться в кухню или... еще куда-нибудь?

— Давай прогуляемся.

— А ты не простудишься?

— У меня теплое пальто.

Элли поставила тарелку и потянулась за фонарем. Лейн решил, что она собирается взять его с собой, но она поднесла его к открытой двери, задула и поставила рядом с амбаром.

— Боюсь, чтобы не начался пожар, — объяснила она. — Как-то у нас уже сгорел амбар.

Они повернули к дороге. Над ними раскинулось ясное зимнее небо. Там мерцали звезды — мириады звезд. В небе блеснул бледно-желтый тонкий месяц. Ветер тихо шелестел

обледеневшими ветками деревьев. Они шли молча. Но пауза не затянулась надолго.

— Медальон по-прежнему со мной, — сказал Лейн.

— Да?

— Я все еще хочу подарить его тебе... — он решил сменить тему, — я сказал, что готов стать фермером. Я имел в виду, что если... если есть какой-нибудь способ остаться здесь, то... то... Но сколько я ни думал, так и не решил, где взять денег, чтобы купить ферму.

— Работать на ферме тебе нравится больше, чем на ранчо? Лейн хотел быть честным.

— Нет, — ответил он. — На ранчо мне нравится больше.

— Так зачем же тебе ферма?

— Я... я думаю, ты знаешь.

Элли остановилась и схватилась за забор загона. Лейн тоже остановился и встал рядом с ней.

— Элли! — сказал он, сделав глубокий вдох. — Элли, я люблю тебя. Ты знаешь, я не богат. Мне бы хотелось предложить тебе гораздо больше. Ты говорила, что не согласишься уехать на Запад, потому что боишься разбить сердце матери. Я останусь здесь и буду работать на ферме или в городе, если... если найду способ обеспечить тебе достойную жизнь. Я ночами не спал, стараясь придумать, как это сделать, но...

Элли коснулась его руки, и Лейн остановился на полуслове.

— Лейн, — нежно сказала она, — медальон все еще у тебя?

Он был удивлен ее вопросом, но утвердительно кивнул.

— Он у тебя с собой?

Лейн поднял руку к нагрудному карману.

— Вот он, — объяснил он.

— Я бы хотела, чтобы ты подарил его мне, — прошептала Элли.

Она подняла волосы и повернулась к Лейну спиной, чтобы он мог застегнуть цепочку на шее. Вдруг ему показалось, что у него ужасно неуклюжие пальцы, и он засомневался, сумеет ли справиться с крохотным замочком. Но — о чудеса! — это ему удалось. Элли повернулась и, стоя на цыпочках, поцеловала Лейна в щеку.

— Спасибо! — шепнула она.

Лейну показалось, что его разорвет на кусочки: в груди боролись надежда и страх.

— Элли, пожалуйста! Не дразни меня, — взмолился он.

— Я не дразню.

— Но...

— Минуту назад ты сказал, что любишь меня.

— Да... да... это правда.

— И я приняла твой подарок, надеясь, что ты сделал его с любовью.

— Но поцелуй...

— Лейн, — перебила его Элли, — я бы никогда не поцеловала мужчину, которого не люблю.

— А как же мама? Ты говорила...

— Я разговаривала с ней... после того, как со мной поговорил папа. Они оба сказали, что я должна сама строить свою жизнь. Они хотят, чтобы я была счастлива, что бы для этого ни потребовалось. Даже если мне придется уехать на Запад.

— Ох, Элли! — задыхаясь, перебил ее Лейн. Он прижал ее к себе.

Они долго гуляли и беседовали в прозрачном лунном свете и наконец услышали, как хлопнула дверь. Раздались голоса, и они поняли, что Клэр и Кейт направились домой.

— Должно быть, уже поздно, — вздохнула Элли.

— Слишком поздно для разговора с твоим отцом?

Элли улыбнулась.

— Ну, не настолько, — уверила она его, и они рука в руке зашагали к дому.

Глава двадцать вторая

МА ПРИЕЗЖАЕТ В ГОСТИ

Срок, когда Марти должна была родить, приближался. Она часто думала о Ма Грэхам и беспокоилась о том, что давно ее не видела. Она знала, что у подруги есть семья. Но, возможно, она скучает по ней?

Они с Элли планировали съездить за Ма, чтобы та подольше побыла у них в доме, но этим мечтам не суждено было сбыться. Неожиданные роды Кейт и смерть ребенка привели к тому, что они совсем забыли об этом. Теперь Марти была полна желания попробовать вновь. Она сама не знала, почему ей так этого хочется: потому, что Ма нуждается в ней, или потому, что она нуждается в Ма?

Она радовалась, видя, что Элли опять расцвела. Они с Лейном поговорили и помирились. Если кто и заслуживает счастья, так это ее Элли. Она даже радовалась, что

в ближайшем будущем две сестры опять станут жить рядом. Но Марти понимала, что отпустить Элли будет ничем не легче, чем Мисси. Она должна поговорить с Ма. Подруга поймет, что она чувствует.

Марти изложила свой план Кларку:

— Я много думала о Ма Грэхам, — начала она. — Интересно, как она поживает?

— Я тоже вспоминал о ней, — ответил Кларк.

— Нам бы следовало ее проведать, — продолжила Марти.

— Послезавтра я собираюсь в город. Вот и заеду к ней. Посмотрю, пожалуй, нельзя ли ей чем пособить.

Минуту Марти молчала:

— Не думаю, что ей требуется купить что-то в городе, — наконец решила она. — Скорее, ей не хватает... дружеской поддержки.

— Ясное дело, — кивнул Кларк. — Но Лу с женой теперь живут с ней. Да и дочери часто заходят.

— Иногда человек нуждается в соседях не меньше, чем в родных, — сказала Марти.

— По-моему, сейчас это было бы неразумно.

— Что именно? — невинно спросила Марти.

— Тебе не стоит ехать по холоду, чтобы повидать Ма.

— А разве я это предлагала?

— Нет, ты ничего не предлагала, но намекала на это, разве нет?

— Ну, почти... хотя не совсем. Я хотела узнать: может, ты съездишь и забереешь Ма утром, а вечером отвезешь обратно?

Кларк рассмеялся:

— Почему же ты не сказала прямо?

— Я сомневалась, что тебе понравится эта идея, — честно ответила Марти.

— Ты же знаешь, — сдержанно ответил Кларк, — одно дело — что мне нравится, и совсем другое — как я намерен поступить.

Марти погладила мужа по щеке.

— Я знаю, — сказала она, — и люблю тебя за это.

Он рассмеялся и повернул голову, чтобы поцеловать ее пальцы.

— Посмотрим, — сказал он, и Марти поняла, что он пообещал исполнить ее желание.

— Завтра?

— Завтра.

Марти легла в постель счастливой, оттого что завтра увидит дорогую подругу.

Когда на следующее утро Кларк запрягал в сани лошадей, чтобы, как обещал, съездить к Ма и забрать ее, Леди вдруг залаяла и побежала по тропинке к приближающейся упряжке. Это был Лу Грэхам. Кларк бросил вожжи на столбик забора и пошел к саням, постукивая костью по замерзшей земле. Лу приехал не один. Рядом с ним под заботливо подоткнутыми теплыми одеялами сидела Ма Грэхам. После дружеских приветствий Лу объяснил:

— Ма места себе не находила, потому что давно не видела Марти. Я собирался к Спенсерам, чтобы забрать ячмень,

и, раз уж все равно проезжал мимо, решил подбросить ее к вам. Пусть они поболтают, пока я буду у Спенсеров.

— Вот это да! — воскликнул Кларк. — А я запрягал лошадей, чтобы ехать за тобой, Ма. Марти давно хотелось тебя увидеть.

Кларк помог Ма спуститься, и Лу опять засобирался в путь.

— Я сам привезу Ма обратно, когда они с Марти всласть наговорятся, — пообещал Кларк.

— Правда? Мне так будет намного удобнее. Тогда я смогу на обратном пути заехать в город и кое-что купить.

Упряжка выехала со двора, и Кларк вместе с Ма пошел к дому. Он поставит лошадей в амбар и даст им сена, а потом отвезет Ма. Марти не поверила своим глазам, когда Кларк привел в кухню Ма. Она знала, что он никак не мог успеть съездить на ферму Грэхам и вернуться оттуда. Она рассмеялась, услышав, как это произошло, и усадила Ма на удобный кухонный стул. Элли поставила кофе на огонь и приготовила чашки. Затем достала тарелку печенья.

— Пожалуй, я сбегаю к Кейт ненадолго, — сказала она.

— Не так быстро, юная леди, — с хитрой улыбкой сказала Ма. — Я кое-что прослышала о тебе и одном молодом красавце-ковбое. Элли покраснела.

— Это правда? — продолжала Ма.

— Да, правда, если вы слышали то, что, я полагаю, вы могли слышать.

Ма прижала Элли к себе и крепко ее обняла.

— Я счастлива за тебя, — хриловато прошептала она. — Вы, дети, всегда были мне как родные. Я желаю вам счастья, Элли, и да благословит тебя Господь!

У Элли увлажнились глаза, и она поблагодарила ее. У них с Ма Грэхам всегда были особые отношения, Ма как будто стала ей бабушкой, которую Элли никогда не видела.

Ма повернулась к Марти.

— Как ты поживаешь? — просто спросила она. — Ну и зима выдалась! Я много о тебе думала. Сначала ты рассказала мне довольно удивительную новость о том, что вскоре станешь матерью. Затем — ужасное горе, которое случилось у Кейт и Клэра. А теперь это. Наверное, все вместе нелегко вынести.

Марти знала, что Ма ее поймет. Подруга никогда не любила хождений вокруг да около, и потому сразу заговорила о главном.

— Да уж, — ответила она, — зима выдалась тяжелая. Мне было больно оттого, что Кейт и Клэр страдают. Но я горжусь ими, Ма. Они оба оказались очень сильными. Они преподали мне пару уроков.

— Когда я встречаю их в церкви, то вижу, что в них нет ни капли горечи. Я очень рада, Марти. Очень рада. Отчаяние — тяжелая ноша. Мне ли не знать. Я испытала это на себе.

— Ты?

— А как же. Я бы никогда не скинула бремя с плеч, если бы ты не помогла мне прийти в себя.

— Я?

— Ты же не знаешь, как я жалела себя перед Рождеством! Зато я знаю. Я не рассказывала тебе о своих чувствах. А ведь я собиралась долго, мучительно оплакивать свою судьбу. Мне казалось несправедливым, что я потеряла двух

хороших мужчин. Потом я рассудила: «У некоторых женщин и одного хорошего не было!» Мне же посчастливилось любить двух мужчин, но оба умерли. Это несправедливо. Я не хотела бороться с горечью даже для того, чтобы не огорчать детей. Но пришла ты и показала, что для них это очень важно. Я подумала и поняла: и правда, некоторые женщины не в восторге от своих мужей. Они горюют об этом. А у меня было два прекрасных друга. Скольким так повезло? И я еще жалею!

Марти улыбалась, слушая, как рассуждает Ма.

— Я решила, — продолжила она, — что должна поблагодарить Господа за счастливые годы, вместо того чтобы горевать о будущем.

— И как, помогло?

— Еще как! Каждый раз я думаю о том, за что еще я могу Его поблагодарить. У меня хорошая семья, моя и Бена. Мы вырастили хороших детей. Разве этого мало?

Марти искренне согласилась. Какое горе — иметь детей, которые отвергают родителей, отвергают Господа!

— У меня много прекрасных воспоминаний, которые приносят огромную радость, ведь я еще не выжила из ума.

Марти не думала, что Ма «выжила из ума», но она была права.

— Так, значит, боль стала утихать? — мягко спросила Марти.

— Нет, мне все еще больно. Воспоминания часто приносят страдания, но я каждый день повторяю себе: «Вот и наступило завтра. Сегодня тебе будет немного легче, чем вчера».

Марти встала, чтобы налить готовый кофе.

— А как твои дела? — спросила Ма.

Вдруг Марти подумала, что она вполне счастлива. Да, она хотела, чтобы Ма приехала к ней, и она могла излить ей душу и пожаловаться на то, как ей больно видеть, что Клэр очень страдает. Она хотела пожаловаться, что вскоре ей придется расстаться с Элли, а она не представляет жизни без нее. Она надеялась увидеть сочувственный взгляд Ма, боль на лице подруги, отражающую ее собственную, ощутить дружеское пожатие. Но теперь ей это не нужно. Вовсе нет. Она в этом не нуждается. Каждой матери время от времени приходится видеть, что ее дети страдают. Каждой матери иногда приходится прощаться с детьми — и не с одним ребенком, а со всеми по очереди. Такова сущность материнства. Они нянчат, воспитывают, учат детей долгие годы, чтобы потом дети стали свободными — жили, любили, страдали, росли. Вот что значит быть матерью. Марти сглотнула комок в горле и улыбнулась Ма.

— Все прекрасно, — уверила она, — просто замечательно. Зима была хорошей. Горе, которое пережили Клэр и Кейт, еще больше сблизило их и приблизило к Богу. У них еще будут дети. Нандри преодолела негодование, которое испытывала по отношению к родному отцу, и смирилась с тем, что с Кларком произошел несчастный случай. Элли нашла молодого человека, достойного того, чтобы пойти по жизни с ней рядом. Он будет хорошим, богобоязненным мужем. А я... Что ж, у меня есть маленький, и я с нетерпением жду его появления. Мы с Элли надеемся, что родится девочка, но я не стану

возражать и против еще одного мальчика — такого же, как папа или один из старших братьев.

Когда они вернулись с Запада, Марти не так уж хотелось в церковь, ведь в ней больше нет пастора Джо. Она знала, что будет скучать по зятю не только как по члену семьи, но и как по человеку, который стоит на кафедре. Однако привыкнуть к перемене оказалось не так сложно, как она боялась. Она легко узнала, полюбила и научилась уважать молодого священника, который теперь вел за собой паству.

Его звали пастор Браун, но люди в основном называли его пастор Джон. В детстве над ним часто подшучивали. «Эй, Джон Браун! — окликали его дети. — Твое тело еще не сгнило?» И затем начинали распевать песню «Тело Джона Брауна»¹. Джон ненавидел эти дразнилки. Он пытался заставить родных называть его Джеком. Возможно, тогда дети не слышали бы в его имени каламбура. Но у него ничего не вышло. Родные вечно забывали, что он предпочитает имя Джек, а если и вспоминали об этом, дети все равно продолжали его дразнить. Джон решил, что он должен смеяться вместе с ними. Сначала это было сложно, но зато у него появилось восхитительное чувство юмора. Сам Джон Браун никогда ни над кем не смеялся. Он считал, что чувство юмора нужно не для этого. Оно дано людям для того, чтобы смеяться *вместе*, а не *над* кем-то. В общении с людьми пастор Браун проявлял удивительную чуткость. Старожилы поражались тому, как часто он оказывался правым в сложной ситуации. Даже дети, приходившие в церковь, относились к нему с почтением. Никто

не мог обвинить его в том, что он кого-то обидел. Кларк, чинивший упряжь, удивленно поднял голову, заметив, что к нему приближается пастор Джон.

— Здравствуйте! — воскликнул он. — Я сейчас вернусь. Только повешу упряжь на крючок, а потом мы сходим и посмотрим, чем женщины угостят холостяка священника.

Пастор Джон улынулся.

— Я уже был в доме и поздоровался с женщинами. Они пригласили меня на обед, так что я вас опередил. На кухне очень вкусно пахнет.

— Ну что ж, давайте посидим там, — предложил Кларк.

— Нет-нет. Продолжайте чинить упряжь. Я сяду здесь на стул, буду смотреть на вас и говорить. То, что мне нужно сказать, можно сказать и здесь.

Кларк понял, что молодой человек хочет побеседовать с ним наедине, и продолжал работать, чтобы священник собрался с духом и нашел нужные слова.

— Зима такая долгая и суровая, — заговорил он. — Скорей бы она закончилась!

— Точно, — согласился Кларк. — Думаю, что все животные, которые зимуют с нами, дикие и домашние, тоже это чувствуют.

— Да, им тоже этого хочется.

— Кстати, о животных. Вы на лошади?

— Да. По такому снегу тяжело ходить.

— Тогда лучше отвести ее в стойло.

— На солнце не холодно, а я не собираюсь здесь задерживаться.

— Ну, поесть ей не помешает, — ответил Кларк. — Нам потребуется время, чтобы прикончить все то, что наготовили женщины.

Джон Браун рассмеялся.

— Так поспешите же, — предложил Кларк. — Приведите лошадь и поставьте ее в стойло. А я сена подброшу. — Он схватил костыль и сделал то, что собирался.

Пастор привел лошадь и отвязал седло:

— Не могу видеть, как она ест с седлом на спине, — признался он. — Вряд ли бы мне понравилось есть, держа на плечах дневные заботы.

Кларк засмеялся, услышав такое сравнение.

— И мне бы не понравилось, — согласился он.

Они позаботились о лошади, и Кларк снова занялся упряжью. Пастор придвинул к нему стул, чтобы они могли разговаривать, пока Кларк работает. Они затронули много тем: обсудили зиму, городские новости, церковь и новых соседей. Но Кларк был уверен, что молодой священник пришел поговорить не об этом.

— Я слышал, люди говорили, что вы умеете решать сложные вопросы, — наконец сказал пастор.

Кларк даже не поднял голову:

— Вот уж не знаю. Опыта у меня немного. Мне бы хоть со своими трудностями справиться.

Пастор наклонился и взял длинную соломинку, а потом стал ломать ее на мелкие части.

— Вы столкнулись с какой-то головоломкой? — спросил Кларк.

— Точно. Я никогда о таком не слышал и не знаю, как поступить. Я три дня молился, чтобы мне послали ответ, и что-то подсказало мне приехать сюда и поговорить с вами.

Кларк продолжал работать над куском кожи:

— Не уверен, что смогу вам помочь, но если вы хотите поделиться, я готов вас выслушать. А потом мы вместе пораскинем мозгами.

Пастор откашлялся.

— Тема деликатная, — сказал он. — Я не имею права вдаваться в подробности, потому что это значит нарушить тайну исповеди.

Кларк кивнул, показывая, что понимает.

— Речь пойдет об одном из прихожан, — начал пастор.

Кларк видел, как тяжело ему даются объяснения.

— Ходят слухи, что его видели в городе, и там он делал...

Э-э... делал то, что ему не следовало делать.

— Слухи? — переспросил Кларк, поднимая бровь.

— Ну, у меня надежный источник. Я сказал «слухи» лишь потому, что еще не разговаривал с прихожанином, о котором пойдет речь, а человека должно считать невиновным, пока его вина не доказана, верно?

— Верно, — ответил Кларк.

— Ну и... э-э... источник... говорит, что такое происходило не один раз. Он уверен, что другие люди тоже это видели, и это отразится на всей церкви.

— Понятно, — заметил Кларк.

— Если все так и есть, и он делает то, что... ему не следует делать... тот человек прав, Кларк. Это может повлиять на

других прихожан. Это неправильно... противоречит Божьим заповедям... И я не знаю, как поступить.

— А ваш... э-э... источник что-нибудь предлагал?

— Он хочет, чтобы я запретил грешнику ходить в церковь.

— А вы чего хотите?

— Насколько я понимаю, мои желания в данном случае не имеют никакого значения. Мне нужно знать, Кларк, что угодно Господу.

Кларк отложил упряжь и посмотрел в честные голубые глаза пастора Джона. Он еще больше зауважал молодого человека:

— Думаю, нам лучше разбираться постепенно, — заявил он и опустил на солому, вытянув единственную ногу. — Прежде всего, некто... Думаю, я имею в виду вас... должен поговорить с тем прихожанином и выяснить, если возможно, правда ли, что он виновен. Если он откажется говорить правду, то нужно подробнее расспросить источник и других людей. Если один человек видел эти... эти...

— Неблагоразумные поступки, — подсказал пастор.

— Неблагоразумные поступки, то, скорее всего, есть и другие свидетели... если только ваш источник за ним не шпионит.

— Нет, все не так, Кларк. Это хороший, заслуживающий доверия человек. Он заботится только о благе церкви. Он не доносчик и не сплетник.

— В данном случае к его свидетельствам стоит отнестись очень осторожно.

— Я тоже так считаю. Разумеется, человек, которого он обвиняет, должен иметь возможность оправдаться.

— Несомненно, — согласился Кларк.

— Я обязан повидаться с ним и выслушать его. Теперь остается понять, что мне делать после этого.

— Ну, предположим, сначала он скажет, что ни в чем не виноват.

— В это трудно поверить, но мне придется положиться на его слово, пока у меня не появятся доказательства обратного.

— Хорошо, — сказал Кларк, — с этим определились. Будем считать его невиновным, пока не доказано обратное.

— А если он признает свою вину?

— Что говорит по этому поводу Библия?

— Вы имеете в виду, что я должен взять двух-трех свидетелей, чтобы они убедили его, что он поступает неправильно?

— Если он признает свою вину, то вряд ли станет отрицать, что поступает неправильно, хотя, конечно, некоторые используют эту увертку.

— Хорошо. Допустим, он признает вину, но не пожелает прекращать... прекращать то, что он делает. Что тогда? Будет ли наша маленькая церковь наказывать своих прихожан?

— Сначала нам нужно подумать, что представляет собой наказание и в чем его цель.

— Наказывать собрата по вере непросто, Кларк. Кто осмелится утверждать, что он так праведен, что никогда не упадет? Я не могу назначить себя и судьей, и присяжными.

— Вы не судья. Мы судим человека согласно Слову Божьему. Если оно говорит, что это неправильно, то мы не можем на это повлиять.

Молодой священник кивнул:

— Но имеем ли мы право судить грешника или нам следует предоставить это Богу?

— Должны ли вы исправиться, если согрешили?

— Несомненно. Я виновен, а значит, я должен исправить то, что натворил, и, если необходимо, возместить убытки.

— Библия говорит, что все прихожане составляют единое Тело. Если у меня болит некий орган, то все тело чувствует боль. Если часть Тела Христова грешит, то мы ответственные за это и должны исправить положение. Если мы, прихожане церкви, принимаем это и закрываем на грех глаза, то мы тоже виновны.

Молодой священник погрузился в глубокие раздумья.

— Если я, зная о чужом грехе, не делаю попыток его исправить, то это и мой грех тоже, — заключил он.

— По-моему, так, — сказал Кларк. — Я не богослов и поэтому не знаю, как это объяснить.

— Значит, мой долг позаботиться о том, чтобы грешник исправился. Ах, как не хочется, Кларк! Нелегко наставлять на другого человека указующий перст.

— Да, нелегко. Но вам станет легче, когда вы поймете, в чем смысл этого указующего перста, как вы его называете.

Кларк поменял позу и продолжил:

— Церковное наказание накладывается по двум причинам, чтобы держать Тело Христово в чистоте и помочь грешнику обрести прощение и примириться с Богом. Наказание не должно иметь других целей. Его смысл не в том, чтобы заставить человека страдать, заплатить за проступки, бичевать его,

добиваясь покорности, или доказать людям свою чистоту и благочестие. Бог и так знает, чисты мы или нет.

— Восстановить истинные отношения с Богом, — рассудил молодой священник. — Но должен ли я отлучить его от церкви?

— Если он исправит ошибку, то в этом нет нужды. Он по-прежнему часть Тела Христова, которую простили так же, как меня и вас.

Священник улыбнулся.

— Ах, — воскликнул он, — я бы хотел, чтобы все так и было!

— Мы все этого хотим, — заверил его Кларк, — но иногда так не получается. Если он не станет вас слушать и не исправится, то остается самое сложное. Вам придется отлучить его от церкви. Да, это тяжело, брат Браун. Очень тяжело.

Пастор глубоко погрузился в свои мысли.

— Кларк, у меня к вам просьба, — сказал он наконец. — Завтра я собираюсь встретиться с этим прихожанином. Я не назвал его имени и не сказал ничего конкретного. Если завтра он узрит свой грех и попросит у Бога прощения, вы никогда не узнаете деталей. Если же нет, то я хотел бы, чтобы вы и два других пастора отправились со мной к нему в следующий раз. Если он так и не согласится исправиться, то мы вынесем эту тему на обсуждение конгрегации. Я надеюсь, что это не понадобится. Не могли бы вы помолиться о том, чтобы Бог тронул его сердце, и мы не потеряли брата во Христе? Я знаю, что тяжело молиться, ничего не зная толком, но...

— Непременно, — пообещал Кларк, — я много раз молился о нужде, не совсем понимая, в чем она заключается. Конечно,

вам понадобится Божья мудрость и руководство, когда вы будете говорить с этим прихожанином.

Пастор кивнул в знак согласия.

— По-моему, сейчас самое время помолиться, — предложил Кларк.

Они вместе опустились на колени и искренне попросили Господа помочь им и прибавить мудрости.

— Спасибо, — сказал молодой пастор, пожав руку, протянутую Кларком. — Спасибо за поддержку. У меня такое чувство, будто с меня сняли часть ноши.

— Вы прекрасно справляетесь со своей работой, — с чувством заявил Кларк. — Хочу, чтобы вы знали: мы вас ценим и каждый день молим за вас Бога.

Молодой человек улыбнулся и встал с колен. Он протянул руку и помог Кларку подняться, а потом передал ему костыль. Тут они услышали, что Элли зовет их к столу.

— Ох, — воскликнул молодой священник, — как я голоден! Я только что вспомнил, что забыл утром позавтракать.

— Что ж, надеюсь, вы будете обедать с аппетитом, — засмеялся Кларк. — Не могу представить, чтобы один из моих сыновей так увлекся, что забыл поесть.

Глава двадцать третья

ЭЛЛИ СТРОИТ ПЛАНЫ

Семья Ла Хэй, приехав с Запада, мечтала быстрее поделиться впечатлениями с Дэвисами. Вскоре они приехали навестить их.

У них было много новостей о Вилли, Мисси и их троих детях. Они говорили, что малышка родилась прехорошенькая. Она уже научилась ползать, и Мисси стоит немалых трудов следить за ее проказами. Они хвалили земли Вилли, восхищались маленькой церковью по соседству, школой, в которой учительствовала Мелинда, горами, холмами и пастбищами. *«Если я услышу что-нибудь хорошее о ветре, — подумала Марти, — значит, они сошли с ума».* Но о ветре никто и слова не сказал. Семья Ла Хэй все решила: они возвращаются на Запад. Они собирались продать ферму и как можно скорее уехать.

Мисси прислала подарки всем родным. Она сшила из лоскутков одеяло для будущего

братика или сестры. Марти гладила мягкую шерсть и представляла, как дочь работала над подарком. А Натан или Джосайя спрашивали ее: «Мамочка, а что ты делаешь?..» И Мисси отвечала: «Я шью одеяло для твоего нового дяди или тети». Забавно получилось!

— Ты тоже без ума от Запада? — спросила она Калли.

— Я полюбила эти места, — уверенно ответила она. — Не сразу, в отличие от мужчин, но когда я все-таки приняла решение, то больше в нем не сомневалась.

— Вы уже определились с тем, где поселитесь?

— Да, присмотрели несколько мест. Особенно нам понравился один участок: там есть маленький домик, большой амбар и источник.

— А он далеко от ранчо Мисси и Вилли?

— На лошади ехать четверть часа.

Марти понятия не имела, сколько это миль, но, пожалуй, на Западе расстояние разумнее измерять по времени, а не в милях.

— Довольно близко, так что будем часто видеться, — заверила ее Калли.

— А что говорит отец? Где он собирается жить?

— Вилли первый предложил ему перебраться к ним, и отцу там очень нравится. У него уже есть лошадь. Даже три. И он помогает со скотом. Он бы работал целый день, если бы Вилли ему позволил. А тот только посмеивается и иногда просит подсобить, но, конечно, не каждый день. Вилли говорит, что папа лучше всех в округе строит заборы. Папа подружился с ковбоями, которые живут в бараке, и с удовольствием переехал бы

к ним, но Вилли и Мисси настояли, чтобы он поселился в маленькой спальне в их доме. Мисси говорит, что там намного спокойнее, но папе спокойствие ни к чему. Он любит быть в гуще событий.

— Я рада, что он там счастлив.

— О да, он очень доволен! Никогда не видела его таким счастливым с тех пор, как умерла мама.

— Так он живет у Вилли и Мисси?

— Он пообещал, что иногда будет гостить у нас. Ему не терпится помочь нам обустроиться на новом участке.

Марти решила, что все идет хорошо. Она всем сердцем надеялась, что у родственников все получится.

— Вы уже нашли покупателя на вашу ферму? — спросила она.

— Пока нет, но мы уверены, что он не заставит себя ждать. Продавать лучше всего весной или ранней осенью. Люди редко подыскивают ферму, когда снег засыпает нас по самые уши.

Марти согласилась:

— Вы останетесь здесь, пока не продадите ферму?

— Точно не знаю. Нам бы, конечно, хотелось вернуться как можно скорее. Мы собираемся привести все в порядок и купить скот, как только вырастет весенняя трава. Надо поговорить с Лейном. Попытаюсь убедить его еще ненадолго остаться здесь, присмотреть за фермой, пока не найдется покупатель. Если он согласится, то, надеюсь, мы уже очень скоро вернемся на Запад.

В груди Марти затеплилась надежда. Может, Элли не придется вскоре ее покинуть? Марти знала, что дочь и Лейн строят планы, но не расспрашивала ее. Элли сама ей все расскажет.

Марти угощала гостей кофе и пирогом, прислушиваясь к оживленному разговору. Приятно слышать, как люди с энтузиазмом предаются мечтам, даже если ты не имеешь к ним никакого отношения!

Элли, словно зачарованная, слушала новости о Западе. Она хотела знать и любить его так же, как Лейн, чтобы, когда она туда приедет, сразу почувствовать себя его частью. Ей казалось, что западные просторы созвучны широкой душе ее возлюбленного.

— Ты слышала, они хотят, чтобы Лейн остался работать на ферме, пока ее не продадут весной? — спросила она мать.

— И он согласился?

— Это словно ответ на молитву! — с чувством воскликнула Элли.

Марти оторвала глаза от работы.

— Мы с Лейном думали, что ему вскоре придется уехать, а мне — последовать за ним, но позднее.

— Почему позднее? — спросила Марти.

— Ах, мама, ты же знаешь, что я не оставила бы тебя одну, пока ребенок не появится на свет! И сразу после этого, разумеется. Я уеду не раньше, чем ты встанешь на ноги, и я буду уверена в том, что все идет хорошо.

— Да, положение тяжелое, — согласилась Марти.

— А наша свадьба — это сплошная головная боль. Мы придумали два варианта, но я от обоих не в восторге. Мы могли бы пожениться сейчас, чтобы Лейн уехал один, а я последовала за ним через некоторое время. Но мне бы не хотелось

так быстро расставаться с мужем, который у меня только что появился, — застенчиво заметила она. — Или, — продолжала Элли, — можно подождать и пожениться после того, как я уеду отсюда. Но это мне не нравится, потому что в таком случае вы с папой не сможете присутствовать на свадьбе.

— Мне это тоже не нравится, — призналась Марти.

— Вот потому я и говорю, что все эти события — словно ответ на молитву, — повторила Элли. — Мы можем пожениться сразу после того, как родится ребенок. Я останусь здесь, чтобы помогать тебе, а жить мы будем в доме Ла Хэй. Калли разрешила.

Марти была рада это слышать. Элли еще несколько месяцев будет жить дома. А она благодарна за каждый день, проведенный рядом с дочерью.

— Ну что ж, значит, вы все решили.

— Да, мы много об этом думали.

— И когда вы собираетесь пожениться?

— Маленький должен родиться в конце февраля, правильно?

— Судя по моим расчетам, да.

— Значит, мы поженимся в конце марта. Так что ты не останешься на свадьбе, потому что успеешь прийти в себя после родов, и у меня будет время, чтобы помогать тебе и после свадьбы.

— Святые небеса, доченька! Ты и так меня разбаловала. Ты думаешь, что я не смогу позаботиться об отце и малыше спустя месяц после родов?

— Ну, мама, мы не хотим, чтобы ты уставала.

Марти смахнула слезы: Элли такая заботливая!

— Послушай, дорогая, — сказала она, — я не хочу с тобой расставаться... И ты это знаешь. Но, пожалуйста, планируйте все так, как удобно вам. Не надо под меня подстраиваться. Я прекрасно себя чувствую и быстро оправлюсь после рождения маленького.

Элли подошла к матери и обняла ее:

— Тогда я скажу Лейну, что мы поженимся в конце марта, — прошептала она.

Глава двадцать четвертая

ЦЕРКОВЬ И ДОМ

Кларк доил корову, когда к нему подъехал пастор Джон. Он вошел в амбар, крепко пожал хозяину руку и широко улыбнулся.

— Все получилось, — просиял он. — Нам не придется делать следующий шаг. А главное — не придется отлучать его от церкви.

Кларк обрадовался, увидев его улыбку:

— Подождите, я сейчас закончу с Буренкой, и вы мне все расскажете, — попросил он. — Осталось недолго.

Пастор стал прогуливаться рядом с амбаром. Он остановился, чтобы погладить кошку, а потом продолжал расхаживать взад-вперед. Кларк видел, что ему не терпится поделиться с ним. Он старался доить быстрее. Кларк повесил ведро, до краев наполненное пенным молоком, как можно выше, чтобы до него не добрались кошки, и поставил стулья для себя и священника.

— Садитесь, пожалуйста, — предложил он, и священник уселся.

— Я поехал повидаться с этим человеком, — начал пастор Джон. — Должен признать, мне пришлось нелегко. Я не знал, с чего начать, но потом все-таки завел разговор о том, что меня волновало. Я передал ему все в точности, как это передали мне. Затем добавил, что решил выслушать его точку зрения. Правда это или нет? Сперва он говорил расплывчато. Я боялся, что мы ни к чему так и не придем, ожидал, что он будет полностью все отрицать. Он даже немного рассердился, и мне показалось, что у меня ничего не получится.

Пастор быстро окинул взглядом амбар.

— Тогда я решил, что лучше остановиться, — продолжал он, — пока он не потерял терпения. Я сказал: «Давай помолимся, а потом продолжим. Ты — мой друг и брат, и я не хочу тебя терять». Он удивился, но склонил голову. Мы стали молиться, и вдруг я услышал всхлипывания. Кларк, он рыдал, как ребенок! Не помню, чтобы что-то растрогало меня так сильно, как слезы этого мужчины!

Молодой священник замолчал. На его лице отразились сильные чувства:

— Наконец мы оба встали с колен, и он исповедовался и обещал исправиться... стать хорошим человеком. Вы знаете, Кларк, что некоторые грехи смыть невозможно. Я думаю, что мысли о прошлом будут преследовать его. И он тоже это знает. Нам нужно усердно молиться о нем. Битва еще не закончена. А может, она никогда не закончится. Вот в чем сила греха. Он оставляет уродливые шрамы.

Кларк кивнул в знак согласия.

— Но он вновь почувствовал себя прощенным и очищенным от греха и сказал, что не может передать, как рад, что избавился от него. Как хорошо, что я пошел к нему... Это самая тяжелая работа, которую мне случалось выполнять.

— Я тоже рад, — заметил Кларк.

— Ну, а потом мне нужно было заехать к... — пастор Браун запнулся и с улыбкой продолжил, — источнику.

Кларк тоже улыбнулся и кивнул еще раз.

— Сначала его не было дома. На следующий день я был занят, и у меня не нашлось времени. У миссис Уотли обострение, и я целый день провел с ее семьей.

— Как она себя чувствует?

— Она опять бодря и здорова. Поражаюсь выносливости женщин! Мы уже думали, что прощаемся с ней, но каждый раз ей удается побороть смерть. Так вот, вчера я наконец побывал у источника и рассказал то же, что и вам. Я не знал, как он будет реагировать, и боялся, что в свете того, что произошло, он испугается общественного мнения и станет настаивать на том, чтобы исключить грешника из церкви. Я описал ему, что произошло, Кларк, и по его щекам побежали слезы! Он все время повторял: «Слава Господу, слава Господу! Наш брат к нам вернулся! Слава Господу!»

Кларк был глубоко тронут, он видел, что и пастор Джон чувствует то же самое. Минуту они сидели молча, погружившись в свои мысли. Наконец Кларк решил прервать молчание:

— Значит, он будет на воскресной службе.

Это был не вопрос, а утверждение.

— Да, он часть Тела Христова. Весомая часть, по моему мнению.

— Слава Господу! — улыбнулся Кларк. — Как говорит ваш источник...

— Я так рад, что приехал к вам. Вы направили меня на верную дорогу.

— Ну нет, уж позвольте! — перебил его Кларк. — Не помню, чтобы направлял вас куда-то.

— Но вы...

— Мы. Мы вместе вспоминали, что говорится в Священном Писании. Вы прекрасно его помните и сами приняли решение. Вы и так знали, что следует предпринять. Если вы хорошенько подумаете, то согласитесь.

Священник помолчал. Потом улыбнулся.

— И все-таки мне требовалась ваша помощь, — настаивал он, — нужно было, чтобы умудренный жизненным опытом человек подумал вместе со мной. Спасибо вам! Теперь я вижу: вы не подталкивали и не направляли меня. Вы помогли мне принять самостоятельное решение — постепенно, шаг за шагом, я следовал туда, куда вело меня Священное Писание. Вы могли бы прямо сказать, что делать, но вы поступили по-другому. Спасибо, Кларк! Кажется, мне удалось выучить важный урок. Может, в следующий раз я буду умнее и сам пойду вперед, сверяясь с Библией.

Кларк положил ему руку на плечо:

— Нет ничего плохого в том, что вы поделились ношей со своим братом во Христе. Я всегда рад помочь. Помните об этом.

— Хорошо, — ответил священник. — И еще раз спасибо!
— А сейчас, — предложил Кларк, снимая с крюка ведро с молоком и протягивая руку к костылю, — давайте посмотрим, остался ли в кофейнике кофе.

Люк прислал еще одно письмо. Как обычно, оно было коротким, потому что у него редко выдавалась свободная минутка. Он объяснил, что пишет в то время, когда ему следовало бы учиться. Люк часто думает о матери. Хорошо ли она заботится о себе и будущем ребенке? Он давал медицинские советы о том, что она должна есть и сколько двигаться, увещевал избегать избыточного напряжения. Марти улыбалась, когда читала. Как странно, что ее малыш носится с ней, словно мама с ребенком! Точнее, как врач с пациентом. Люк станет хорошим врачом, если, конечно, не станет принимать слишком близко к сердцу болезни пациентов. Марти боялась думать о том, как он переживет тот день, когда один из них умрет. А ведь такой день непременно настанет. Всем докторам приходится сталкиваться со смертью. Люку будет очень тяжело, ведь он так чуток к горю других людей! Марти молилась о том, чтобы его скорбь не была мучительной.

Клэ тоже прислала еще одно письмо. Они виделись с Люком. Он приходил к ним на обед в воскресенье после службы в церкви. Дети его обожают! У малыша Джо появился зубик. Он мучился, пока зуб не прорезался, но, когда это произошло, стал весел и доволен. Клэ надеялась, что им не придется вновь и вновь переживать то же самое, когда у него пойдут другие зубы.

Арни и Анна пришли к ним на воскресный обед. В доме Дэвисов собралось множество людей. Кейт и Клэр по такому случаю покинули маленький домик, Нандри и Джош привели детей. Было так приятно видеть, что Нандри смеется и шутит вместе со всеми! Она казалась моложе и счастливее, чем раньше. Лейн тоже пришел — он делал это каждое воскресенье. Родные подшучивали над ним с Элли, но влюбленные не возражали. Казалось, дом гудел от смеха и радостных разговоров. Марти огляделась по сторонам и про себя возблагодарила Господа за всех детей. Тина так выросла! Она почти превратилась в юную леди, и Марти пришло в голову, что и она, и другие ее внуки тоже вскоре вылетят из гнезда. *«Господи, как быстро бежит время! По-другому и не скажешь»*, — подумала она с грустной улыбкой.

Вся семья веселилась, но, когда день подошел к концу, и последние гости, за исключением Лейна, надели пальто и направились домой, Марти почувствовала себя очень уставшей. Лейн и Элли все еще болтали в кухне. Они говорили тихо, но их голоса были исполнены любви и надежды. Марти повернулась к Кларку и сказала, что поднимется наверх и ляжет в постель.

Кларк поднял глаза на часы:

— Еще довольно рано, разве нет? — спросил он с легким беспокойством.

Марти тоже посмотрела на часы. Она с трудом поверила, что вечер только начался. Может, часы остановились? Но нет, они по-прежнему тикали. Без десяти восемь. Она устало улыбнулась мужу:

— Что ж, — сказала она, — это был долгий день. Наверное, я уже отвыкла, что в доме собирается столько людей. Давненько все наши дети не сидели за одним столом.

Кларк кивнул и встал со стула:

— Ты права, — согласился он. — Тебе лучше прилечь, — заметил он и подошел, чтобы провести ее по лестнице.

Как всегда, его помощь была такой своевременной!

Марти разделась и залезла под теплые одеяла. Как приятно растянуться в кровати, положить уставшее тело на мягкую постель! *«Ты стареешь, — пожалела сама себя Марти, — и должна это признать. Возраст сказывается»*. Но она искренне надеялась, что не так стара, как показалось ей вечером. Она устала, но вовсе не чувствовала, что ей хочется спать.

Когда спустя долгое время в спальню вошел Кларк, Марти еще не спала. Она ворочалась с боку на бок, стараясь найти удобное положение, но ничего не помогало.

Кларк прикоснулся к ее лбу:

— С тобой все в порядке? — спросил он. — По-моему, ты неважно себя чувствуешь.

— Наверное, я немного переутомилась, — ответила Марти. — Или слишком рано легла спать. Я не привыкла укладываться в восемь часов вечера.

— А сейчас уже половина одиннадцатого, — заметил Кларк.

— Ого! — воскликнула Марти. Они немного помолчали. — Значит, я скоро засну.

Наконец она и впрямь погрузилась в легкую, беспокойную дремоту.

В два часа ночи Кларк проснулся. Сначала он не понял, что его разбудило, но потом почувствовал, как ворочается Марти. Она тихонько застонала. Видимо, она не до конца проснулась, но ее сон был неглубоким. Кларк подождал немного и вновь услышал стон:

— Марти! — позвал он, нежно тронув ее за плечо. — Марти, с тобой все в порядке?

Марти зашевелилась и открыла глаза. Кларк еле различал ее лицо в лунном свете, который струился в окно.

— С тобой все в порядке?

— Я забыла закрыть ставни, — пробормотала она.

— Да ну их, эти ставни! Скажи, как ты себя чувствуешь?

Марти покачала головой:

— Не знаю. Кажется... хорошо. Просто... просто...

— Что? — не отставал Кларк.

— Не знаю. Плохо спится.

— Может, дело в ребенке?

— В ребенке? С ним все хорошо.

— Или настал срок? — настойчиво спросил Кларк. Ему хотелось потрясти Марти за плечи, чтобы привести ее в чувство.

— Срок? Рожать ребенка? — Марти широко раскрыла глаза. — Кларк! — взволнованно воскликнула она. — Наверное, так оно и есть! Наверное, пришло время родов!

Кларк не выдержал и рассмеялся:

— Неужели ты, многодетная мать, забыла о том, что когда-нибудь малыш попросится наружу?

Марти тоже захихикала:

— Наверное, я привыкла... к тому, что он там.

Кларк быстро спустился с кровати и зажег лампу, затем прыгнул к окну и закрыл ставни. Если Клэр и Кейт увидят в их спальне свет, они встревожатся, а ведь это может быть ложной тревогой.

Кларк вернулся к кровати:

— Ну, а теперь скажи мне, — попросил он, — как ты себя чувствуешь?

— Не знаю. Мне плохо спится, и ощущение какое-то странное... сложно объяснить...

— Подумай, — настаивал Кларк, — разве ты не помнишь, как рожала других детей?

— Кларк, — немного раздраженно заметила Марти, — все матери скажут тебе, что одни роды не похожи на другие. Если женщина носит ребенка, это еще не значит, что она распознает все признаки.

— Но наверняка должно быть что-то... — Марти ахнула, и Кларк замолчал.

— Что такое? — забеспокоился он, протягивая к ней руку.

Марти взяла его за руку и легонько ее сжала. Но она не могла отвечать.

Кларк ее понял:

— Пойду за Элли, — сказал он и стал поспешно одеваться.

Вскоре Элли прибежала в комнату. Она едва успела накинуть теплое голубое платье. В сонных глазах отражалось беспокойство.

— Мама! — тревожно позвала она. — Мама, с тобой все в порядке?

Марти облокотилась на подушку, готовясь к новой схватке. Она уверила дочь, что с ней все в порядке. Кларк наклонился к Марти. Он застегивал теплую шерстяную рубашу, которую обычно надевал, собираясь на улицу в холодную погоду. Секунду Марти недоумевала.

— Куда ты? — спросила она. Ей казалось, что вокруг висит туман.

— За доктором, — ответил Кларк. — Думаю, нужно привезти его как можно скорее.

Марти все еще не понимала.

— Скоро появится ребеночек, — терпеливо объяснила Элли, в то время как Кларк поспешно выбежал из комнаты, стуча костылем по деревянной лестнице. — Па с доктором придут очень быстро — мы и оглянуться не успеем. А теперь, мама, ты должна подумать... Скажи, что мне делать? — скомандовала Элли. — Ведь я в этом совсем не разбираюсь.

Но Марти как будто по-прежнему думала о чем-то другом.

— Доктор, — медленно произнесла она и только в этот момент, кажется, поняла. — Ох, Элли! — воскликнула она. — Скажи папе, чтобы он не беспокоился! Вряд ли мне понадобится врач.

Элли ужаснулась:

— Конечно, понадобится! У тебя начались схватки. Доктор уже недалеко. Держись, мама!

Марти ощутила еще один приступ схваток, и она схватила Элли за руку. Элли молилась. Ей было страшно, казалось, что тело матери больше никогда не расслабится. Однако схватки отпустили ее, и она без сил повалилась на подушки.

— Послушай, мама! — взмолилась Элли. — Ты можешь говорить?

Марти кивнула.

— У тебя мысли не путаются?

— Кажется... нет, — выдохнула Марти.

— Начались роды. Скоро приедет доктор... Я очень на это надеюсь. Но в том случае, если... на всякий случай... ты должна объяснить мне, что делать.

Марти кивнула:

— Хорошо, — сказала она, изо всех сил стараясь сосредоточиться. — Вот что...

Никогда Кларк не гнал лошадь так, как в ту ночь Топтуна. Луна то освещала ему дорогу, то пряталась, но он спешил вперед, полагаясь на инстинкт — свой и лошади. Луна как будто играла с ним. Когда она выскакивала из-за облаков, Кларк вздыхал с облегчением, увидев свет, а потом луна снова пряталась, и ему оставалось полагаться только на себя, спеша по изрытой заснеженной дороге. Кларк боялся гнать лошадь слишком быстро, он старался сдерживаться. Если луна выходила из-за облаков, он понукал рысака, и замедлял ход, когда приходилось искать дорогу в темноте. Казалось, прошла вечность, прежде чем он остановился у перил докторского дома. Кларк молился о том, чтобы он был на месте, а не ушел к другому пациенту. Почему дети вечно появляются посреди ночи? Доктор быстро ответил на настойчивый стук в дверь. Ему не потребовалось много времени, чтобы одеться и схватить черную сумку.

— Одно хорошо, — заметил он, бросив седло на спину лошади, — раньше роды не вызывали у вашей жены никаких осложнений.

Замечание доктора приободрило Кларка, но он всей душой хотел оказаться дома, рядом с Марти. Луна не желала им помогать, но лошади Кларка не терпелось добраться до места. А вот рысак доктора, которого вывели из теплого стойла, отставал, и потому Кларк часто намного опережал спутника. *«Ничего страшного, — говорил себе Кларк. — Моя лошадь знает дорогу, и она покажет ее лошади доктора»*. Когда они подъезжали к ферме Дэвисов, луна и вовсе скрылась за облаками. Но они уже привыкли к этому и, несмотря на темноту, быстро погоняли лошадей. Подъехав к крыльцу, доктор спешил и бросил Кларку поводья. Не сказав ни слова, Кларк направился к конюшне на своей лошади, ведя рысака на поводу, а врач поспешил в дом. В кухне горел свет. Доктор увидел в окне, как по ней ходит Элли.

— Хорошо, — сказал он себе, — она развела огонь и поставила воду кипятить.

Он без стука вошел в прихожую, сбросил на стул тяжелое пальто и перчатки. На полпути к кухне он вспомнил про шляпу, вернулся и положил ее на грудь верхней одежды.

— Как чувствует себя ваша матушка? — спросил доктор, прежде чем подняться наверх.

— Кажется, неплохо, — ответила Элли. — Попросила меня принести чаю.

Доктор замедлил шаг. Если Марти желает выпить чаю, значит, торопиться ни к чему. Он остановился у огня, чтобы

согреть замерзшие руки. Элли налила в чайник горячую воду и достала чашку.

Вскоре Кларк открыл дверь и стремительно вошел. Он быстро оглядел комнату. Элли и док стояли в кухне, как будто в доме не происходило ничего особенного. Кларк был немного удивлен... и раздосадован.

— Как она себя чувствует? — спросил он. — *«Почему они оба стоят внизу?»* — недоумевал он.

Доктор повернулся к нему.

— Неплохо, — ответил он. — Марти только что попросила дочь налить ей чаю.

— Чаю? — повторил Кларк. — В такую минуту?

Он направился к лестнице. Доктор последовал за ним. Замыкала процессию Элли с подносом в руках. Они вместе вошли в спальню. Кларк с облегчением увидел, что Марти больше не мечется в кровати. Она спокойно лежала на подушке. *«Ложная тревога!»* — подумал Кларк. — *«Схватки закончились»*.

Марти подняла глаза:

— Вы немного опоздали, — спокойно произнесла она.

— Опоздали? — сказал Кларк. — Да, дорога была нелегкой — вся в колдобинах, и луна спряталась...

— Все получилось, — перебила она его.

— Что ты имеешь в виду? — недоуменно спросил Кларк.

— У нас с Элли. Разве она не сказала? — Она подняла одеяло и показала маленький спеленатый клубочек, который лежал рядом с ней. — Родилась девочка.

Две пары глаз взглянули на Элли. Девушка осторожно поставила поднос на прикроватный столик. Она округлила глаза и с глупым видом покачала головой.

— Наверное, я забыла, — заикаясь, произнесла она, а потом бросилась на грудь Кларку и зарыдала.

Она сильно дрожала, и он прижал ее к себе, чтобы успокоить.

— Ах, папа! — всхлипывала Элли. — Я так испугалась! Так испугалась!

Доктор приступил к своим обязанностям. Кларк поглаживал Элли по спине и утешал ее. Поплакав, она вновь взяла себя в руки. Кларк уговорил ее присесть на стул и выпить чаю вместе с матерью. Доктор осматривал малышку и мать, он несколько раз похвалил Элли, что она прекрасно справилась. Наконец Кларку дали поддержать маленькую дочь. Он решил, что она красавица. Улыбаясь, он качал ее на руках и награждал самыми лестными прозвищами:

— Ну, вот что, девочки, — сказал Кларк, поворачиваясь к Марти и Элли, — раз вы такие умные, то, наверное, уже придумали ей имя?

— Нет, — ответила Марти, — мы хотели услышать твое мнение.

— Мне понравится любое имя, которое вы выбрали.

— Ну, это уж точно не одно из тех имен, которые бы выбрал ты, — поддразнила Марти, — не Генри, не Исаак и не Иеремия.

Кларк рассмеялся:

— Не буду настаивать.

— Мне кажется, — задумчиво произнесла Марти, — выбрать имя могла бы Элли.

— Я? — с удивлением и восхищением спросила девушка.

— По-моему, у тебя есть на это право: ведь ты больше, чем кто-либо другой, сделала для того, чтобы девочка благополучно появилась на свет!

— Я считаю: это замечательная идея! — согласился Кларк.

— Ну, тогда, — заметила Элли, — назовем ее Белинда.

— Белинда, — разом повторили Кларк и Марти.

— Белинда Мэй, — добавила Элли.

— Белинда Мэй. Мне нравится, — заявил Кларк. — Это имя ей подходит.

— Мне тоже нравится, — заметила Марти. — Я бы хотела еще раз на нее взглянуть, если гордый отец отдаст ее мне.

Кларк неохотно положил крошечную малютку рядом с Марти, и она поцеловала обоих.

Доктор тихонько кашлянул:

— Ну что ж, я вижу, в моих услугах сегодня не нуждаются. Пожалуй, поеду домой и лягу в постель. Подозреваю: всем хватило волнений этой ночью. Советую и вам лечь спать. Кроме того, молодой матери не помешает отдых.

Все с ним согласились.

— Я скоро приду, — пообещал Марти Кларк и повернулся, чтобы проводить доктора из комнаты.

— Но сначала вы должны выпить кофе, чтобы согреться, — сказал он гостю.

— Я сварю, — вызвалась Элли. — Мне нужно чем-то заняться, чтобы немного успокоиться перед тем, как лечь спать.

— Нет, кофе ни к чему. Ведь ты уже заварила чай, и горячая вода стоит на плите. Налей мне чашку чая, пожалуйста.

Элли приступила к обязанностям хозяйки. Она была рада заняться привычными делами. Вспоминая о том, что случилось ночью, она подумала, что, хоть и перепугалась до глубины души, но все же пережила волнующее событие. Не многим посчастливилось помочь новому человечку появиться на свет. Теперь она была уверена в том, что мать и ее новая сестричка хорошо себя чувствуют, и потому могла расслабиться и посмаковать воспоминание. В одном Элли не сомневалась: эту ночь она никогда не забудет.

Глава двадцать пятая

УМЕНИЕ ДЕЛИТЬСЯ

На следующий день домашние встали рано, хотя прошлой ночью почти не спали. В воздухе витало радостное волнение, и никому не хотелось лежать в постели. Кроме того, маленькая Белинда проснулась, требуя завтрак. Родные отвыкли от присутствия в доме маленьких детей, и все поднялись вместе с ней.

Элли поспешила через двор к Кейт и Клэру, чтобы сообщить им радостную новость. Они проснулись, услышав ночью шум. Кейт и Клэр направились в большой дом вместе с Элли.

Кейт первая подошла к постели Марти. Маленькую Белинду покормили, отец поменял ей подгузник, и она мирно посапывала рядом с матерью, чего вполне заслуживала. Ведь она проделала тяжелую работу: появилась на свет! Отдых был ей просто необходим.

Кейт стояла и смотрела на ребенка. В ее глазах были любовь и слезы:

— Какая она хорошенькая, мама! — прошептала она. — Красавица!

— Хочешь поддержать? — спросила Марти, заметив переполнявшее ее желание.

— А можно?

— Конечно.

— Но ведь она спит.

— Она будет спать целый день. Да и вряд ли она проснется.

Кейт бережно взяла малышку на руки.

— Ах, — пискнула она, — какая маленькая! — Кейт повернулась, чтобы показать крошечный сверток Клэру. — Посмотри, Белинда Мэй, это твой старший брат. Он очень хороший. Ты будешь им гордиться.

Клэр протянул большую руку к крошечным пальчикам ребенка. Марти видела в его глазах слезы, но он заморгал, чтобы прогнать их:

— Ах ты, маленькая тыковка! — приветствовал он малышку. — Какая хорошенькая... для младенца.

— Она красавица! — заспорила Кейт.

Клэр рассмеялся:

— Вот пройдет несколько дней... с другой стороны, у мамы всегда рождались хорошенькие детки.

В конце концов они почувствовали, что достаточно налюбовались и похвалили малышку. Их внимание переключилось на Марти:

— Ма, как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно. Просто прекрасно. Мне повезло с доктором.

Все воззрились на Элли.

— Я горжусь тобой, сестренка, — сказал Клэр, взъерошив ей волосы. — Но почему ты не обратилась к нам?

— Не было времени. Не было времени даже на то, чтобы подумать, не говоря уже... Но мама отлично держалась. Если бы не ее указания, я бы ничего не смогла сделать. Я понятия не имела...

— Ты прекрасно справилась, — заверила ее Марти, — ничего не испугалась.

— Зато потом до меня дошло, — со смехом сказала Элли, — и я чуть не рассыпалась на кусочки.

Все расхохотались.

— Ну что ж, по крайней мере, — добавил Кларк, — ты дождалась, пока все закончилось. Ты не упала в обморок, когда была нужна маме.

Они вместе вышли из комнаты. Было решено, что Клэр съездит и сообщит Арни, Нандри и Ма Грэхам радостную новость о рождении Белинды, а Элли оседлает коня и поедет к Лейну. Кларк на упряжке лошадей поскачет в город, чтобы дать телеграммы Мисси, Клэ и Люку. Кейт вызвалась посидеть с Марти. Все разъехались в разных направлениях: им не терпелось рассказать другим о радостном событии.

Силы быстро возвращались к Марти, несмотря на прибытие гостей. Белинда была очень спокойной девочкой и, к сожалению домашних, почти не требовала внимания. Множество

рук с удовольствием подержали бы ее, но девочке требовалось только, чтобы ее покормили, поменяли подгузник, вновь положили в кроватку и дали поспать. Проходили дни, и она стала больше бодрствовать. Но и тогда Белинда плакала, лишь когда чувствовала себя голодной. Впрочем, такое редко случалось. Обычно кто-то держал ее на руках. Кларк все чаще и чаще оставался в зимние дни дома.

Как-то Марти услышала, как он обращается к Белинде:
— Доченька, уверен, ты рада, что решила появиться на свет зимой, когда все сидят дома, а не весной, во время пахоты.

Марти улыбнулась про себя. Она чувствовала себя так же хорошо, как раньше, и постепенно стала больше заниматься домашним хозяйством. Она часто ловила на себе настороженный взгляд Элли, но та сама видела, что Марти вполне счастлива, выполняя привычные обязанности. Элли перестала ее удерживать, когда Марти искренне заверила, что силы к ней вернулись и она не пытается себя превозмочь. Она попросила дочь больше времени уделять подготовке к предстоящей свадьбе. Элли собирала и шила вещи, которые понадобятся ей в собственном доме.

Марти помогала ей. Тихими длинными вечерами она мастерила лоскутные одеяла и подрубала кухонные полотенца. Вышитые наволочки и вязаные коврики были готовы. Марти с удовольствием участвовала в подготовке, волновалась при мысли о будущем событии так же, как Элли. Теперь, думая о неизбежном расставании с дочерью, она сокрушалась не так сильно, как раньше, потому что Белинда с до-

вольным видом посапывала в своей кроватке или на руках у отца.

Люк прислал посылку. «Моей новой сестричке, — говорилось в записке. — Уверен, ты удивительная девочка! Я долго тебя ждал, очень долго. Наконец-то я стал старшим братом! Мы полюбим друг друга. Мне не терпится тебя увидеть. Я постараюсь как можно быстрее приехать домой. А сейчас — позаботься о маме. Она тоже удивительная. Целую, Люк».

Марти вытерла глаза и передала письмо Кларку. Затем поцеловала крошечную Белинду и показала ей завернутый подарок.

— Это от твоего старшего брата, — пояснила она, — от Люка. Хочешь посмотреть, что он прислал?

Малышка только опустила реснички — так она увлеклась, посасывая кулачок. Но Марти все равно открыла пакет. Там лежали детские ботиночки. Марти никогда не держала в руках таких маленьких и изящных ботиночек.

— Вы только посмотрите! — обратилась она к Кларку и Элли, показывая им обувь. — Вы когда-нибудь видели такое?

Элли вскрикнула от восхищения:

— Ой, какие миленькие!

Кларк усмехнулся и потянулся за одним ботинком.

— Совершенно бесполезная вещь, — сказал он. — Но ты права: я никогда ничего красивее не видел.

Клэ тоже прислала письмо и подарок. Он был более практичным, чем тот, который выбрал Люк, но почти такой же

хорошенький. Она прислала маленькое вышитое платьице. Марти знала, что ей не хватило бы времени вышить его, ведь она лишь недавно узнала о том, что родилась девочка. В записке она нашла объяснение: *«Я рискнула предположить, что родится девочка, — писала Клэ, — ведь наступила наша очередь. Если бы родился мальчик, я бы прислала ему другой подарок, хотя так и не придумала, что именно. Ведь в ленточках и кружевах он бы чувствовал себя неудобно»*.

Наконец прибыла посылка от Мисси. Марти вынула оттуда заботливо завернутый бледно-розовый свитер. *«Да, я уже посылала сестричке подарок, но, когда мы узнали, что она родилась, мне ужасно захотелось сделать для нее еще что-нибудь. Я ночами не спала, чтобы быстрее закончить. Надеюсь, она получит его вовремя и он не будет ей слишком мал. С любовью тетушке Белинде от ее племянников Натана и Джосайи, а также племянницы Мелиссы Джой»*.

Марти думала, что никогда не видела девушку, которая в день свадьбы была так счастлива, как Элли: ее глаза сияли, щеки рдели румянцем, а когда она скользнула в свадебный наряд, руки у нее слегка задрожали.

— Ах, мама! — воскликнула она. — Не могу поверить, что это происходит на самом деле. Я так долго ждала!

— Ну, не так уж долго, — напомнила ей Марти, — вовсе недолго. С тех пор, как вы решили пожениться, прошло всего два месяца.

— А кажется, будто прошла вечность, — настаивала Элли.

— Вечность, — повторила Марти. — Ну, пожалуй.

Она смотрела на красавицу дочь, желая удержать этот момент в памяти. На ней было свадебное платье: белое с крохотными синими цветочками и оборками у воротничка и на рукавах. Они заботливо, любовно сшили его вместе с дочерью. *«Какие у нее голубые глаза! — подумала Марти. — Почти такого же василькового оттенка, как цветы на платье».*

Свадьба проходила в местной маленькой церкви, а торжественный ужин — на ферме Дэвисов. Еще стояла зима, и никого из гостей нельзя было разместить во дворе, а потому на ужин пригласили только родственников и самых близких друзей. Но Марти все равно недоумевала, как они поместятся в доме.

Семейство Ла Хэй уже погрузилось в дилижанс, чтобы сесть в поезд, идущий на Запад. Похоже, они были не меньше взволнованы мыслями о том, что вскоре обретут новый дом, чем Элли предстоящей свадьбой. Они оставили Лейну кое-какую мебель, чтобы он мог удобно устроиться в одиночестве. Лейн и Элли сходили за покупками и приобрели другие вещи. Девушка повесила занавески, положила на пол коврики и поставила в кухонный шкаф тарелки. В конце концов Марти удалось убедить ее в том, что она способна позаботиться о себе и младенце, и потому Элли не нужно каждый день бегать к родителям, чтобы помочь. Ведь она мечтала быстрее превратиться из домохозяйки в хозяйку дома.

— Надень теплое пальто, — напомнила Марти дочери, — на солнце вовсе не так жарко, как кажется.

«Зачем думать о пальто в такой день?» — говорило выражение лица Элли. Правда, потом она призналась: она

рада тому, что прислушалась к Марти, — день выдался хоть и солнечный, но не жаркий. Кроме того, дул пронизывающий ветер. Элли боялась, что ее аккуратно уложенные в прическу волосы растреплются по дороге в церковь. Кларк правил упряжкой вороных. Зимой их редко выводили из стойла, они чувствовали себя свежими и отдохнувшими, и Кларк с трудом их сдерживал. Но Марти не беспокоилась. Она была полностью уверена в том, что муж сумеет править лошадьми. Она крепко прижимала к себе крошечную дочь, внимательно следя за тем, чтобы Белинда была не слишком туго запелената и ей хватало свежего воздуха, чтобы дышать.

Как приятно вновь оказаться на улице и вдохнуть морозный воздух! Марти хотела притвориться, что чувствует приближение весны, но она ничего подобного не чувствовала. Воздух был тяжелым, зимним. *«Но это долго не продлится, — утешила себя Марти, — еще несколько дней — и мы это почувствуем».*

Марти услышала за спиной конский топот и обернулась, чтобы помахать Клэру и Кейт. Их лошади бежали так же нетерпеливо, как лошади Кларка. Марти задумалась о том, что бы случилось, если бы мужчины предоставили им бежать по своей воле.

Когда они остановились в церковном дворе, там уже собралась толпа людей. Нетерпеливых рысаков, которые топтали копытами и закусывали удила, привязали к перилам. Несколько лошадей жевало солому, которую охапкой положили перед ними, но большинство даже не смотрело на нее. Они ели ее всю зиму напролет. Теперь им хотелось выйти из

заклучения. Марти подумала, что она чувствует в точности то же, что и они.

Кларк заботливо помог ей спуститься с высокого сиденья, поставил на землю и отошел, чтобы привязать лошадей.

Элли уже спустилась вниз. Она приглаживала волосы и впервые за все время, казалось, нервничала.

— Ты чудесно выглядишь, — завершила ее Марти, — пойдем, снимешь пальто.

Они вошли в церковь. Прихожане уже сидели на своих местах. Все повернули головы, и Марти почувствовала, что на них смотрит множество глаз. Люди улыбались. Все расплывалось у нее перед глазами. Она передала Белинду Кейт, которая последовала в церковь за ними, и помогла Элли снять пальто. Оно не сильно примяло платье, но Марти стала заботливо его разглаживать.

— Как выглядит моя прическа? — прошептала девушка.

— Прекрасно. Просто прекрасно, — ответила Марти и поправила волосы, чтобы успокоить Элли.

— Мама, я так нервничаю! Я и не думала, что так будет, и все же!

— Все нервничают, — шепотом ответила Марти, — это часть церемонии.

Элли, услышав шутку, попыталась улыбнуться, но улыбка получилась слабой и немного натянутой.

— Хоть бы папа поскорее пришел, — тихо заметила она.

— Он скоро придет, — успокоила ее Марти.

На секунду она забыла о младшей дочери, всей душой сопереживая Элли, которая боялась и все же мечтала быстрее

превратиться в невесту. Но потом она вспомнила о малышке и повернулась, чтобы посмотреть на державшую ее Кейт. Женщины переглянулись, и Марти почувствовала комок в горле. Она знала, что малышка Кейт и Клэра могла бы так же улыбаться сейчас, узнавая маму и папу. Но во взгляде Кейт, которая с самозабвенной любовью и заботой смотрела на малышку, не было видно и тени горя, хотя в сердце она наверняка по-прежнему переживала утрату.

В церковь вошли Кларк и Клэр. Они топали, чтобы с ботинок сбить снег, и отряхивали пальто. Они сняли верхнюю одежду и повесили ее на крючки у двери. Затем Кларк повернулся к Элли.

— Готова, милая? — нежно спросил он. Элли только кивнула. — Пусть сначала Кейт и Клэр найдут себе места. А я усажу мать.

Кейт и Клэр прошли вперед, к скамье впереди, которую оставили для родственников. Только тогда Марти опять отметила, что Кейт держит на руках Белинду.

Кларк привлек к себе Марти и Элли и, обняв, тихо произнес молитву. Они подняли головы, и Элли вытерла глаза носовым платком. Марти смахнула слезы, а потом наклонилась, чтобы в последний раз поцеловать свою дочь Эльвиру Дэвис. Через несколько минут она станет Эльвирой Говард, миссис Лейн Говард. *«Но, — с благодарностью подумала Марти, — она все-таки останется моей дочерью, и не важно, как ее зовут».*

Кларк предложил Марти руку и провел ее на сиденье рядом с Кейт. Она хотела забрать Белинду, но, когда увидела,

как невестка на нее смотрит, передумала. Вместо этого она села впереди и посмотрела на взволнованного Лейна. Он вглядывался в глубь церкви, ожидая прибытия невесты. К нему подошел Арни, а перед ними стоял молодой священник с открытой книгой.

Мод Колби, городская подруга Элли, прошла перед невестой. Элли последовала за ней. Она спокойно и серьезно направилась по проходу, сжимая руку отца. Марти чувствовала, как в ней поднимается гордость. Ее девочка станет замечательной женой. Она не представляла, кому, кроме Лейна, согласилась бы ее отдать. Глаза тут же наполнились слезами, но она быстро их вытерла и едва заметно улыбнулась Кейт.

После церемонии и сердечных поздравлений родственников и друзей они вновь погрузились в повозки и экипажи, и довольные лошади быстро побежали вперед. Элли заняла место, которое полагалось ей по праву: не в повозке Дэвисов, а рядом с Лейном.

Ужин удался на славу. Хотя места не хватало, родственники и друзья смеялись, разговаривали и ели, пока не наелись досыта. Счастливые невеста и жених получили подарки, и Элли, принимая каждый из них, издавала радостный возглас. Лейн произнес небольшую речь.

— Я всегда буду благословлять тот день, когда мой хозяин мудро рассудил отправить меня на Восток, чтобы присмотреть за фермой его родственников, — перебивая смех, заявил Лейн. — Честно говоря, мне не так уж хотелось становиться фермером, ведь я никогда этим не занимался. Если бы я не

познакомился с мистером и миссис Дэвис... — Лейн остановился и исправился: — мамой и папой...

Гости опять рассмеялись.

— В общем, если бы я с ними не познакомился и не мечтал снова их увидеть, то вряд ли хозяину удалось бы сделать из меня фермера. Ох, а я бы много потерял! — воскликнул Лейн, с восторгом глядя на порозовевшую Элли.

— Мне в жизни еще многому придется научиться, — серьезно продолжил он. — Мне нужно больше узнать о христианстве, но я уже кое-что понял: если я позволю Господу вести меня, то Он устроит все гораздо лучше, чем я могу представить. Просто не знаю, как выразить свою благодарность за то, что такая девушка, как Элли... Как мне повезло, что она согласилась стать моей женой! Мне никогда этого не передать... Но я надеюсь, что смогу потратить всю жизнь на то, чтобы доказать ей свою любовь.

Марти надеялась, что никто не заметил, как она улизнула из комнаты. Она была счастлива за дочь. Она бы ни за что не согласилась ничего изменить. Но ей нужно немного времени, чтобы привыкнуть. Вот и все.

Глава двадцать шестая

СЕМЕЙНЫЙ УЖИН

Марти было нелегко убедить дочь в том, что она прекрасно справляется и без нее.

— Возможно, когда-нибудь ты мне понадобишься, возможно, — убеждала ее Марти. — Но не для того, чтобы вымыть тарелки или приготовить еду. Я сама позабочусь о хозяйстве. Я давно не чувствовала себя лучше. Малышка очень спокойная, и папа носится со мной еще больше, чем обычно. Поэтому мне нужны не твои руки, какими бы умелыми они ни были, а ты сама. Только ты. Я хочу, чтобы ты иногда приходила сюда, и мы могли вместе проводить время.

— Мне тоже тебя не хватает, мама, — ответила Эли, — хотя, должна признать, мне очень нравится жить с Лейном.

Марти молча коснулась волос дочери, чтобы показать ей, что она понимает и принимает истину, заключенную в ее словах.

— Мы будем приходить каждый раз, когда ты нас пригласишь, — пообещала Элли.

— Тогда приглашаю вас на семейный обед в воскресенье.

— С удовольствием. Я приду пораньше и помогу тебе готовить.

Марти рассмеялась.

— Разве ты не слышала, что я сказала? — спросила она, шутливо шлепнув дочь чуть ниже спины. — Я прекрасно себя чувствую и вполне способна приготовить ужин для семьи. Правда!

— Хорошо, — согласилась Элли. — Ты приготовишь, а я вместе с девочками уберу со стола. Договорились?

Марти опять засмеялась.

— Договорились, — ответила она.

— Ну, раз ты собралась готовить, — сказала Элли перед уходом, — то, может, испечешь лимонный пирог? Я уже сто лет не ела вкусного лимонного пирога. Мне они никогда не удавались.

— Хорошо, — весело согласилась Марти, — лимонный пирог так лимонный пирог. И еще, Элли...

Девушка замерла у двери, взявшись за ручку.

— Спасибо, что зашла, — сказала Марти. — Мне хотелось поболтать с тобой. Я по тебе скучала.

— И я тоже по тебе скучала, — ответила Элли, — а еще по Кейт, папе и даже Белинде. Она быстро растет, мама. Ты только посмотри на нее!

Марти повернулась, чтобы взглянуть на малышку, которая с довольным видом лежала в кроватке в углу кухни. Она рассматривала свои пальчики и тихо агукала.

— Это правда! И она уже вертит па, как хочет.

— Это не так уж сложно, — ответила Элли. — Он от нее без ума, как только ее увидел.

Марти улыбнулась:

— Значит, до воскресенья!

Элли кивнула и вышла из кухни.

Марти сделала шаг к окну и посмотрела, как Элли подходит к амбару, чтобы Кларк запряг лошадей в ее повозку. Затем она вернулась к малышке. Белинда уже уснула.

— Милая, — прошептала она, погладив мягкую щечку пальцем, — ты понятия не имеешь, какую зияющую пустоту тебе предстоит заполнить.

Наступило воскресенье. После службы родные поехали вслед за Марти с Кларком — получилась настоящая процессия. Марти улыбалась, думая о том, как это выглядит со стороны.

Женщины и дети вышли возле дома, а мужчины направились в амбар, чтобы распрячь лошадей.

Вскоре все собрались в доме; с шутками и смехом родные входили в кухню. Марти прогнала тех, кто не помогал готовить, в другие комнаты. Мужчины уселись у камина в гостиной. Дети играли в комнате наверху с игрушками, которые Марти и Кларк делали сами и покупали в течение долгих лет. Все, кроме Тины. Она настаивала, что уже стала леди, и помогала накрывать на стол. А Белинда была слишком маленькой, чтобы играть с другими детьми; она спокойно посапывала на коленях отца, сидевшего в большом,

прочном кресле-качалке: очевидно, ей нравились движения кресла и сильных рук, которые ее держали.

Арни, подняв бровь, взглянул на отца.

— Я заметил, что ты научился делиться, — заметил он.

— В каком смысле? — спросил Кларк, слегка нахмурившись.

— Каждый раз, когда я тебя вижу, ты обнимаешь малышку. А ведь ты знаешь, что она принадлежит всем нам.

Собравшиеся рассмеялись, и Кларк неохотно передал малышку Арни. Тот держал ее недолго. Вскоре ему пришлось передать ее Джошу, тот отдал ее Клэру, и наконец она перешла к Лейну. Все были очарованы малышкой.

— Да, теперь я вижу, — заметил Арни, — отцу придется держать ворота на замке, когда она вырастет. Ох, разве она не прехорошенькая?

Все согласились. Кларк раздувался от гордости.

— Посмотрите, как она улыбается, — сказал Клэр. — Какая милая!

Мужчины разглядывали малышку, восхищаясь и отмечая каждую мелочь. Белинда агукала, морщилась и улыбалась своим поклонникам.

Потом их позвали к столу. Они шумно занимали свои места, но, когда Кларк произносил проникновенные слова благодарственной молитвы, воцарилось полное молчание. В середине молитвы Марти услышала довольное урчание. Она подняла глаза на Кларка и увидела, что он по-прежнему держит Белинду.

— Кларк, — сказала она ему, когда все разом произнесли «аминь», — ты что же, собираешься есть с малышкой на руках?

— У меня отняли ногу, но у меня две руки, — с усмешкой ответил Кларк.

— Чтобы есть, тебе нужны обе, — рассмеялась Марти. — Ох, боюсь, мы так ее разбалуем, что с ней будет невозможно ужиться. — Она поднялась со своего места и забрала Белинду у мужа.

— Давай я подержу, — быстро предложил Арни.

— Не нужно ее держать. Она прекрасно будет себя чувствовать в кроватке. — И Марти повернулась, чтобы исполнить свое намерение.

— По-моему, это несправедливо! — воскликнул Кларк. — Ведь вся семья сидит за столом!

— И она тоже будет сидеть — только дай ей время подрасти.

— Бабушка, пожалуйста! — попросила Тина. — Она же все пропустит.

— Не думаю, что она много пропустит, — заметила Марти. — Кроме того, у вас не так много опыта в укачивании детей.

— Все изменилось, — продолжил Арни. — Раньше за столом сидело больше детей, чем взрослых. А сейчас наоборот. Здесь полно людей, готовых подержать малышку.

Марти оглядела сидевших за столом.

— Да, взрослых больше, но когда я гляжу на вас, то подозреваю, что, возможно, вскоре это соотношение изменится.

Все поняли намек, и Марти заметила, что одна пара обменялась робким взглядом.

— У кого-то есть новости? — блеснув глазами, спросила она.

Арни с трудом сглотнул и посмотрел на Анну.

— Ну, — проговорил он, — мы не планировали делать это объявление сейчас, но... по-моему, у нас есть.

Родные стали весело поздравлять залившихся краской молодоженов. Марти очень обрадовалась, но, вспомнив о несчастной Кейт, опечалилась. Невестка медленно отодвинула стул и поднялась. Марти чувствовала, как у нее сжимается горло. Бедняжка! Как она это перенесет? Все случилось слишком быстро. Сначала родилась Белинда, а теперь такая новость. Но Кейт не выбежала из комнаты. Она стояла, положив руку на плечо Клэра, и улыбалась.

— Я рада, что Арни и Анна сделали такое объявление, — чистым, нежным голосом произнесла она, — я рада за них и рада потому... Ну, мне кажется, ребенку важно, чтобы у него был двоюродный брат или сестричка его возраста.

— Ты хочешь сказать?.. — начала Элли, но Кейт перебила ее:

— Ну да, конечно! Я буду рожать в то же время, что и Анна. Вчера доктор заверил меня в этом.

Марти не смогла сдержать слез счастья. Она снова станет бабушкой, и даже дважды!

Глава двадцать седьмая

СЮРПРИЗ

Элли знала, что у Лейна на ферме осталось не так много работы: часть скота продали, часть отправили на новое ранчо на Западе. Заборы чинить не нужно, лес рубить ни к чему, упряжки целы. Сначала он радовался этому, потому что мог больше времени посвятить ей, но уже через несколько дней, которые он провел, попивая кофе и наблюдая за тем, как она работает на кухне, он места себе не находил.

Элли это заметила. Она не винила его, потому что привыкла всегда быть чем-то занятой. Бывало, свободное время тяжелой ношей висело у нее на руках. Но, по крайней мере, она могла печь пироги, стирать, убирать в доме и заботиться о разных мелочах. Она пыталась придумать, чем может заняться Лейн, но так ничего и не придумала. А он говорил, что ему сложно просто сидеть и ждать, когда на ферму найдется покупатель.

— Лейн, — решила она однажды, — я тут подумала... Мы живем всего в нескольких милях от города. Как ты думаешь, Ла Хэй будут возражать, если ты найдешь себе там работу?

Судя по выражению лица Лейна, он удивился, почему не подумал об этом раньше.

— Не знаю, чем буду заниматься в городе, — неуверенно произнес он, — но попробовать стоит. А ты не против?

Элли улыбнулась, чтобы успокоить его:

— Я знаю, тебе трудно сидеть сложа руки. И я ни капельки тебя не виню. Более того, вряд ли бы мне понравилось, если бы мой муж был лентяем. По-моему, ты обязательно должен поспрашивать городских. Здесь, на ферме, тебе точно делать нечего.

Лейн оседлал лошадь, на прощание поцеловал жену и выехал со двора.

Сначала казалось, что для Лейна в маленьком городке работы не найдется. Банк нуждался в новом сотруднике, и портной заявил, что ему не помешает помощь, но Лейну не хватало подходящих умений. Он чуть было не отказался от своей идеи и не направился домой, как вдруг ему помахал парень из универсального магазина:

— Я слышал, ты ищешь работу.

— Верно. Готов выполнять любую. Вам нужен человек?

— Нет, не мне. У меня людей хватает, но я слышал, что Мэтт из конюшни заболел, и старина Том выбивается из сил, чтобы везде успеть. Пожалуй, тебе стоит туда сходить и узнать, нашел ли он себе помощника.

Лейн поблагодарил его и повернул к стойлу у конюшни. Странно, что он сразу не подумал об этом, ведь он прекрасно разбирался в лошадях.

Человек говорил правду. Старине Тому и впрямь требовался помощник, и Лейн немедленно приступил к *городской* работе.

Счастливый случай не только помог Лейну развеять скуку; благодаря ему они с Элли стали каждую неделю откладывать немного денег. Они радовались этому, даже когда Лейн уставал, оттого что весь день таскал мешки с кормом и выезжал лошадей. Элли встречала его, разводила огонь в камине и угощала свежеспеченным хлебом. Они были очень довольны тем, как складывается их семейная жизнь.

Однажды, когда Элли, ожидая возвращения Лейна, разбирала выстиранные носки, вдруг залаял Рекс. Она поняла, что у них гости. Это не Лейн и не кто-то из родных. Собака поднимала шум только в том случае, если замечала незнакомца. Она поспешила к окну и увидела высокого мужчину в длинном темном пальто. Он привязывал лошадь к перилам. Элли никогда не видела его раньше. «*Может, он хочет купить ферму?*» — подумала она, всем сердцем надеясь, что так оно и есть. Она подошла, чтобы открыть дверь, и сердечно приветствовала незнакомца.

— Мистер Лейн Говард здесь живет?

— Верно, — ответила Элли, — я миссис Говард.

— Он дома?

— Сейчас нет. Лейн работает в городе, но уже скоро вернется.

— Не возражаете, если я подожду его здесь? — спросил мужчина. Элли заколебалась.

— Но я могу подождать и на улице, конечно.

— Нет, это вовсе ни к чему! — воскликнула Элли, ругая себя за нерешительность. — Пожалуйста, входите и выпейте чашку кофе.

Мужчина не стал отказываться и последовал за хозяйкой в маленькую кухню. Элли поставила на плиту кофейник, поджидавший возвращения Лейна, и, кивнув, указала на стул.

— Садитесь, пожалуйста, — предложила она. — Он может вернуться с минуты на минуту.

Элли взглянула на мужчину. Она заметила, что тот был одет не так, как обычно одеваются местные фермеры. Но и на городского не похож. Наверное, приехал из большого города, решила она. Если незнакомец собирается купить ферму, то, видимо, явился по поручению другого человека. Какой из него фермер! Она собиралась спросить его об этом, но не успела раскрыть рот, как мужчина заговорил первым.

— Красивая ферма, — заметил он. — Видно, что о ней хорошо заботятся.

— Первоклассная, — согласилась Элли, готовясь назвать справедливую цену. — На нее потратили немало времени и денег. Она в прекрасном состоянии.

— Но скота, кажется, не очень много.

— Весь скот продали. Но неподалеку находится пастбище, а в амбаре много места. Есть коровник с хорошими стойлами для доения, свинарник, отличная конюшня на восемь

лошадей, большой курятник, пять сараев... или шесть?.. Нет, пять, по-моему... А еще есть подвал и родник.

Гость, похоже, слегка удивился, но Элли продолжала:

— Не забудьте про пахотные земли. В прошлом году ячмень хорошо уродился, а на нижнем поле растет такая трава, какую я нигде больше не видела. Да еще имеется поле, которое вы, наверное, плохо разглядели с дороги... — Элли запнулась. — Конечно, вы ничего не видели, проезжая на лошади, ведь земля покрыта снегом, но вскоре ее можно будет обрабатывать. Здешние жители говорят, что весна в этом году наступит рано. Некоторые фермеры уже готовят семена.

— Интересно, — вежливо заметил гость, хотя вовсе не выглядел заинтересованным.

— И огород что надо, — продолжала Элли.

Надо же о чем-то разговаривать! Она потянулась за чашкой, чтобы налить незнакомцу кофе:

— Там есть несколько фруктовых деревьев. Па говорит, что яблоки здесь уродятся на славу, просто никто не взял на себя труд их посадить.

— Вы недавно купили ферму? — спросил мужчина, когда Элли подошла к плите.

Она удивленно остановилась на полдороге:

— Мы? Ах нет, она все еще продается, — поспешила объяснить Элли. — Мы проживем здесь, пока не найдется покупатель. Семья Ла Хэй переехала на Запад, а мы остались присмотреть за фермой, пока ее кто-нибудь не купит. Мы тоже вскоре уедем на Запад, как только... — Элли замолчала.

Нет, не стоит этого говорить. Мужчина решит, что с этой фермой что-то неладно, раз все отсюда уезжают.

— Мы бы могли ее купить, но мой муж предпочитает работать на ранчо. Кроме того, нам не хватает денег. Ведь в наши дни, чтобы заниматься фермерским хозяйством, требуется куча денег.

И этого тоже говорить не стоило. Он может испугаться.

— Но если ферма хорошая, то деньги быстро вернутся. А это хорошая ферма, — быстро исправилась Элли.

Затем она решила, что сказала достаточно. Она не знает, зачем этот человек сюда пришел, но, в любом случае, ей бы не хотелось, чтобы у него создалось превратное впечатление. Он ничего не сказал, и Элли поставила перед гостем дымящуюся чашку кофе. Она проверила, не пригорело ли печенье в духовке, и помешала овощи. Все готово. Остается надеяться, что Лейн не припозднится. Повисла тягостная пауза. Похоже, мужчине не очень хотелось разговаривать. Более того, он, кажется, терял терпение и барабанил пальцами по столу, что раздражало Элли. Наконец она услышала, как снова залаял Рекс. В этот раз наверняка приехал Лейн. Элли с облегчением вздохнула и взглянула на поджавшего губы незнакомца.

— А вот и мой муж, — объявила она. — Он сейчас придет, только поставит лошадь в конюшню.

Мужчина удовлетворенно крякнул. Элли собиралась накрыть на стол, но передумала. Пожалуй, она лучше подождет несколько минут, пока мужчина закончит говорить с Лейном о ферме. Почему-то она была уверена, что он не примет

приглашение поужинать вместе с ними. Лейн вошел в дом с недоуменным выражением на лице.

— Лейн, познакомься, это... это... простите, сэръ, я даже не спросила, как вас зовут.

— Питерс, — объявил гость, протягивая руку Лейну и вставая с кресла.

— А это мой муж, — робко добавила Элли.

— Рад познакомиться, мистер Питерс, — сказал Лейн, пожимая его руку. — По-моему, недавно я имел удовольствие снабдить вас лошадью.

Гость удивился.

— Верно, — согласился он, вглядываясь в лицо Лейна. — Если бы я знал, с кем разговариваю, мне бы не пришлось ехать к вам домой. Мне сказали, что вы живете на ферме.

— Точно, — добродушно подтвердил Лейн, — но сейчас здесь нечем заняться. Скот продали. У нас всего одна лошадь и одна собака, а с ними никаких хлопот. Мы пробудем здесь лишь до тех пор, пока...

Мистер Питерс нетерпеливым жестом прервал его.

— Ваша жена мне все объяснила, — поспешно вставил он.

— Садитесь, пожалуйста, — предложил Лейн, — и расскажите, чем я могу вам помочь.

«Он приехал расспросить о ферме», — хотела объяснить Элли, но теперь она не была в этом уверена.

— Речь пойдет о личном деле, — объявил мистер Питерс, достав маленький чемоданчик, которого Элли не заметила раньше.

Лейн удивился.

— Что ж, я не вижу здесь посторонних людей, — ответил он.
Мистер Питерс бросил взгляд на Элли:

— У меня не может быть личных дел, которые не касались бы моей жены, сэр, — твердо заявил Лейн.

Мистер Питерс не стал возражать. Он открыл чемоданчик и разложил перед собой бумаги. Потом достал из кармана очки, водрузил их на кончик носа, откашлялся и сказал:

— Насколько я понял, вы — Лейн Говард.

— Правильно.

— Кто ваш отец, мистер Говард?

— Ну... у меня нет отца. То есть он умер, когда мне было пять лет.

— А как его зовут?

— Как его зовут? Э-э... Уилл. Его называли Уилл. Хотя по-настоящему он звался Уильям. Уильям Клейтон Говард.

— А ваша мать? Где она?

— Она умерла через неделю после смерти отца. Она сильно поранилась в ту же бурю, что и он.

— Как ее звали?

— Ребекка. Ребекка Мари.

— Кто вас воспитывал? — продолжал расспросы мистер Питерс.

— Моя тетя. Она была не замужем. Ее звали тетя Мэгги. Э-э... Марджори. Марджори Том.

— Она жива?

— Нет, сэр. Лет пять назад мне передали, что она умерла.

— Значит, вас не было рядом, когда она умерла?

— Нет. Я уехал, когда мне исполнилось четырнадцать лет.

— Почему?

— Почему? Потому что я так захотел. Я не считал нужным оставаться у нее.

— Она велела вам уехать?

Лейна стали раздражать эти вопросы.

— Разумеется, нет.

— А каковы были обстоятельства?

— Что?

— Обстоятельства? Почему вы уехали, хотя никто вас не выгонял?

— Тетя вышла замуж. Она была уже немолода, но никогда раньше не была замужем. Люди в городе поговаривали, что ей будет сложно привыкнуть к новому положению. И еще они думали, что ей будет еще сложнее, если я... я...

— Люди так говорили?

— Ну, в глаза мне никто этого не говорил. Они не знали, что я случайно это услышал. Но я услышал.

Элли забеспокоилась. Зачем этот человек задает такие странные вопросы? С какой стати он приехал неизвестно откуда и стал рыться в прошлом ее мужа? Раньше Лейн рассказывал об этом только ей одной.

— А что вы знаете о том мужчине, о новом муже вашей тети? — поинтересовался мистер Питерс.

— Да ничего. Он был предпринимателем, и дела шли не плохо.

— Вы его боялись?

— Боялся? Нет. Он всегда был очень добр ко мне.

— А у него была семья?

— Нет. Он тоже жил один.

— Но вы не хотели жить вместе с ним и вашей тетушкой после того, как она вышла за него замуж.

— Не совсем так. Мне страшно не хотелось уезжать. Должен признаться, что плакал всю дорогу, пока ехал на станцию. Я очень любил тетушку Мэгги. Она обо мне заботилась, и я надеялся, что она будет счастлива в браке.

Элли показалось, что гость пробормотал что-то о досужих сплетниках. Но, возможно, ей всего лишь послышалось.

— Вы поддерживали с ней связь? — продолжил он.

— Да, до самой смерти. Мое последнее письмо вернулось с пометкой «Адресат умер».

— Понятно, — заметил мистер Питерс, поправляя свои забавные очки.

— Простите, сэръ, но я не понимаю, к чему эти расспросы, — сказал Лейн. — Мне нечего скрывать, но довольно странно, что незнакомый человек приходит ко мне домой и начинает задавать личные вопросы.

— Я понимаю ваши чувства, — сказал мужчина, снимая очки за секунду до того, как они наверняка свалились бы с носа, — но осторожность не помешает, и мне нужно убедиться в том, что вы действительно тот самый Лейн Говард, которого я разыскиваю.

— Разыскиваете? — поразился Лейн, а Элли сделала шаг вперед и положила ему руку на плечо.

— Вы не упомянули имя человека, за которого ваша тетька вышла замуж, — сказал настойчивый гость, вновь водрузив очки на нос.

— Его звали Майерс. Конвин Майерс.
— Вы не общались с мистером Майерсом?
— Не совсем. Тетя часто писала о нем, и я в ответ просил передавать ему от меня приветы.

— Ясно, — заметил мужчина и продолжал: — И еще кое-что, мистер Говард. Каково ваше полное имя?

— Уильям. Уильям Лейн Говард. Уильям — в честь моего отца. Меня называли Лейн, чтобы не путаться.

— Хорошо, — сказал гость, листая бумаги, — по-моему, все сходится.

— С чем сходится? — спросил Лейн. — Послушайте, сэр: будьте так любезны, объясните, зачем вы пришли и почему задаете такие вопросы.

— Что ж, — ответил мистер Питерс, — я полагаю, у меня есть такое право.

Элли и Лейн обменялись взглядами.

— Позвольте представиться: Стейвли Питерс, — произнес гость, отчетливо выговаривая каждое слово, — Стейвли Питерс, адвокат. Я распоряжаюсь имуществом покойного Конвина Майерса, который был уважаемым и успешным бизнесменом. Он оставил дела в превосходном состоянии, и... он оставил их вам.

Лейн медленно поднялся со стула, ошарашенно тряс головой.

— Он оставил все вам, мистер Говард. Вы были его ближайшим родственником, и он знал, что вы очень дороги его жене Марджори.

— Но я... я...

Лейн стоял перед адвокатом, и Элли цеплялась за его рукав.

— Я так обязан... конечно... — он с трудом подбирал слова, — но... простите, пожалуйста, что мне делать с похоронным бюро?

— Похоронное бюро он продал. И дом тоже. По словам моего клиента, из ваших писем было ясно, что вы любите Запад и никогда не захотите его покинуть.

— Да, он прав. Ни за что на свете, — заверил его Лейн.

— Ваше наследство составляют наличные деньги. Я взял с собой все необходимые документы. Все, что вам нужно сделать, — подписать несколько бумаг. А затем мы вместе посетим ваш банк.

— Мой банк! — рассмеялся Лейн. — У меня в жизни не было повода побывать в банке.

— Что ж, советую вам как можно быстрее выбрать надежное хранилище для денег, — сказал адвокат. — Их слишком много, и они не поместятся в носок сапога.

Вероятно, это была самая веселая шутка, на которую он был способен.

— Обязательно, сэр, — пообещал Лейн, — обязательно. Завтра же утром.

— По пути к вам я зашел в банк и отдал кое-какие распоряжения, чтобы уже сегодня вечером они могли оказать вам свои услуги. Должен сказать, мистер Говард, им не терпится открыть для вас счет, и уверен, они будут рады услужить вам. Мне тоже хочется быстрее покончить с этим делом и вернуться в город. Признаюсь, поиски и приготовления отняли у меня больше времени, чем я рассчитывал.

— Я сейчас же запрягу лошадь, — сказал Лейн. Вид у него был такой, словно его ударили мешком по голове.

Он повернулся к Элли:

— Ты подождешь меня, хорошо? — спросил он.

Секунду она не отпускала его.

— Подожду, если не лопну, — прошептала она. — О Лейн, ты веришь, что это происходит на самом деле?

Лейн мягко оторвал ее от себя и широко улыбнулся. Потом потянулся за пальто.

— Я быстро, — пообещал он, — буду гнать во весь опор. Поговорим, когда я вернусь домой.

Он поцеловал ее и поспешно последовал за городским адвокатом. Элли повернулась к плите, чтобы накрыть кастрюли крышками. Как знать, когда они сядут ужинать?

Глава двадцать восьмая

ПЛАНЫ

— Что же мы будем с этим делать? — спросила Элли, когда Лейн вернулся и показал ей цифру на банковской расписке.

Ей казалось, что прошла целая вечность, но на самом деле он управился довольно быстро. Адвокат был прав. Служащие банка подготовили все документы, чтобы заняться счетом Лейна. И банкир, и адвокат хотели как можно быстрее покончить с этим делом.

Лейн не поверил своим глазам, когда ему показали сумму на банковских документах. Вот это да! Огромная сумма денег в целости и сохранности лежала на его счету в банке.

— По дороге домой я все думал и думал, — ответил Лейн на вопрос Элли, — чего только мы не сможем на них сделать!

— У меня будет собственная швейная машинка, — с энтузиазмом начала Элли.

— Даже две, если хочешь, — пообещал Лейн, и Элли радостно засмеялась.

— А еще я куплю новые туфли, которые видела на витрине магазина.

— Новые туфли! Какой пустяк по сравнению с нашим бюджетом!

— Ах, Лейн! Мне просто не верится. Просто не верится!

— И мне. Как будто все происходит в каком-то странном сне.

Лейн потянул к себе Элли, чтобы она села к нему на колени, и прижался щекой к ее душистым волосам:

— А самое приятное в этом сне то, что теперь я могу подарить тебе все то, что мне так хотелось подарить... все, чего ты заслуживаешь! Я так боялся, что никогда...

— Разве я о чем-то просила? — нежно укорила его Элли, пропуская его локоны между пальцами. — Мне нужен только ты, и ты об этом знаешь.

Лейн прижал ее к себе и с чувством поцеловал.

— Я знаю, — прошептал он, — и потому мы так сильно любим друг друга.

— Ах, Лейн, теперь мы можем планировать, обсуждать, но не пора ли нам поесть, как ты думаешь? — напомнила Элли, отодвигаясь от мужа. — Даже если нам не хочется, лучше поесть. Если, конечно, это еще съедобно.

Они приступили к еде, которая и правда слишком долго стояла на плите, но ни один не чувствовал вкуса. Им было о чем подумать... и помечтать. Казалось, их возможности бесконечны. За ужином они разговаривали и смеялись. Затем

Элли убрала со стола, и они вместе мыли и вытирали тарелки, пока не наступила пора ложиться спать. И все это время молодые обсуждали неожиданный поворот событий.

— Знаешь, чего бы мне хотелось? — спросила Элли, когда они, прижавшись друг к другу, укрылись под теплыми одеялами.

— Чего?

— Купить орган для церкви. Маленький, но хороший. Как ты думаешь, мы можем себе это позволить?

— Почему нет? По-моему, это превосходная идея. Я думал, что подарить церкви — нашей и той, что на Западе. Мне и в голову не пришло, что нужно купить орган, но это было бы здорово!

— Давай подарим орган! — воскликнула Элли.

Лейн поцеловал ее в ухо.

— А знаешь, о чем я думаю? — спросил он ее.

— О чем?

— Теперь у нас есть деньги, чтобы купить ферму.

— Что?

— У нас есть деньги, чтобы купить ферму.

— Какую ферму?

— Эту.

— Но зачем она нам?

— Зачем? Чтобы тебе не пришлось уезжать отсюда. Ты останешься здесь, с мамой, как ты и хотела...

— Но, Лейн, — запротестовала Элли, — ты же не хочешь быть фермером. Тебе нравится работать на ранчо.

— Да, но и на ферме неплохо.

— Нет, не пойдет. Я против того, чтобы ты жертвовал собой, Лейн.

— И все же...

— Послушай! Мама уже приготовилась к тому, что нам придется попроситься. Да, ей тяжело, но она выдержит. Она не хочет, чтобы мы ради нее меняли свои планы. Она не будет счастлива, если я несчастна, а как я могу быть счастливой, если не уверена в том, что счастлив ты? Понимаешь?

— Но я счастлив, если могу сделать тебя счастливой.

— Нет, так нехорошо! Ты всегда мечтал работать на ранчо. Теперь ты можешь купить свой участок. И не просто надел земли, а настоящее ранчо, которым ты станешь гордиться. И когда-нибудь... когда-нибудь, возможно, у тебя, как у Вилли, появятся сыновья, и ты с радостью передашь его им.

Лейн прижал жену к себе, поцеловал ее волосы, и она почувствовала слезы, брызнувшие из его глаз.

Все радовались, услышав об удаче Лейна. Элли начала всерьез готовиться к отъезду. Теперь ей хотелось уехать еще больше, чем раньше. Ей не терпелось увидеть Запад, который так любит Лейн, помочь ему выбрать ранчо и начать обустроить дом — их собственный дом. Она мечтала увидеть Мисси и вновь оказаться рядом со старшей сестрой. У них были разные матери, но Марти любовно воспитала их обеих, и девочки очень сильно привязались друг к другу, хотя сейчас их разделяли тысячи миль. Элли каждый день молилась о том, чтобы быстрее нашелся покупатель на ферму, и они с Лейном могли тронуться в путь. Прошел апрель, наступил май. Подул

теплый ветерок, и снег растаял даже в тенистых местах. Элли надеялась, что вскоре будет вдыхать аромат весенних цветов. Тогда они точно продадут ферму.

Лейн продолжал работать в городе. По его словам, он по-прежнему нуждался в том, чтобы чем-то себя занять. Они с Элли втайне опустили в тарелку для сбора пожертвований большую сумму денег, чтобы молодой священник мог воспользоваться ими по своему усмотрению. Он нуждался в деньгах куда больше, чем они, рассудили супруги. Орган был заказан, и прихожане с волнением ожидали его появления. Кроме того, Лейн и Элли оставили солидную сумму, чтобы в будущем священник расходовал ее, если в церкви решат, что это необходимо.

Элли каждый день с нетерпением ждала возвращения Лейна с работы. В городе развесили объявления о том, что заинтересованным в покупке фермы Ла Хэй следует обращаться в местную конюшню к Лейну Говарду. К нему уже приходили несколько человек, но ничего из этого не вышло.

Однажды Лейн вернулся домой раньше, чем обычно:

— Ты рано, — заметила Элли, слегка удивившись, когда он просунул в дверь голову.

— Разве ты не рада меня видеть? — поддразнил он.

— Конечно, рада! Но ужин еще не готов.

Лейн притянул ее к себе и поцеловал:

— Да ну его, этот ужин! — сказал он. — У меня есть новости.

— Хорошие? — спросила она.

— По-моему, да!

— Так рассказывай!

— Я уволился с работы.

Элли удивилась:

— Уволился? Ну и ладно. Нет, я, конечно, не против, но... что в этом такого хорошего?

— То, что теперь у меня будет время, чтобы подготовиться к возвращению домой.

— Домой?

— Теперь мы можем ехать! Сегодня один человек купил ферму Ла Хэй.

Элли бросилась в его объятия.

— О Лейн! — воскликнула она. — Лейн, это чудесно!

Он поднял ее и закружил по комнате.

— И я так думаю! — крикнул он. — Наконец-то мы можем отправиться в путь!

Марти и Кларк понимали, что Лейну и Элли хочется как можно скорее обосноваться в собственном доме. Они радовались вместе с ними, услышав новость о продаже фермы. Это было и счастливое, и грустное время. Семья Дэвис вновь собралась вместе, чтобы отпраздновать счастливое событие и подготовиться к прощанию. За столом велись оживленные разговоры. Лейн уже заказал билеты на поезд. Почти все чемоданы были упакованы. Элли аккуратно сложила в коробки все, без чего могла пока обойтись, и Лейн заказал перевозку. Через несколько дней они отправятся в путь.

Элли расстроилась из-за того, что не сможет увидеть перед отъездом Клэ и Люка.

— Как знать, когда мы встретимся вновь! — сокрушалась она, и ее глаза наполнились слезами, хотя минуту назад в них горело радостное ожидание.

— Может, Люк приедет к нам в гости, когда закончит учебу? — успокаивал ее Лейн.

Элли с радостью согласилась, но Марти сказала про себя: *«Никогда в жизни. Не хочу, чтобы и Люк тоже туда уехал».*

Марти вспоминала о другой дочери, которая тоже мечтала быстрее переселиться на Запад. Ей пришлось отпустить свою Мисси.

Белинда заплакала. Десять человек поднялись с мест, чтобы броситься к ней, но Марти махнула, чтобы они оставались на своих местах.

— Сама схожу, — сказала она. — Наверное, девочка проголодалась.

Нет, Белинда не хотела есть. Просто она соскучилась. А еще ей был нужен чистый подгузник. Ей не нравилось быть мокрой, и она проявляла нетерпение.

Марти поменяла ей подгузник, радуясь тому, что у нее появился повод на несколько минут исчезнуть из поля зрения родных. Она крепко прижала к себе крошечную девочку и коснулась щекой ее головки.

— Как я рада, что Бог проявил мудрость и послал мне тебя, — прошептала она. — Только Он знает, как сильно я в тебе нуждаюсь.

Девочка схватила локон матери и попыталась засунуть его в рот.

— А ну-ка перестань, слышишь? — мягко пожурела ее Марти. — Ты запутаешь пальцы в волосах. Есть более вкусные вещи, поверь!

Ребенок что-то тихо пробурчал и схватился за воротничок матери. Марти поцеловала ее. Кажется, еще вчера она держала на руках крошечную Элли, а теперь та собирается уезжать.

Марти снова внимательно посмотрела на Белинду.

— Ну, ты меня не покинешь, — прошептала она. — Не важно, как быстро бежит время, все равно *ты* уйдешь не скоро. Да и Люк скоро вернется домой. Нет, конечно, он не будет здесь жить. Не думаю, что такое случится. Вряд ли. Но, во всяком случае, он поселится поблизости и станет навещать нас время от времени. Я помолюсь об этом. Он купит дом, чтобы жить неподалеку, и я буду следить за тем, как у него идут дела.

Марти еще раз поцеловала дочку и прижала ее к себе, чтобы спуститься вниз. Теперь она вновь готова разделить радость с остальными.

В день отъезда Элли и Лейна они собрались на станции отправления дилижансов, как не раз делали это в прошлом.

Марти хорошо справлялась со своими чувствами. По крайней мере, ей так казалось. Она сумела сдержать слезы и убедить Элли, что счастлива так же, как дочь.

— Ехать очень-очень далеко, — предупредила она ее. — Иногда мне казалось, что дорога никогда не кончится. В конце концов вы приедете, но затем вас ожидает утомительное путешествие на поезде.

Элли только улыбнулась.

— Ты взяла посылку для Мисси? — в пятый раз спросила Марти.

— Вот она, мама. Вместе с другими вещами. Я позабочусь о том, чтобы она получила ее, как только мы приедем.

— Ты уверена, что ничего не забыла? — поинтересовался Кларк.

— Ох, папа! — улыбнулась Элли. — На Западе тоже есть магазины.

Вскоре багаж погрузили в дилижанс. Подросший Рекс жаловался на недостаток места, но Лейн потрепал его за ухом и пообещал, что при каждой возможности будет выводить его на прогулку.

Элли, до последнего момента державшая Белинду на руках, наклонила голову, чтобы поцеловать малютку.

— Знаешь, чего мне будет не хватать? — прошептала она. — Того, что я не увижу, как ты растешь.

Она залилась слезами, и Марти подошла, чтобы привлечь к себе дочерей.

Кучер вскарабкался на сиденье и взял в руки поводья. Парень из конюшни поддерживал головы лошадей и старался их успокоить, но они привыкли бегать галопом, и им не терпелось пуститься в путь.

Родные торопливо обнимались и целовались на прощание, а затем Лейн и Элли сели в дилижанс. Он уехал, подняв облачко пыли. Марти достала платок, чтобы вытереть пыль с лица и осушить слезы.

Родные повернули к упряжкам лошадей; оставаться дольше не имело смысла. Элли уехала. Она спешила навстречу

мечте, а они остались: им нужно позаботиться о том, чтобы сбылись их собственные.

По дороге из города Марти подняла голову и внимательно осмотрелась по сторонам.

— Здесь красиво, правда? — спросила она Кларка.

— Точно, — уверенно ответил он. Казалось, он чувствовал, что этих простых слов вполне достаточно.

— Я вовсе не скучаю по Западу. А ты?

— Ни капли.

Некоторое время они ехали молча.

— Здесь живут Нандри, Клэр и Арни. И Люк скоро вернется. А когда-нибудь, возможно, Клэ и Джо тоже приедут.

— Да, — подтвердил Кларк, — возможно.

— Здесь живет больше половины наших детей, — продолжала Марти. — А ведь это неплохо, а?

— Очень неплохо. Кроме того, ты забыла одного ребенка.

Секунду Марти удивленно смотрела на него, но затем вспомнила об очаровательном создании, которое держала на руках.

— Ох, и правда! Пожалуйста, Белинда, не обижайся! — сказала она, поднимая малютку и целуя ее в щеку.

— Уверен, что она тебя прощает на первый раз, — поддразнил Кларк.

Марти опять замолчала. Она жадно вдыхала теплый воздух. Она любила весну: в ней всегда таятся новые обещания.

— Только подумай, Кларк! Мы и оглянуться не успеем, как у нас появятся два новых внука.

Кларк широко улыбнулся.

— А самое приятное, — сказала Марти, — что они будут рядом с нами, и мы сможем их баловать.

Кларк согласился.

Марти огляделась по сторонам. На пастбищах появилась молодая зеленая травка. На деревьях, растущих по краям дороги, стали распускаться листочки. Синее небо у них над головой было таким ярким, как будто желало растениям как можно быстрее набраться силы, появиться на свет и расцвести.

— Вот и сеять пора, — задумчиво произнесла Марти.

— Ага, — ответил Кларк, набрав полную грудь воздуха.

— Ты сможешь мне в этом году? — пошутила Марти.

Оба понимали, что она намекает на то, как много лет назад Кларк впервые в жизни засеивал огород вместе с юной Марти.

— А ты не станешь возражать? — поддразнил он ее в ответ.

— Если будешь себя хорошо вести.

Они оба засмеялись.

— Ох, Кларк, — сказала она через несколько минут, — а ведь как давно это было, когда я сажала тот первый садик!

Он пристально посмотрел на нее, глубоко заглянув в глаза. Затем взял ее за руку.

— Неужели? — спросил он. — А мне кажется, это было вчера.

Глава двадцать девятая

НАСЛЕДСТВО

Малютку Белинду покормили, чтобы она спокойно спала ночью. Марти и Кларк иногда клали ее между собой и некоторое время любовались милой девочкой, а потом переносили в кроватку. Она еще не спала и лежала, глядя на их лица, которые уже научилась любить. Одной ручкой Белинда крепко сжимала отцовский палец, а второй схватилась за платье Марти. Так она держала их обоих. И не только детскими пальчиками, подумала Марти, но и узами любви.

Она любовалась лежащей между ними крохой и размышляла об Элли. Столько всего случилось с ней за короткое время!

— Удивительно, правда? — тихо проворковала она. — Мне все еще не верится. Как будто мы живем в сказке. Кто бы мог подумать, что одному из наших родных оставят наследство?

— Да еще такое огромное! — поддержал ее Кларк. — Да, конечно, Лейн не превратился в миллионера, но получил фору по сравнению с другими молодыми людьми.

— Я в него верю, — заметила Марти. — Богатство не сведет его с ума. Он щедрый и ответственный и сумеет правильно распорядиться деньгами.

— В последнее время я много думал о наследстве, — сказал Кларк, оборачивая вокруг пальца локон Белинды.

— Что именно?

— Ну, о том, какое наследство мы оставляем после себя.

— Например?

— Ну, скажем, деньги. Об этом все знают. Конечно, не все их получают, но время от времени такое случается, и Лейн тому пример.

Марти кивнула в знак согласия.

— Но есть и другие виды наследства.

Она сделала жест рукой, чтобы он продолжал. Белинда отпустила ее платье и махнула ручкой, легонько ударив Марти по подбородку. Она поймала ее кулачок и прижала к губам.

— Возьмем нашу малютку — нужно подумать о том, что мы ей оставим. И я говорю не о деньгах в банке. Я говорю о характере — вере, любви к другим людям, готовности к самопожертвованию, независимости, зрелости.

Марти понимала, к чему клонит Кларк. Она молча кивнула.

— Нам предстоит нелегкая работа, женушка. Много счастья, но также хлопот и трудов.

— Вчера я подумала: ну вот, опять! — призналась Марти. — Снова подгузники, болезни, зубы, горшок. Ох, Кларк! Нам нужно еще столько всего сделать!

— А потом школа, уроки, друзья, и не успеем мы оглянуться — женихи! — подхватил Кларк.

— Даже страшно, — прошептала Марти.

— Страшно? — рассмеялся Кларк. — Возможно. Но было бы еще страшнее, если бы у нас перед глазами не было хороших примеров.

— О ком ты?

— О наших детях. Ни одного гнилого яблока в урожае.

Марти улыбнулась, задумавшись о родных.

— Иногда я очень ими горжусь, — призналась она.

— И я тоже, — согласился с ней муж, — я тоже.

— Например, Кейт и Клэр. Я ведь так боялась! Думала, что они не выдержат потери ребенка. Они так мечтали о нем, Кларк! Так мечтали! Но они как будто вовсе не испытывают горечи. Они ведут себя, как истинные... истинные, испытанные христиане. Кажется, они стали еще больше любить друг друга и... набрались мудрости. Я горжусь ими. А Элли! — воскликнула Марти. — Когда Нандри переживала не самые легкие времена, она не отступилась и показала ей, в чем та ошибалась, не поучая и не обижая ее. Слышал бы ты ее, Кларк! Ты был бы ею очень доволен. Да и сама Нандри! Я и не знала, что она мучается обидой еще с тех пор, как была маленькой девочкой. И все же когда она поняла, что не права, то... то просто попросила Господа простить ее.

Кларк нежно прикоснулся к дочери, а потом положил ее к себе на грудь.

— Да, моя маленькая, тебе тоже предстоит узнать о прощении.

Белинда только посапывала, засунув в рот пальчик и надежно устроившись на груди отца.

— А Арни! — продолжала Марти. — Он так молод, а уже проповедует, и это прекрасно у него получается. Клэ и Джо тоже служат в церкви, Мисси и Вилли строят церковь у себя дома, Люк учится на врача...

— Знаешь, — задумчиво улыбаясь, заметила она, — ты прав, Кларк. В нашем урожае нет ни одного гнилого яблока.

— Люк, — соглашаясь с Марти, Кларк повторил имя младшего из сыновей. — По-моему, мы выбрали ему подходящее имя.

— Почему?

— Люк. Доктор Люк².

— Никогда об этом раньше не думала. Да, имя ему подходит, верно?

Белинда подняла головку и схватила Кларка за нос мокрой ручонкой. Он засмеялся и повернулся, чтобы лучше видеть ее.

— Боюсь, ты избалуешь ее своими нежностями, — пожурила его Марти.

— Избалую?

— Ты постоянно ее обнимаешь, качаешь и гладишь. Она решит, что в этом и заключаются отцовские обязанности.

— Я точно так же вел себя с остальными детьми, и все же ты только что согласилась, что они выросли замечательными людьми, — напомнил ей Кларк.

Марти улыбнулась. Это правда. Он всегда с любовью и вниманием относился к их малышам. Кларк сделал серьезное лицо.

— Что именно мы делали правильно, Марти?

— Разве это важно?

— Думаю, да. У нас родилась Белинда. Мы не можем позволить себе ее испортить. — Кларк поцеловал ее в лобик.

Марти задумалась на минуту.

— Честно говоря, — наконец сказала она, — я не знаю точно, что мы делали правильно. Мы допускали ошибки, я знаю это наверняка, много ошибок. Но Бог знает, мы старались поступать правильно. Может, поэтому Он и вознаградил нас — за старание.

— Многие родители стараются, но у них ничего не выходит, — напомнил ей Кларк.

Это было верное наблюдение, и Марти это знала.

— Нужна вера, Кларк, — мягко заметила она. — Нам остается рассчитывать только на нее. Раньше Бог не подводил нас — и мы доверим Ему Белинду.

— Вера, — повторил Кларк. — Верить в Бога, а еще работать, шлепать, учить и молиться, как мы делали раньше.

— Наверное, это имеет отношение к наследству, о котором ты говорил раньше. Много зависит от того, что мы оставляем своим детям — точнее, не *им*, а *в них*.

— Хотел бы я, чтобы это было так просто, как передать семейные владения!

— Как это?

— Мы же не просто передаем веру. Мы должны передать желание обрести свою собственную. Нужно каждый день

показывать своим примером, что то, чем ты владеешь, стоит того, чтобы жить, бороться и работать. Вера из вторых рук никуда не годится. Они должны обрести собственную.

— В том-то и секрет, — прочувствованно согласилась Марти. — В собственной вере. Я так благодарна Богу за то, что каждый из наших детей самостоятельно принял решение вручить свою жизнь Господу.

— И это еще не конец — жизнь продолжается. Они учат и наставляют наших внуков и, с Божьей помощью, будут учить правнуков. Это будет повторяться снова и снова, пока Иисус не вернется, — добавил Кларк.

Марти улыбнулась.

— Какая прекрасная мысль! — заметила она и коснулась головки ребенка на груди у Кларка. Их ребенка. — И подумай только: все начинается с крохотного малютки, которого Сам Господь решает нам доверить.

— Нет, — ответил Кларк, тщательно взвешивая слова. — Все началось задолго до этого: Отец так возлюбил людей, что прислал нам Своего Сына. Все начинается с того, что мужчины и женщина решают последовать за Ним и вернуть ребенка Господу. Все начинается с этого, — но никогда не закончится. Это наследство, которому воистину нет конца.

Примечания

¹ Песня «Тело Джона Брауна» начинается так: «Тело Джона Брауна лежит в земле сырой, но его дух шествует по земле...» Она написана в честь фанатичного религиозно настроенного противника рабства Джона Брауна. В октябре 1859 года он вместе со своими сыновьями и несколькими сторонниками напал на арсенал оружия в Харперс Ферри, Вирджиния. Браун, тайно получавший поддержку от состоятельных abolitionистов Нью-Йорка, хотел дать этим сигнал к восстанию рабов на Юге. Но попытка не удалась, и Браун вместе со своими людьми вскоре был повешен. — *Прим. переводчика.*

² Люк — английская форма имени евангелиста Луки, который также был врачом.

Оглавление

Глава первая	
Возвращение домой	7
Глава вторая	
Новости	19
Глава третья	
Осмотр	31
Глава четвертая	
События	41
Глава пятая	
Признание	49
Глава шестая	
Объявление	57
Глава седьмая	
Надежда	65
Глава восьмая	
Визит к Ма	75
Глава девятая	
Бен	85

Глава десятая	
Хорошие новости	93
Глава одиннадцатая	
Ма Грэхам	105
Глава двенадцатая	
Лейн помогает Дэвисам	111
Глава тринадцатая	
Марти назначает свидание	123
Глава четырнадцатая	
Рождество	133
Глава пятнадцатая	
К обычной жизни	147
Глава шестнадцатая	
Секреты	157
Глава семнадцатая	
Размышления и письма	165
Глава восемнадцатая	
Разговор с Элли	179
Глава девятнадцатая	
Темные тени	187
Глава двадцатая	
Нандри	199

Глава двадцать первая	
Лейн приходит на ужин	217
Глава двадцать вторая	
Ма приезжает в гости	229
Глава двадцать третья	
Элли строит планы	245
Глава двадцать четвертая	
Церковь и дом	251
Глава двадцать пятая	
Умение делиться	267
Глава двадцать шестая	
Семейный ужин	279
Глава двадцать седьмая	
Сюрприз	285
Глава двадцать восьмая	
Планы	299
Глава двадцать девятая	
Наследство	311
Примечания	317

«ВЕЧНОЕ НАСЛЕДСТВО ЛЮБВИ» («Love's Unending Legacy») — пятый роман американской писательницы Джанет Оак из серии книг, повествующих об истории семьи Дэвис. Действие романа разворачивается на западных землях Северной Америки, осваиваемых переселенцами в начале XIX века.

Марти и Кларк Дэвис возвращаются домой после путешествия на Запад, где живет их дочь Мисси, которую они навещали. Они знают, что встретятся с переменами. Готовы ли они к тому, что произошло после их отъезда из дому?

Клэр и Кейт с нетерпением ожидают рождения ребенка, но будущие события испытают их веру на прочность. Люк хочет стать врачом, и учеба оторвет его от родного дома. Элли превратилась в привлекательную молодую женщину. Есть ли поблизости достойный ее мужчина? А Нандри винит Бога в том, что случилось с Кларком.

Какой секрет Марти скрывает от семьи?

Наследство ДЖАНЕТ ОАК составляют более четырех дюжин романов, многие из которых отмечены премией Христианской литературы и Золотым медальоном. Немаловажное значение имеет и литературное течение, вдохновленное успехами ее книг. Но самое ценное — тысячи писем, получаемых ею от читателей со всего мира и говорящих о том, что ее истории оказали глубокое воздействие на их умы и сердца.

ISBN 978-966-2089-39-4 (Укр.)
ISBN 978-3-939887-72-0 (Герм.)